

2020 | Том 12 | №1

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2020 || Том 12 || № 1

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2020

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
198 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14а

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2020

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Г. М. Федоров**, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретицин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **К. Ляхто**, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); **В. А. Мау**, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., СПбГУ (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия).

Подписной индекс 32249
Тираж 1000 экз.
Дата выхода в свет 26.03.2020 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309
от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая регионалистика

- Осколков П.В.* Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов 4
- Ланко Д.А., Ланцова И.С.* Национализация партийной системы Эстонии в 2005—2019 годах 16
- Грибанова Г.И., Соотла Г., Каттаи К.* Реформы местного самоуправления в Эстонии: институциональный контекст, намерения и результаты 32
- Романова Т.А., Соколов Н.И., Колотаев Ю.Ю.* Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена 53
- Григорьева О.В., Плюснин Н.О.* Фолькетинг как участник внешней политики Королевства Дания в отношении ЕС и РФ: сравнительный анализ 68

Социальная география и региональная социология

- Житин Д.В., Кришьяне З., Секи Г., Берзиньш М.* Пространственные различия социальной дифференциации в постсоветский период: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Риги 85
- Дежина И.Г., Солдатова С.Э. Ушакова С.Е.* Миграция научных кадров Балтийского региона: прогноз и факторы влияния 115
- Михайлов А.С., Венд Я.А., Пекер И.Ю., Михайлова А.А.* Пространственно-временные закономерности трансфера научных знаний в приграничье 132

Экономическая география и региональная экономика

- Руус Й., Волощенко К.Ю., Дрок Т.Е., Фарафонова Ю.Ю.* Анализ экономической сложности Калининградской области — выбор отраслевых приоритетов в новой парадигме создания ценности 156
- Кривошеев В.В., Макаров С.Н.* Востребованные управленческие компетенции: сравнительный анализ эксклавного региона и столицы 181

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА ЭСТОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И СМЕНА ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ

П. В. Осколков ^{а, б}

^а Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11–3

^б МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 24.08.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-1

© Осколков П.В., 2020

В Эстонии за годы независимого существования сформировалась развитая партийная система; при этом наблюдаются определенные территориальные закономерности голосования за те или иные партии. В последние годы появился ряд новых партий, и региональные (как и этнические, что также существенно для Эстонии) паттерны голосования претерпели существенные изменения. Цель исследования — подробное рассмотрение изменений, произошедших в партийно-политической системе Эстонии за последние годы, их причин, роли этнического и территориально-географического факторов в трансформации электорального поведения эстонских граждан. Исследование выполнено в рамках системного подхода, позволяющего разрешить проблему «агент — структура» в пользу общей структуры и целостной системы партийного поля Эстонии; использованы метод сравнительного системного анализа и методы электоральной географии. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что этнический и территориально-географический факторы постепенно становятся все менее значимыми для электорального поведения граждан в силу развития и становления в стране гражданского общества, основанного не на этнических, а на общегражданских принципах; в первую очередь трансформации устоявшихся паттернов способствуют образование новых партий и коалиционное строительство, непосредственно влияющее на имидж партийных структур в глазах избирателя.

Ключевые слова:

партийная система, электоральная география, этничность, неграждане, гражданское общество, коалиционное строительство

Введение

С момента повторного обретения независимости в Эстонии сформировалась весьма развитая партийная система; практически каждой из возможных идеологических позиций соответствует какая-либо партия. В соответствии с принципа-

---

Для цитирования: Осколков П. В. Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 4–15.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-1.

ми электоральной географии те или иные партии традиционно более популярны в определенных регионах. В случае Эстонии на протяжении полутора десятилетий наблюдались схожие шаблоны: так, в северо-восточном уезде Ида-Вирумаа и в Таллине традиционно голосовали за Центристскую партию (о причинах чего ниже), в южных уездах Валгумаа и Вырумаа — за социал-демократов. Однако появление ряда новых игроков на политической сцене Эстонии смешало традиционные схемы, привело к формированию неожиданных для консервативной публики коалиций и переделу электоральной карты страны.

В данной статье мы постараемся ответить на следующие исследовательские вопросы: как изменилась партийная система Эстонии за последние годы? какие акторы имеют в ней первостепенное значение? как изменились региональные паттерны голосования за те или иные партии в Эстонии в последние годы? какую роль в этих изменениях играют этнический фактор и фактор приграничного положения? Представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: появление новых партийных игроков в партийно-политической системе страны размыло традиционные электоральные предпочтения жителей тех или иных регионов, в результате чего этнический и пограничный факторы стали проявляться менее ярко.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части мы представим краткий обзор партийной системы Эстонии в динамике с 2007 по 2019 год, то есть с учетом последних четырех электоральных циклов, а также указываем на наиболее яркие региональные паттерны голосования за те или иные политические партии в означенный период (уровень анализа — волость / vald, а также уезд / maakond, в случае если конгруэнтность данных по уезду позволит сделать соответствующее обобщение до административно-территориальной единицы первого порядка). Далее мы считаем возможным указать на особенности проявления этнического фактора в эстонской электоральной динамике. Наконец, проанализировав динамику электорально-географической ситуации в Эстонии за последние 12 лет, формулируем основные причины и последствия произошедших изменений.

Партийная система Эстонии и региональное распределение голосования

Партийная система Эстонии в достаточной степени фрагментирована. В парламент (Рийгикогу) входят пять партий, всего же на настоящий момент в стране зарегистрированы пятнадцать партийных объединений. Таким образом, по классификации Дж. Сартори, Эстонию можно отнести к странам с системой умеренного плюрализма. Постараемся подсчитать индекс эффективного числа партий Лааксо — Таагеперы для Эстонии, исходя из последних (2019) парламентских выборов:

$$N = \frac{1}{\sum p_i^2} = \frac{1}{0,288^2 + 0,23^2 + 0,178^2 + 0,114^2 + 0,098^2} = \frac{1}{0,190128} = 5,3.$$

Если округлить до целого числа, эффективное число партий в Эстонии равно пяти; более того, именно столько партий, как уже было сказано, сейчас и представлены в Рийгикогу.

Вкратце осветим особенности развития и идеологии парламентских партий Эстонии¹.

¹ Также считаем необходимым отослать читателя к наиболее полному исследованию истории и структуры политических партий Эстонии в 2000—2010 годах, проведенному Р. Тоомла [1, lk. 32—50].

Центристская партия (Keskerakond) — одна из старейших партий Эстонии, образованная еще в 1991 году на базе Народного фронта Эстонии (одной из двух структур, сыгравших ключевую роль в новом обретении страной независимости). Возглавил партию Эдгар Сависаар. Идеология партии — социал-либерализм, левый популизм, при этом традиционно центристы эксплуатируют нужды русскоязычного электората, говоря о своей поддержке русскоязычного образования, упрощении натурализации и прочих насущных проблемах. Поэтому неудивительно, что с 1999 года (после выхода партии из относительной политической изоляции, связанной с рядом скандалов) в цвета центристов традиционно окрашиваются северо-восточный уезд Ида-Вирумаа (наиболее «русскоязычный» уезд Эстонии, приграничный с Россией) и город Таллин, где также очень высок процент русскоязычных граждан. В 2016 году Э. Сависаара на посту лидера сменил Ю. Ратас (о последствиях чего см. далее); «смена караула» сопровождалась обвинениями бывшего лидера в коррупции и связях с Кремлем (конкретно — с В. Якуниным и рядом функционеров партии «Единая Россия»). Еще в 2010 году Полиция безопасности Эстонии (КаРо, Kaitsepolitsei, основная эстонская спецслужба) в своем рапорте назвала Сависаара «агентом влияния России»² (см. также [2]).

Правولیберальная Партия реформ (Reformierakond) — также старожил эстонской политической сцены. Сийм Каллас, тогда президент Банка Эстонии, сейчас — вице-президент Европейской комиссии, основал партию в 1994 году, опираясь на идеи либеральной экономики Ф. фон Хайека и М. Фридмана. Представители партии входили в правящие коалиции с 1999 по 2016 год. Собственно, и на выборах 2019 года реформисты (из-за своего символа также называемые в обиходе «белочками») набрали больше всего голосов, но все равно недостаточно, чтобы сформировать правительство единолично. Карты практически всех эстонских уездов в той или иной степени окрашиваются в цвета реформистов, начиная с 2007 года, когда партия перестает быть лишь удобным коалиционным партнером и превращается в мощную, самостоятельную политическую силу.

Социал-демократическая партия Эстонии (Sotsiaaldemokraatlik erakond) была основана в 1990 году путем объединения нескольких социал-демократических групп, выступавших за независимость Эстонии как внутри страны, так и из-за рубежа. Первым лидером партии стала социолог Марью Лауристин. В 1996—2004 годах в союзе с аграриями партия именовалась «Умеренные» (*Mõõdukad*). В правительстве социал-демократы оказались представлены лишь в 2016 и в 2019 годах, будучи удобным и компромиссным партнером, способным привнести дополнительную опору для кабинета, не ставя невыполнимых условий (в этом смысле их положение напоминает ситуацию Свободной партии Германии — партии-маятника, готовой поддержать ту или иную коалицию, но большинство голосов получить а priori не способную). С 2007 года становится очевидным, что партия была наиболее популярна на юге страны, в уездах Валгамаа и Вырумаа. Однако анализ электоральных карт 2015 и 2019 годов демонстрирует резкое падение уровня поддержки социал-демократов: в 2019 году во всей стране не нашлось волости, где они получили бы большинство голосов (рис. 1, 2). Симпатии жителей уезда Вырумаа перешли к правым популистам из Эстонской консервативной народной партии, а валгасцы предпочли голосовать за реформистов и центристов. Волость Кохтла в приграничном с Россией уезде Ида-Вирумаа, в 2015 году поддерживавшая Социал-демократическую партию, в 2017 году была включена в состав волости Тойла, и в 2019 году объединенная волость проголосовала за реформистов (рис. 1, 2).

² Kaitsepolitseiameti käskkiri. 21.12.2010. №98Т.

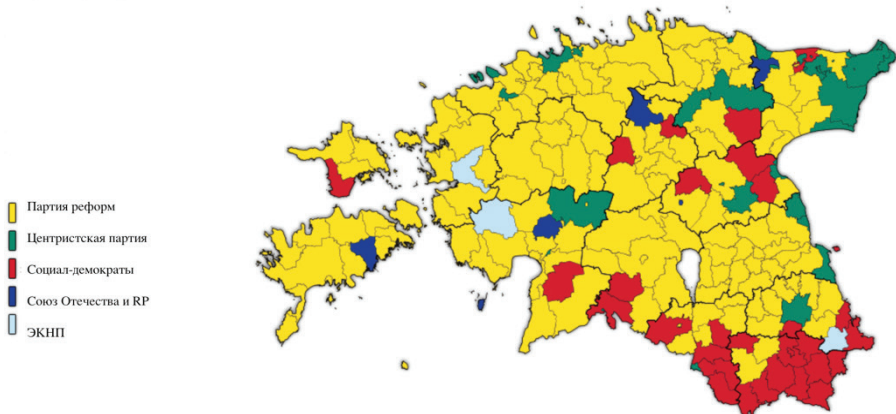

Рис. 1. Распределение голосования за основные партии на выборах в Рийгикогу в 2015 году³

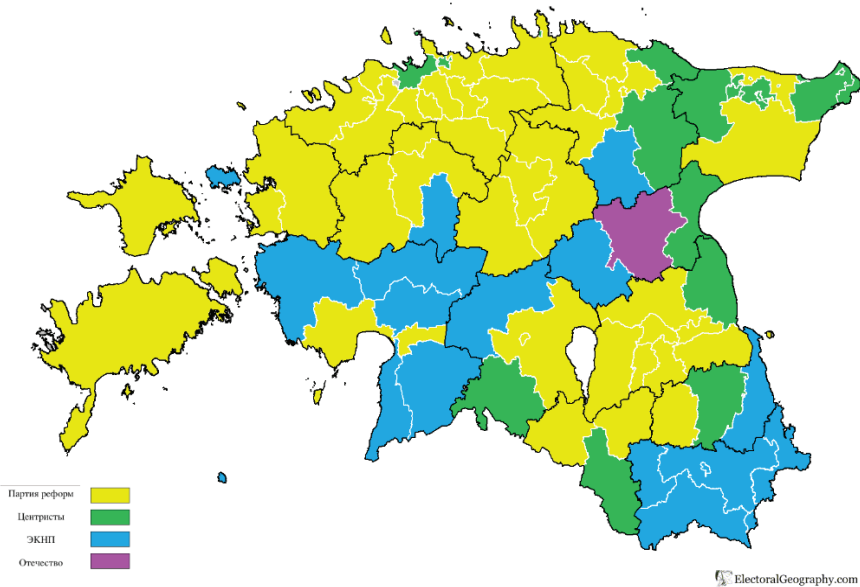

Рис. 2. Распределение голосования за основные партии на выборах в Рийгикогу в 2019 году⁴

«Отечество» (*Isamaa*; до 2018 года — Союз Отечества и Res Publica, IRL) — правоконсервативная партия, идеология которой близка к христианской демократии. «Союз Отечества» (*Isamaaliit*) возник в 1995 году в результате слияния Партии национальной независимости Эстонии (ПННЭ) и Национальной коалиционной партии «Отечество» (объединение христианских демократов, консерваторов и ре-

³ *Eesti Erakondade Ajalugu*. 2015. URL: <http://www.erakonnad.info/kaardid/2015-RK.html> (дата обращения: 17.08.2019).

⁴ *Estonian Legislative Election 2019* // Electoral Geography. 2019. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/en/estonia2019/2019-estonia-legislative-municipalities.png> (дата обращения: 17.08.2019).

спубликанцев). В 2006 году к ним присоединилось консервативное объединение Res Publica. Часто партия ассоциируется, особенно зарубежными комментаторами и русскоязычными избирателями, с эстонским национализмом; ряд авторов даже (совершенно неоправданно) назвали ее ультраправой [3, с. 84]. Подобным имиджем «Союз Отечества» обязан прежде всего своему прошлому. В 1990-е годы именно его представители стали главными адептами полного экономического и политического реформирования страны, вхождения ее в европейские и атлантические интеграционные структуры. Именно ПННЭ и «Отечество» аккумулировали в начале 1990-х годов основной массив советских диссидентов, националистически настроенной интеллигенции и вернувшихся эмигрантов.

В последние годы партия IRL старалась избавиться от такого образа, привлекая русскоязычных избирателей. Кульминацией этой стратегии стало выдвижение в качестве одной из ключевых фигур на парламентских выборах русскоязычной журналистки Виктории Ладынской [4, с. 36—38]. Однако достигнутый эффект был практически нивелирован, когда перед выборами 2019 года «Отечество» избрало своим главным лозунгом фразу «Isamaa on eesti keeles», то есть «Отечество на эстонском языке»: логично, что чувствительные русскоязычные избиратели увидели в этом потенциальную угрозу русскоязычному полю. На электоральных картах 2007—2019 годов волости и уезды, где преобладали голоса за IRL, разбросаны в пространстве; интересно, что в 2019 году большинство голосов было отдано за «Отечество» только в волости Йыгева уезда Йыгевамаа (рис. 2); что особенно удивляет, учитывая, что волостной старейшина Ааре Ольго, как и его предшественник Энн Кург, — центристы. Вероятно, здесь сыграла свою роль определенная усталость от доминирования Центристской партии.

Таллинский исследователь Т. Саартс считает возможным говорить о формировании в эстонском политическом поле «двух типов демократий», одна из которых, «националистическая оборонительная демократия», наследует традиции образованного в 1990 году Эстонского комитета и характеризуется приоритетом ценностей национальной безопасности перед непосредственно демократическими, а также конфронтационной риторикой. Вторая же, «гражданская демократия», проистекает из традиции Народного фронта Эстонии, отдает приоритет демократическим ценностям и компромиссной риторике [5, lk. 80—82]. Первая «демократия» характерна для «Отечества», вторая — для центристов и социал-демократов.

Эстонская консервативная народная партия (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE, ЭКНП), которую уверенно можно классифицировать как правопопулистскую, возникла в 2012 году в результате слияния Эстонского народного движения (Eesti Rahvuslik Liikumine, ERL, ЭНД) и Эстонского народного союза (Eestimaa Rahvaliid, ЭНС). Партия отличается евроскептической, антииммигрантской, антироссийской и гомофобной риторикой; также лидеры ЭКНП упрекали правительство (до тех пор, пока не стали его частью) в «недемократической централизации управления и монополизации СМИ» [6, р. 98]. Возглавил ЭКНП Март Хельме, ранее в том числе занимавший пост посла Эстонии в Российской Федерации. Партия активно эксплуатирует тезисы об «иммиграционной угрозе», «российской угрозе» и Европейском союзе, якобы пытающемся подорвать эстонский суверенитет. Особую роль в партии играет молодежное крыло — «Синее пробуждение», которое служит эффективным инструментом рекрутирования правой молодежи. С момента образования ЭКНП ее электоральная привлекательность существенно возросла за счет популистских лозунгов (на карте 2015 года в ее цвета окрашены лишь три волости: Мартна в уезде Ляэнемаа, Коонга в Пярнумаа и Орава в Пылвамаа, а в 2019 году таких областей уже существенно больше; рис. 1 и 2), и в 2019 году партия вошла в коалиционное правительство с центристами и партией «Отечество» (кабинет получил название EKREIKE: EKRE, Isamaa, Keskerakond).

Помимо ЭКНП в эстонскую политику за последние пять лет вошли еще некоторые новые партии. Наиболее примечательные из них — это Свободная партия Эстонии и партия «Эстония 200». Свободная партия Эстонии (*Eesti Vabaerakond*) была создана в преддверии выборов 2015 года и представляла собой партийную организацию, чьей целью было лишь привлечение голосов и прохождение в парламент; своеобразная «партия ради партии». Свободную партию основали «ветераны» IRL, недовольные объединением «Союза Отечества» и *Res Publica* и опасавшиеся поражения на выборах 2015 года [7, с. 73]. Эксперты отмечали отсутствие у партии четкой идеологии [8], но приблизительно ее можно было бы охарактеризовать как правоцентристскую. В 2015 году, благодаря привлечению в свои ряды нескольких известных общественных деятелей, Свободная партия смогла получить места в Рийгикогу, но в 2019-м она уже не сумела преодолеть пятипроцентный порог.

«Эстония 200» (*Eesti 200*) — также интересный пример сугубо предвыборного проекта. Партия была основана в 2018 году, ее название — аллюзия на отмечавшийся в том году столетний юбилей Эстонии. Названием подразумевается, что Эстония под руководством данной партии должна решить стоящие перед ней насущные проблемы и прийти к двухсотлетию процветающей страной. Председателем партии стала политолог Кристина Каллас. Предвыборная агитация партии вызвала массу критики: на остановках общественного транспорта технологи «Эстонии 200» разместили надписи «Только для эстонцев» и «Только для русских» без пояснения того факта, что подобные обозначения — лишь элемент предвыборной кампании. Таким специфическим образом партия пыталась привлечь внимание на сохраняющийся в стране раскол между крупными частями общества по этническому и языковому признаку, однако такой ход привел лишь к падению рейтинга партии в два раза [9]. В результате скандалов и отсутствия четкой позиции (помимо манихейского дискурса «за все хорошее») «Эстония 200» не смогла преодолеть порог парламентского представительства.

Этнический фактор в эстонской партийной политике

Самым крупное и заметное этническое меньшинство в Эстонии — это русские (сознательно избежим термина «русскоязычные» в силу его большей инклюзивности). При этом не стоит упускать из виду неоднородность русского населения Эстонии: это как потомки русских, проживавших в Эстонии до революции (из которых отдельной и достаточно представительной группой являются старообрядцы, поселившиеся в районе Чудского озера — в Причудьи — в конце XVII века) и в период «первой» независимости (1918—1940), так и прибывшие в Эстонию после ее включения в состав СССР (и их потомки); наконец, определенный процент «эстонских русских» составляют эмигранты последних десятилетий.

Практически априорно возникающая при обсуждении русского населения Эстонии проблема негражданства — подмножество, с проблемой русских не совпадающее, так как, во-первых, из упомянутых эстонских русских она касается только тех, кто приехал в Эстонию после 1940 года (и их потомков, притом далеко не всех), во-вторых, не все эстонские апатриды — этнические русские. По данным Департамента статистики Эстонии, в 2019 году в стране проживало 328 299 русских (24,78 % населения), из которых большая часть — в уезде Хартюмаа (184 600, включая столицу Таллин; 30,87 % населения уезда) и пограничном Ида-Вирумаа (101 248, или 74,34 % населения уезда)⁵; при этом на 1 января 2019 года в стране

⁵ *Rahvastik soo, rahvuse ja maakonna järgi*, 1. jaanuar // Eesti Statistika Andmebaas. 2019. URL: http://andmebaas.stat.ee/OECDStat_Metadata/ShowMetadata.ashx?Dataset=RV0222&Lang=et (дата обращения: 17.08.2019).

проживало 76 148 апатридов. Числа явно несопоставимые. О процентном составе апатридов автору удалось обнаружить только данные 2011 года, но, учитывая неуклонную положительную динамику, они также свидетельствуют о несовпадении подмножеств «русские» и «неграждане» и нерелевантности соответствующего дискурса: в 2011 году только 21,1 % этнически русских жителей Эстонии имели «паспорт иностранца».

Сама же проблема «негражданства» возникла из-за того, что вернувшая себе независимость Эстония избрала правовой принцип континуитета (преемственности от республики 1918—1940 годов), что подразумевало в том числе автоматическое предоставление гражданства только гражданам той самой республики и их прямым потомкам (подробнее см. [10]); остальные же могли (и могут) либо получить гражданство, пройдя процедуру натурализации (окончательно формализованную лишь в 1995 году с принятием новой редакции Закона о гражданстве), либо довольствоваться статусом «негражданина» (по-эстонски — «иностранца», *välismaalane*). В этом смысле Эстония во многом пошла по пути, схожему с латышским (где также был сделан выбор в пользу континуитета и введен статус «негражданин» — *nepilsoni*, однако перечень их прав гораздо меньше, чем в Эстонии) и отличному от литовского, где в силу отсутствия значимого русскоязычного меньшинства (что, в свою очередь, объяснялось намного меньшими объемами внутренней миграции в Литву из РСФСР) был принят «нулевой вариант» гражданства. Решение о непредоставлении гражданства части населения в том числе было продиктовано (обоснованными) опасениями, что, получив электоральные права, столь крупное меньшинство сохранит ориентацию на бывший СССР и демократическим путем создаст препятствия к радикальному реформированию экономической и политической системы страны.

В связи с подобной ситуацией Эстонию и Латвию некоторые исследователи классифицируют как «этнократии» (концепт, в отечественной социологии развиваемый Ж.Т. Тощенко [11, с. 55]; также см. [12]), или «этнические демократии» (концепт С. Смухи [13, р. 55—56]). Касаясь данной проблемы в рамках данной статьи лишь вскользь, отметим, что подобная классификация в отношении стран Балтии весьма спорна; скорее, вслед за А.И. Тэвдой-Бурмули предположим, что речь идет о запоздалом (заторможенном объективными причинами) проекте создания национального государства («Nation State») — как раз в тот период, когда данный концепт постепенно отмирает [14, с. 194].

В контексте данной статьи нас интересует прежде всего влияние негражданства на голосование. Влияния этого практически нет: неграждане (держатели так называемых паспортов иностранца, *välismaalase pass*) не имеют права голосовать на национальных выборах (но имеют — на муниципальных, в отличие от Латвии). Поэтому упомянутая Центристская партия не может рассчитывать на голоса *всех* русских / русскоязычных, а только натурализовавшихся — то есть большей части русскоязычных. В свою очередь, для русских, прошедших процедуру натурализации (или получивших эстонское гражданство другими путями), их этнический статус уже не столь важен в определении электоральных предпочтений. Многие русскоязычные голосуют за другие партии, в то время как электорат центристов не ограничивается русскими: как отмечал в 2015 году, то есть до смены лидерства в партии, Д.А. Ланко, «хотя большинство русскоязычного населения Эстонии поддерживают на выборах Центристскую партию, русскоязычные избиратели есть и у практически всех прочих партий» [7, с. 67—68]. Он же подсчитал, что по итогам выборов в Рийгикогу в 2015 году «депутатский мандат получили 12 представителей русскоязычного населения страны, представляющие практически все политические партии» [7, с. 75]. Несмотря на это, партия под руководством Э. Сависаара осознанно создала себе образ «русской», который, учитывая постепенное строительство гражд-

данской нации «эстоноземельцев» (eestimaalased), включающей натурализованных русских, постепенно пытается исправить новый партийный лидер Ю. Ратас. Как и любой процесс трансформации публичного образа, это несет за собой как приобретения, так и потери, что мы и можем видеть на приведенных выше электоральных картах Эстонии последних лет (рис. 1, 2, с. 7). К примеру, в 2019 году по сравнению с 2015 годом центристы потеряли в традиционно «своем» уезде Ида-Вирумаа крупнейшую волость Алутагузе (куда с 2017 года вошли волости Алайыэ, Лисаку, Иллука, Мьяэтагузе и Тудулинна; см. рис. 1 и 2). Примечательно, что основные «потери» центристов ушли к Партии реформ: русскоязычные натурализованные избиратели постепенно избавляются от «привычной» лояльности русофильской социал-демократии в пользу инклюзивного правого либерализма.

Интересно также взглянуть на результаты выборов в органы местного самоуправления, которые прошли в стране в 2017 году и на которых, как было указано выше, имеют право голосовать неграждане. Первое место, в отличие от национальных выборов, все же получила Центристская партия (27,3 % голосов), причем в Таллине она набрала 44,4 % голосов, а в уезде Ида-Вирумаа — 52,9 %. ЭКНП же не получила поддержки на северо-западе вообще, в Таллине — лишь 7 % голосов, на национальном уровне — 6,7 %⁶. Подобный разброс с результатами национальных выборов, состоявшихся двумя годами позднее, демонстрирует как различный подход избирателей к выборам разных порядков (исходя из функций, которые должны будут выполнять избранные кандидаты), так и консерватизм электоральных предпочтений категории населения, не имеющей права голоса на национальных выборах; с другой стороны, амплитуда также указывает на отсутствие прямой связи между результатами муниципальных и национальных выборов, особенно учитывая имеющийся временной лаг.

Причины и последствия изменений электоральной карты Эстонии

В числе основных причин изменений сложившихся региональных паттернов голосования за те или иные партии в Эстонии, как нам представляется, стоит назвать 1) коалиционное строительство, 2) появление новых партийных игроков.

Коалиция 2016 года стала серьезным имиджевым ударом для партий-участниц. Традиционно центристы если и вступали в коалиционные переговоры, то только с умеренными игроками, позиционирующими себя ближе к центру; правая же IRL в основном видела в качестве партнеров реформистов или умеренных социал-демократов. В ноябре же 2016 года было сформировано первое правительство Юри Ратаса — из министров, представляющих Центристскую партию, Социал-демократическую партию и «Союз Отечества». Многие избиратели, рассматривавшие центристов как электоральный оплот русскоязычного населения, в заключении договора с воспринимающейся как сугубо правая и даже националистическая партией «Союз Отечества» увидели предательство собственных интересов. «Сработало» это и наоборот — для избирателей правых, которых разочаровал общий кабинет с «пророссийскими» центристами. Не стоит переоценивать роль конкретной коалиции в деле размытия электоральных паттернов: ведь центристы уже до этого потеряли часть электората, сменив популярного лидера Э. Сависаара на молодого технократа Ю. Ратаса, который к тому же объявил недействительным договор своей партии с «Единой Россией» и заявил о признании оккупации Крыма. Так же и часть «ястребов» национальной эстонской идеи, голосовавшая за «Союз Отече-

⁶ Valimistulemused // Kohalikud Valimised 2017. URL: <https://kov2017.valimised.ee/valimistulemus.html> (дата обращения: 16.09.2019).

ства», была разочарована примирительной риторикой своей партии. Существенные части обеих групп граждан на следующих парламентских выборах проголосовали за Эстонскую консервативную народную партию.

Здесь первый предложенный нами фактор встречается со вторым. Новые правые партии (точнее, партия — как мы уже сказали ранее, поскольку Свободная партия фактически не пережила последнюю каденцию) удачно сыграли на определенном разочаровании части электората традиционных «зубров» и смогли на выборах 2019 года существенно их потеснить. Собственно, определенный вес ЭКНП набрала еще на предыдущих парламентских выборах 2015 года, но тогда ее процент во многом определялся антииммиграционными настроениями, которые партия успешно эксплуатировала. Благодаря же политике своих партнеров по политическому полю к 2019 году ЭКНП превратилась в такую политическую силу, с которой невозможно не считаться. На волне разочарования «старыми» партиями на сцену выходят национал-популисты, готовые громкими лозунгами привлекать как национал-консерваторов, так и русскоязычных. Не случайно еще в 2016 году представителям ЭКНП в Рийгикогу на Рождество подарили кусок паркета: так было обыграно эстонское слово *parketikõlblik* — букв. «пригодный для паркета», «рукопожатный».

В этом смысле столь обширно критикуемое решение лидера центристов Ратаса заключить с национал-популистами коалиционный договор было во многом оправдано: с точки зрения многих теоретиков правого популизма, попав в правительство, популистская партия сталкивается с невозможностью выполнить свои громкие обещания и теряет популярность (или же, напротив, приобретя дополнительную ответственность, отказывается от радикальных установок [15, р. 20]), в то время как в оппозиции ее влияние только растет благодаря образу жертвы, обнесенной «санитарным кордоном». Однако эта стратегия работает не везде: к примеру, если в Финляндии подобный маневр удался, то в Австрии к провалу правых привела не неспособность выполнить обещания, а громкий политический скандал — так называемый *Ibiza-Gate*.

Особого внимания заслуживает способность ЭКНП привлечь голоса русскоязычных избирателей. А. Макарычев и В. Сазонов отмечают инклюзивную стратегию по отношению к русскоязычному меньшинству у отдельных функционеров ЭКНП, которые рассматривают русскую общину как возможного «союзника» в антииммигрантских кампаниях и как возможный электоральный ресурс [16, р. 454]. Значимость «российской угрозы» при этом не преуменьшается, но партийные лидеры стремятся дискуссионно разделить местных русских (как часть эстонского электората) и гипотетически враждебную Российскую Федерацию [17].

Как бы то ни было, на настоящий момент, разумеется, мы не располагаем электоральной картой следующего избирательного цикла, но можем предположить, что традиционные карты, знакомые нам с 2007 года, еще более «размоются» за счет включения существенных участков голосования за ЭКНП (и за возможные новые партии, которые возникнут в преддверии выборов 2023 года), а также за реформистов, отстраненных центристами от участия в правительстве. Если часть избирателей, «скрепя сердце», «простила» Центристской партии коалицию с правыми консерваторами, то коалиции с откровенными правыми популистами, которых даже обвиняют (не вполне обоснованно) в пронацистских симпатиях, ортодоксальный центристский электорат терпеть не готов. Из партии даже демонстративно вышел старейшина Пыхья-Таллина Раймонд Кальюлайд; о готовности покинуть ряды центристов заявил и ветеран партии Владимир Вельман (правда, угрозу свою он не выполнил). По последним опросам, скандалы, произошедшие в первые месяцы работы второго кабинета Ратаса, привели к тому, что поддержка центристов гражданами снизилась до лишь 17,8%, а Партии реформ (победителя выборов, возможность коалиции с которой Ратас отверг, что привело к формированию шаткого правительства с участием правых популистов) — выросла до рекордных 38,5% [18].

Заключение

Ключевую роль в эстонской политике играют на настоящий момент пять партий, представленных в Рийгикогу: Центристская партия, Партия реформ, «Союз Отечества», Социал-демократическая партия и Эстонская консервативная народная партия. Из нескольких новых партийных проектов, образованных в последние годы, только ЭКНП стала успешной, притом успешной настолько, чтобы войти в состав коалиционного правительства. Этнический фактор русского меньшинства (и идущий с ним рука об руку фактор близости к эстонско-российской границе), хотя и весьма существенный для политического развития страны, в электоральной сфере играет все меньшую роль: русскоязычные натурализовавшиеся избиратели постепенно переходят от устойчивого голосования за Центристскую партию к другим партиям, прежде всего к Партии реформ, что является одним из признаков консолидации и становления гражданского общества Эстонии на общегражданских, а не на этнических принципах. На последних парламентских выборах (2019) стало очевидно, что социал-демократы, «Союз Отечества» и центристы постепенно теряют позиции в традиционно «принадлежавших» им волостях и уездах, но не за счет новых партий (фактор наличия которых также играет свою роль, но не является определяющим), а за счет издержек работы последних коалиционных правительств, чей состав оказался достаточно неожиданным для верных избирателей соответствующих партий и повлиял на электоральную лояльность. Учитывая данные последних социологических опросов, можем предположить, что электоральная карта Эстонии будет изменяться и далее, уходя от традиционных паттернов в силу трансформации партийного дискурса и самой партийной системы. В свете изложенного представляется, что в настоящий момент на повестке дня для исследователей партийной системы Эстонии и других стран ЦВЕ стоит развитие междисциплинарных исследований с применением максимально широкого методического инструментария, включающего методы электоральной географии, статистики, критического анализа дискурса, ивент- и сентимент-анализа и др. Лишь путем подобного методического синтеза возможно адекватно отразить всю палитру институциональных и дискурсивных трансформаций партийно-политических систем в данном регионе.

Исследование выполнено на базе МГИМО МИД России при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

Список литературы

1. Toomla R. Eesti erakonnad 2000—2010. Tartu, 2011.
2. Самородный О. Бремя полуверок: особенности русской политики в Эстонии. Таллинн, 2012.
3. Еремина Н. В., Середенко С. Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. СПб., 2016.
4. Ладынская В. Политдневник. Таллинн, 2015.
5. Saarts T. Kahest demokraatiamudelist ja Eesti poliitika tumikpingest // Vikerkaar. 2012. № 6. Lk. 78—88.
6. Liivik E. Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia // Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences. 2015. № 14. P. 85—116.
7. Ланко Д. А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 67—77. doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-5.
8. Jaagant U. On keegi näinud? Vabaerakond otsib oma maailmavaadet // Eesti Päevaleht. 2015. 15. Aug. URL: <https://epl.delfi.ee/eesti/on-keegi-nainud-vabaerakond-otsib-oma-maailmavaadet?id=72205049> (дата обращения: 17.08.2019).
9. Епифанова М. «Прорусскость уже не такая проблема»: как прошли парламентские выборы в Эстонии, где победили националисты и оппозиция // Новая газета. 2019. 4 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79770-prorusskost-eto-uzhe-ne-takaya-problema> (дата обращения: 17.08.2019).

10. Полецук В. Неграждане в Эстонии. М., 2005.
11. Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003.
12. Бузаев В.В., Никифоров И.В. Современная европейская этнократия: нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., 2009.
13. Smooha S. The Model of Ethnic Democracy // The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe. Budapest, 2005. P. 5—60.
14. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М., 2018.
15. Krause W., Wagner A. Becoming part of the gang? Established and nonestablished populist parties and the role of external efficacy // Party Politics. 2019. Vol. 25, № 5. P. 1—20. doi: 10.1177/1354068819839210.
16. Makarychev A., Sazonov V. Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia // European Politics and Society. 2019. Vol. 20, № 3. P. 450—469. doi: 10.1080/23745118.2019.1569341.
17. Petsinis V. Contentious politics in the Baltics: the ‘new’ wave of right-wing populism in Estonia // Open Democracy. 2016. 28 Apr. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (дата обращения: 17.08.2019).
18. Ummelas O. Estonia Government Nears Collapse After Nationalist Party Targets Police Chief // Bloomberg. 2019. 16 Aug. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/nationalist-targeting-police-chief-has-estonia-staring-at-crisis> (дата обращения: 17.08.2019).

Об авторе

Петр Викторович Осколков, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия; преподаватель, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: petroskolkov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-9042>

ESTONIA'S PARTY SYSTEM TODAY: ELECTORAL TURBULENCE AND CHANGES IN ETHNO-REGIONAL PATTERNS

P. V. Oskolkov

^a Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11–3 Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

^b MGIMO University,
76, Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119454

Received 24 August 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-1

© Oskolkov P.V., 2020

A well-developed party system has emerged in Estonia over the decades of independence. There are, however, distinct geographical patterns of voting. A number of new political parties have appeared in the country; the regional and ethnic patterns of voting (the latter matter much in Estonia) have changed dramatically. This study aims to analyse the recent changes in the Estonian party system as well as the causes of these changes and the effect of the ethnic and geographical factors on the transformation of the electoral behaviour of Estonian citizens. The research employs a systemic approach that makes it possible to solve the agent—structure problem to the benefit of the general structure and integral system of Estonia's party scene. The method of comparative systemic analysis is used alongside those adopted in electoral geography. It is concluded that the effect of the ethnic and geographical factors on electoral behaviour

To cite this article:

Oskolkov, P.V. 2020, Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 4—15. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-1.

is diminishing as a civil society based on civic rather than ethnic principles is emerging in the country. The main drivers of the change are the formation of new parties and coalition-building — both have an immediate effect on how the image of the parties is perceived by voters.

Keywords:

party system, electoral geography, ethnicity, non-citizens, civic society, coalition-building

References

1. Toomla, R. 2011, Eesti erakonnad 2000—2010, Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus.
2. Samorodnii, O. 2000, Bremya poluverok: osobennosti russkoi politiki v Estonii [The burden of the poluverki's: Specific features of the Russian politics in Estonia]. Tallinn, Vali Press (In Russ.).
3. Eremina, N.V., Seredenko, S.N., 2016, Pravyi radikalizm v partiino-politicheskikh sistemakh sovremennykh evropeiskikh gosudarstv [Right-wing radicalism in party systems of contemporary European countries], Saint-Petersburg, Aleteia (In Russ.).
4. Ladynskaya, V. 2015, Politdnevnik [Political diary], Tallinn, Petrone Print (In Russ.).
5. Saarts, T. 2012, Kahest demokraatiatudelist ja Eesti poliitika tumikpingest, Vikerkaar, no. 6, p. 78—88.
6. Liivik, E. 2015, Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia, Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences, no. 14, p. 85—116.
7. Lanko, D.A. 2015, Estonian Political Parties in the mid-2010s, Balt. reg., no. 2, p. 50—57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-5.
8. Jaagant, U. 2015, On keegi näinud? Vabaerakond otsib oma maailmavaadet, Eesti Päevaleht, available at: <https://epl.delfi.ee/eesti/on-keegi-nainud-vabaerakond-otsib-oma-maailmavaadet?id=72205049> (accessed 17 August 2019).
9. Epifanova, M. 2019, “Pro-Russianness is not such a problem”: how did the parliamentary elections in Estonia go, where the nationalists and the opposition won, Novaya gazeta, available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79770-prorusskost-eto-uzhe-ne-takaya-problema> (accessed 17 August 2019) (In Russ.).
10. Poleshchuk, V. 2005, Negrazhdane v Estonii [Non-Citizens in Estonia], Moscow, Evropa (In Russ.).
11. Toshchenko, Zh.T. 2003, Etnokratiya: istoriya i sovremennost'. Sotsiologicheskie ocherki [Ethnocracy: history and contemporaneity. Sociological essays], Moscow, ROSSPEN (In Russ.).
12. Buzayev, V.V., Nikiforov, I.V. 2009, Sovremennaya evropeiskaya etnokratiya: narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v Estonii i Latvii [Contemporary European ethnocracy: violation of ethnic minorities' rights in Estonia and Latvia], Moscow (in Russ.).
13. Smooha, S. 2005, The Model of Ethnic Democracy. In: Smooha, S., Järve, P. (eds) The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe, Budapest, European Center for Minority Issues, p. 5—60.
14. Tevdoi-Burmuli, A.I. 2018, Etnopoliticheskaya dinamika Evropeiskogo soyuza [Ethnopolitical dynamics of the European Union], Moscow, Aspekt-Press (in Russ.).
15. Krause, W., Wagner, A. 2019, Becoming part of the gang? Established and nonestablished populist parties and the role of external efficacy, Party Politics, vol. 25, no. 5, p. 1—20. doi: 10.1177/1354068819839210.
16. Makarychev, A., Sazonov, V. 2019, Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia, European Politics and Society, vol. 20, no. 3, p. 450—469. doi: 10.1080/23745118.2019.1569341.
17. Petsinis, V. 2016, Contentious politics in the Baltics: the ‘new’ wave of right-wing populism in Estonia, Open Democracy, available at: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (accessed 17 August 2019).
18. Ummelas, O. 2019, Estonia Government Nears Collapse After Nationalist Party Targets Police Chief, Bloomberg, available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/nationalist-targeting-police-chief-has-estonia-staring-at-crisis> (accessed 17 August 2019).

The author

Dr Petr V. Oskolkov, Senior Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Lecturer, MGIMO University, Russia.

E-mail: petroskolkov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-9042>

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ЭСТОНИИ В 2005–2019 ГОДАХ

**Д. А. Ланко,
И. С. Ланцова**

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 11.11.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-2
© Ланко Д. А., Ланцова И. С., 2020

Дается оценка реализуемого в Эстонии с 1990-х годов проекта по «интеграции» этнических эстонцев и этнических русских путем ассимиляции представителей второй группы в состав первой группы. Поскольку этот проект реализуется в Эстонии на протяжении почти тридцати лет, сегодня представляется актуальным подвести его промежуточные итоги, определить, насколько успешным или провальным он оказался. В статье разработанный Г.В. Голосовым индекс национализации политических партий используется для того, чтобы определить, в какой мере проект по «интеграции» оказался способен преодолеть идеологические противоречия между этническими эстонцами и этническими русскими. Иными словами, делается попытка понять, голосуют ли этнические эстонцы и этнические русские за одни и те же партии практически в равной пропорции, или же в стране сформировались «эстонские» и «русские» политические партии. С опорой на анализ результатов четырех парламентских выборов, прошедших в Эстонии в 2007–2019 годах, и четырех выборов в органы местного самоуправления, прошедших в 2005–2017 годах делается вывод, что к середине 2000-х годов партийно-политическая система Эстонии достигла существенного уровня национализации как на национальном, так и на местном уровнях. На национальном уровне национализация партийно-политической системы оставалась высокой в 2007–2019 годах, несмотря на существенные изменения этой системы. Однако на местном уровне национализация партийно-политической системы снижалась с 2013 года, что позволяет сделать вывод о неспособности эстонского проекта по «интеграции» преодолеть идеологические противоречия между этническими эстонцами и этническими русскими.

Ключевые слова:

сравнительная политология, политические партии, партийно-политические системы, национализация, Эстония

Четверть населения Эстонии — этнические русские, следовательно, страна является плюралистическим обществом, в котором существует глубокие религиозные, языковые, культурные, этнические и идеологические расколы [18]. Модель «консоциальных демократий» Лейпхарта и ряд других (например, мультикультурализм) предлагают свои способы демократизации плюралистических обществ, включающие в себя меры по смягчению религиозных, этнических, языковых, культурных и идеологических разногласий. После обретения независимости в 1991 году Эстония выбрала путь демократизации, подразумевающей не смягчение, но устранение внутренних разногласий. Эстонская элита назвала этот путь «интеграцией». Использо-

Для цитирования: Ланко Д. А., Ланцова И. С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 16–31. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-2.

ние термина «интеграция» в данном контексте спорно, поскольку интеграция обычно воспринимается как процесс объединения различных элементов в единое целое, свойства которого отличны от свойств его элементов. При этом эстонская политика так называемой интеграции нацелена на создание целого, свойства которого идентичны характеристикам лишь одной части эстонского общества — этнических эстонцев.

Эстония не единственная страна, проводящая политику так называемой интеграции, заключающейся в устранении различий между доминирующей группой населения и всеми остальными. По словам Й. Янсена, «в 1970-х и 1980-х годах большинство либеральных стран постепенно переходило к модели интеграции, так как ассимиляция имела колониальные и националистические коннотации» [12, р. 89]. В 1990-х годах многие посткоммунистические страны Европы пошли именно по этому пути. В частности, русскоязычное меньшинство Эстонии столкнулось с выбором между «интеграцией» и сегрегацией. Кто-то «вернулся» в Россию, кто-то переехал в другие страны Европейского союза, кто-то предпочел самосегрегацию в преимущественно русскоязычных анклавах — Нарве и других городах Северо-Восточной Эстонии, а также некоторых районах Таллина. Наконец, многие русскоязычные жители Эстонии выбрали путь интеграции и только спустя десятилетие осознали, какие угрозы таит в себе ловушка мимикрии, описанная Х.К. Бхабхой [3]: чем больше они «интегрировались», тем большее количество этнических эстонцев считало эти попытки имитацией, за которой последние видели либо стремление избежать сегрегации, либо нечто иное, например продвижение интересов России в ущерб эстонской государственности.

В 1990-х годах на становление идентичности русскоязычного меньшинства в Эстонии оказывали влияние как нацеленный на «интеграцию» эстонский «этнократический» [39] режим, так и Россия (государство — «этнический заступник») и Запад, представленный в первую очередь международными организациями, такими как ОБСЕ [28]. Даже встав на сторону эстонского правительства в 2000-е годы, Запад мало поспособствовал политике так называемой интеграции, направленной на ликвидацию этнических, языковых, религиозных и культурных различий между этническими эстонцами и этническими русскими. Сегодня, когда с 1991 года прошло почти тридцать лет, Эстония остается глубоко разделенной политией, схожей с другими разделенными политиями — от Северной Ирландии в Европе до Фиджи в Тихоокеанском регионе [4]. Тем не менее в эстонском обществе не обсуждаются модели межэтнического сосуществования, альтернативные так называемой интеграции. Не существует и политики, содействующей активному межэтническому диалогу между эстонским этническим большинством и преимущественно русским этническим меньшинством [36].

Похоже, проще всего в эстонском обществе устраним идеологический раскол. В практическом плане идеологическая интеграция в Эстонии станет считаться успешной тогда, когда избирательное поведение этнических эстонцев не будет существенно отличаться от избирательного поведения имеющих право голоса русскоязычных жителей страны.

Особенности голосования русскоязычных в Эстонии остаются недостаточно изученными. Эстонские ученые, как правило, обращают внимание на русскоязычных сограждан тогда, когда те участвуют в протестах, но не тогда, когда они месяцем ранее приходят на избирательные участки [30]. Российские ученые редко занимаются исследованиями этнического фактора голосования [6] в отношении как русскоязычного населения Эстонии, так и населения России. Этнический аспект голосования в России анализировался [38], но не российскими учеными. За пределами России или Эстонии электоральное поведение русскоязычных избирателей изучается в последнее время в рамках более широких сравнительных исследований, затрагивающих государства Центральной и Восточной Европы [5; 37], а иногда и страны за пределами региона [20].

В данной статье делается попытка ответить на вопрос, двигалось ли эстонское общество, в том числе его этнический эстонский и этнический русский сегменты, в последние пятнадцать лет в сторону преодоления идеологического раскола, или же движение шло в противоположном направлении. При помощи предложенного Г.В. Голосовым индекса национализации партийной системы дается ответ на вопрос, есть ли различия в партийных предпочтениях между эстонскими регионами, населенными преимущественно этническими эстонцами (Пярнуский уезд), этническими русскими (Нарва), и теми территориями, где два сегмента общества равно представлены (Таллин). Будет показано, что, несмотря на то, что к 2000-м годам Эстония достигла значительного уровня национализации своей партийной системы, ситуация изменилась в 2010-е годы. Будет дано объяснение данной тенденции.

Индекс национализации партийной системы как показатель политической интеграции в Эстонии

Для оценки отношений между меньшинством, обществом и государством был предложен целый ряд инструментов. Один из таких инструментов — индекс институционализации групповой идентичности [22]. В статье предпринимается попытка оценить успешность политической интеграции в Эстонии при помощи разработанного Г.В. Голосовым индекса национализации партийной системы (ИНПС) [8; 9; 31]. Индекс был разработан для оценки национализации партийных систем (или получения вывода об отсутствии таковой) в федерациях. В статье обосновывается возможность применения данного индекса к исследованиям партийных систем унитарных государств, в которых имеются территории компактного проживания этнических меньшинств.

В Эстонии большинство этнических русских живет в Таллине и северо-восточном Ида-Вирусском уезде, в состав которого входит расположенный у границы с Россией город Нарва, третий по величине в стране. Избиратели второго и четвертого крупнейших городов Эстонии Тарту и Пярну, а также Пярнуского и Тартуского уездов — преимущественно этнические эстонцы. При помощи индекса национализации партийной системы будет оцениваться то, в какой мере избиратели из упомянутых регионов Эстонии склонны голосовать за одни и те же партии и насколько на электоральный выбор влияют региональные особенности.

В общем виде индекс национализации партий вычисляется следующим образом:

$$\text{ИНП} = 1 - \frac{n - (\sum_{i=1}^n p_i)^2 / \sum_{i=1}^n p_i^2}{n - 1},$$

где *ИНП* — это индекс национализации партии, p_i — доля голосов, отданных за данную партию в каждом из рассматриваемых избирательных округов, а n — количество изучаемых округов.

Ниже будут проанализированы итоги четырех общенациональных и четырех местных выборов, состоявшихся в Эстонии в 2005—2019 годах. При этом особое внимание будет уделено национализации партийной системы страны. Например, на местных выборах, состоявшихся в Эстонии в октябре 2005 года, впервые в мире на национальном уровне использовалось электронное голосование [19]. Наверное, самым примечательным результатом этих выборов было резкое падение популярности партии «Res Publica». В 2003 году успех ей принесло позиционирование в качестве «антиэлитарной партии реформ» [10]. Тем не менее вскоре после этого она начала терять популярность [32]. На местных выборах 2005 году партия заняла лишь пятое место по количеству голосов, набранных ее кандидатами в более чем

200 городах и волостях, на которые в то время была разделена Эстония. В отличие от Латвии, отказавшейся от местных выборов на уездном уровне уже после 1997 года, Эстония не проводила местных выборов данного уровня с момента обретения независимости в 1991 году [35].

В таблице 1, представляющей результаты местных выборов 2005 года по Таллину, Нарве, Тарту и Пярну, приведены значения индекса национализации четырех наиболее популярных в этих городах политических партий (Центристской, Партии реформ, партии «Отечество» и Социал-демократической партии). Результаты партии «Res Publica» при этом не рассматриваются. В то время наблюдались некоторые электоральные различия между городскими и сельскими районами Эстонии. Например, несмотря на то, что Социал-демократическая партия в 2005 году набрала больше голосов, чем «Народный союз» (ранее известный как «Аграрный союз») в четырех крупнейших городах, последний занял четвертое место по стране благодаря своей популярности в сельских районах.

Таблица 1

Индекс национализации партий по итогам местных выборов в Эстонии в 2005 году

Партия	Таллин	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
Центристская партия (ЦП)	41,1	59,4	15,7	24,0	0,75
Партия реформ (ПР)	20,7	6,4	34,9	20,2	0,74
«Отечество»	12,2	1,3	19,0	13,6	0,68
Социал-демократическая партия (СДП)	11,1	2,1	13,8	8,4	0,74

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee).

На местных выборах 2005 года Центристская партия заняла первое место по голосам, набранным в Таллине, Нарве и Пярну, получив лишь третий результат в Тарту. Согласно приведенной выше формуле индекс партийной национализации для Центристской партии по четырем избирательным округам рассчитывается следующим образом:

$$\text{ИНП}_{\text{ЦП}} = 1 - \frac{4 - (41,1 + 59,4 + 15,7 + 24,0)^2}{(41,1^2 + 59,4^2 + 15,7^2 + 24,0^2)} = 0,75.$$

Похожим образом индекс национализации партии можно вычислить и для трех других политических партий. Соответствующие индексы представлены в последнем столбце таблицы 1. Индекс национализации партий варьируется от 0 до 1. Индекс, равный 0, означает, что все избиратели в данной части страны голосуют за «свои» политические партии, в то время как все избиратели в других частях страны голосуют за другие политические партии. В случае Эстонии, где большинство жителей Нарвы голосуют за Центристскую партию, индекс национализации партии, равный 0, означал бы, что все жители Нарвы поддержали Центристскую партию, но в Таллине, Нарве или Пярну за нее не отдали ни единого голоса. Индекс, равный 1, говорил бы о равной поддержке Центристской партии во всех четырех крупных городах на местных выборах 2005 года. На этих выборах самое низкое значение индекса национализации было у партии «Союз Отечества»: она показала слабый результат в Нарве, получив при этом второе место в Тарту. Средний индекс национализации по четырем партиям составил 0,72.

Ниже результаты местных выборов 2009, 2013 и 2017 годов будут проанализированы так же, как и результаты 2005 года. Итоги парламентских выборов 2007, 2011, 2015 и 2019 годов будут рассмотрены по Таллину, Тарту (второму по величине городу страны), а также Пярнускому и Ида-Вирусскому уездам. Половина всех избирателей Эстонии, имеющих право голосовать на парламентских выборах, проживают в этих четырех избирательных округах. На парламентских выборах Таллин делится на три избирательных округа (всего в Эстонии их двенадцать). Для определения поддержки каждой из партий в Таллине общее количество голосов, отданных за партию в трех избирательных округах города, делится на общее количество действительных бюллетеней в тех же трех округах.

Эволюция партийной системы Эстонии в 2005—2019 годах

Ключевую роль в становлении партийной системы Эстонии сыграли 2005—2007 годы. Уже в 2006 году партийная система Эстонии была более стабильной, чем ее эквиваленты в большинстве стран Центральной и Восточной Европы [17]. Партии «Res Publica» и «Отечество» объединились в партию «Союз Отечества и Res Publica» (СО и РР), до 2019 года остававшегося в четверке самых популярных партий страны вместе с Центристской партией, Партией реформ и Социал-демократической партией. «Народный союз» потерял свою поддержку на фоне растущей урбанизации Эстонии и оттока населения в более благополучные страны Европейского союза. Партия получила только шесть мест по итогам парламентских выборов 2007 года, при этом в 2003 году в парламент вошли тринадцать ее членов [25]. В таблице 2 приведены значения индекса национализации четырех партий по итогам парламентских выборов 2007 года в четырех избирательных округах.

Таблица 2

Индекс национализации эстонских партий по итогам парламентских выборов в 2007 году

Партия	Таллин	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Пярнуский уезд	ИНП
ЦП	32,7	53,7	16,1	22,1	0,77
ПР	25,6	15,3	34,3	27,5	0,91
СО и РР	19,4	8,6	21,5	19,6	0,89
СДП	8,9	4,2	13,4	10,7	0,85

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

К 2007 году четыре рассматриваемые нами партии стали самыми популярными в стране. Некоторые эстонские эксперты даже выражали обеспокоенность по поводу потенциальной «картелизации» национальной системы политических партий [33]. Центристская партия выиграла выборы 2007 года в Таллине и Ида-Вирумском уезде — регионах, где проживает большинство русскоговорящих избирателей. Партия реформ же заняла первое место в Тартуском и Пярнуском уездах, а также в целом по стране [30]. Так было положено начало почти десятилетнему доминированию Партии реформ в политике Эстонии на общенациональном уровне. Результаты местных выборов 2009 года были аналогичны результатам выборов 2005 года. Так же, как и в 2005 году, Центристская партия выиграла в Таллине, Нарве и Пярну (в Тарту первое место заняла Партия реформ), оттянув голоса у Партии реформ, результаты которой в регионах доминирования Центристской партии мало отли-

чались от результатов «Союза Отечества и Res Publica». В таблице 3 представлены индексы национализации четырех эстонских партий по результатам местных выборов 2009 года по четырем избирательным округам.

Таблица 3

Индекс национализации партий по итогам местных выборов в Эстонии в 2009 году

Партия	Таллин	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
ЦП	53,5	76,6	17,4	21,8	0,67
ПР	16,6	7,7	30,8	14,1	0,74
СО и РР	15,4	5,9	23,5	12,4	0,78
СДП	9,8	4,8	15,9	6,6	0,77

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) расчеты авторов.

После победы на парламентских выборах 2007 года тогдашний лидер Партии реформ Андрус Ансип решил перенести памятник воинам, павшим в Великой отечественной войне, из центра Таллина на военное кладбище в пригороде, спровоцировав тем самым массовые протесты этнических русских в Таллине. Эти события стали известны под названием «Бронзовая ночь» [16]. Углубляющееся после переноса памятника разделение между этническими эстонцами и этническими русскими не привело тем не менее к снижению среднего индекса национализации партий на парламентских выборах 2011 года по сравнению с парламентскими выборами 2007 года. Деятельность двух основных соперничающих партий — Центристской партии и Партии реформ — не претерпела существенных изменений в рассматриваемых избирательных округах, в то время как Социал-демократическая партия улучшила свой результат за счет «Союза Отечества и Res Publica». Количество голосов, отданных за обе партии по всей стране, сравнялось. В таблице 4 приведены индексы национализации четырех эстонских партий по результатам парламентских выборов 2011 года по четырем избирательным округам.

Таблица 4

Индекс национализации эстонских партий по итогам парламентских выборов в 2011 году

Партия	Таллинн	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Пярнуский уезд	ИНП
ЦП	32,6	54,5	15,5	17,4	0,72
ПР	25,9	12,5	34,4	28,5	0,88
СО и РР	19,5	10,7	24,3	21,9	0,91
СДП	13,3	12,4	18,7	12,5	0,96

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

На местных выборах 2009 года три четверти избирателей преимущественно русскоязычной Нарвы поддержали Центристскую партию. На местных выборах 2013 года остальные игроки объединились в попытке потеснить доминирующую в городе Центристскую партию. Кампанию возглавила Социал-демократическая партия, чей местный активист Евгений Осинковский в 2013 году пользовался широкой поддержкой избирателей. Популярны активисты других партий, например Катри Райк из «Союза Отечества и Res Publica», ставшая впоследствии ректором Нарвского колледжа Тартуского университета — главного вуза города, также вошли в список Социал-демократической партии [2]. Партия реформ вообще не выдвигала

свой список кандидатов на выборах в Нарве. В результате социал-демократы набрали в городе более трети голосов. При этом у всех объединившихся партий снизился индекс национализации. Наиболее заметно изменились показатели социал-демократов и Партии реформ. В таблице 5 представлены индексы национализации четырех эстонских партий по результатам местных выборов 2013 года в четырех избирательных округах.

Таблица 5

**Индекс национализации партий
по итогам местных выборов в Эстонии в 2013 году**

Партия	Таллинн	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
ЦП	52,7	60,1	18,4	26,1	0,78
ПР	10,6	0,0	28,2	15,1	0,52
СО и RS	19,2	2,9	21,1	17,0	0,75
СДП	9,9	35,8	15,8	6,6	0,59

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

Разногласия между Россией и ЕС по украинскому вопросу не могли не повлиять на эстонскую избирательную кампанию 2015 года. В то время как большинство этнических эстонцев встали на сторону ЕС, большинство этнических русских, особенно в Нарве, поддержали Россию. Тогдашний лидер Центристской партии Эдгар Сависаар публично поддержал крымский референдум, состоявшийся 16 марта 2014 года [7]. В свою очередь, лидер правящей на тот момент Партии реформ Таави Рыйвас попытался отвлечь внимание избирателей от текущих экономических проблем, взяв на себя роль защитника народа, которому угрожает агрессия с Востока.

В результате итоги парламентских выборов 2015 года несильно отличались от картины 2011 года. Единственным исключением было падение популярности «Союза Отечества и Res Publica», чьи избиратели отдали предпочтение свежесозданным крайне правым партиям: Консервативной народной партии Эстонии и Свободной партии Эстонии [15]. Индекс национализации ни одной из четырех рассматриваемых партий значительно не изменился. Значение индекса национализации Консервативной народной партии Эстонии (КНПЭ) оказалось довольно низким из-за ограниченной поддержки как в преимущественно русскоязычных Таллине и Ида-Вирусском уезде, так и в Тарту, где расположен главный вуз страны — Тартуский университет. В таблице 6 представлены значения индекса национализации партий по итогам парламентских выборов 2015 года по четырем избирательным округам.

Таблица 6

**Индекс национализации эстонских партий
по итогам парламентских выборов в 2015 году**

Партия	Таллинн	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Пярнуский уезд	ИНП
ЦП	33,6	59,0	15,1	19,1	0,70
ПР	25,7	11,9	33,4	28,9	0,88
СО и RP	11,5	8,2	14,4	13,5	0,95
СДП	12,7	11,3	16,8	11,8	0,97
КНПЭ	6,2	3,1	6,9	18,2	0,59

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

На местных выборах 2017 года социал-демократы, Партия реформ и «Союз Отечества и Res Publica» продолжили свои попытки оспорить лидерство Центристской партии в Нарве. В этот раз Социал-демократическая партия не выдвинула свой список кандидатов. Ее представители и активисты партий-союзников шли по непартийному списку из союза «Наша Нарва» [21], получившего поддержку 23,3 % городских избирателей. Новая попытка оказалась еще менее успешной, чем предыдущая: в 2017 году Центристская партия получила голоса уже не 60 % избирателей, как в 2013 году, а двух третей. Значение индекса национализации трех партий, объединившихся против Центристской на местных выборах 2017 года, в 2017 году оказалось ниже показателя 2013 года. Показатель Консервативной народной партии Эстонии также был невысоким. Это объясняется тем, что партия не получила существенной поддержки в Таллине и Нарве. В таблице 7 приведены значения индекса национализации пяти эстонских партий по результатам местных выборов 2017 года по четырем избирательным округам.

Таблица 7

Индекс национализации партий по итогам местных выборов в Эстонии в 2017 году

Партия	Таллинн	Нарва	Тарту	Пярну	ИНП
ЦП	44,0	66,8	13,7	19,1	0,66
ПР	20,3	1,3	37,4	22,8	0,62
СО и РР	6,6	1,0	7,4	18,9	0,51
СДП	11,0	0,0	16,6	5,4	0,52
КНПЭ	7,0	0,0	11,2	15,4	0,58

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

Отличительной чертой эстонских парламентских выборов 2019 года стала «демобилизация» [34] малообеспеченных граждан и этнических русских — двух в значительной степени пересекающихся категорий эстонского общества. Благодаря этому Партия реформ и Консервативная народная партии Эстонии значительно улучшили свои результаты по сравнению с 2015 годом. При этом успехи Центристской и Социал-демократической партий были умеренными по сравнению с тем же годом. Политическая партия, ранее известная как «Союз Отечество и Res Publica», в этот раз выступила как «Отечество». Возвращение к названию 2007 года существенно не повлияло на электоральный результат партии. В таблице 8 отображены значения индекса национализации пяти партий по итогам парламентских выборов 2019 года по четырем округам.

Таблица 8

Индекс национализации эстонских партий по итогам парламентских выборов в 2019 году

Партия	Таллинн	Ида-Вирусский уезд	Тарту	Парнуский уезд	ИНП
ЦП	31,4	50,7	13,6	19,2	0,74
ПР	28,9	14,0	34,6	26,3	0,90
«Отечество»*	8,8	6,5	12,1	12,2	0,93
СДП	9,2	14,8	11,3	6,7	0,90
КНПЭ	11,7	8,3	17,0	28,1	0,77

Источник. Центральная избирательная комиссия Эстонии и Государственная служба по организации выборов (valimised.ee) и расчеты авторов.

*«Отечество» — партия, участвовавшая под тем же названием в местных выборах 2005 года и под названием «Союза Отечества и Res Publica» на выборах 2007—2017 годов.

В 2005—2019 годах значение индекса национализаций эстонских партий на местных выборах было ниже, чем на общенациональных. Это относится ко всем рассматриваемым партиям. Данная тенденция объясняется тремя факторами. Во-первых, неграждане, многие из которых этнические русские, имеют право голосовать на местных, но не на общенациональных выборах. Как и предполагалось ранее [11], русскоязычные граждане Эстонии, наименее удовлетворенные существующим в стране этнократическим режимом, эмигрировали в другие страны ЕС после снятия в 2007 году ограничений на передвижение рабочей силы из новых членов союза. Таким образом, эта группа перестала оказывать значительное влияние на итоги общенациональных выборов. В то же время неграждане, не имеющие возможности уехать в другую часть ЕС из-за отсутствия эстонского гражданства, остались в стране, а их влияние на местные выборы сохранилось. Во-вторых, избирательные союзы все еще играют заметную роль на местных выборах, несмотря на то, что их влияние снижалось с 2005 по 2017 год [24]. В-третьих, те же граждане, выбирая из тех же партий, голосуют по-разному на выборах разного уровня [23].

Факторы снижающейся национализации эстонской системы политических партий на местном уровне

В целом по стране уровень национализации партийной системы был довольно высоким на протяжении двенадцати лет с всеобщих выборов 2007 года до выборов 2019 года. В 2015 году появление крайне правой Консервативной народной партии Эстонии привело к некоторому снижению среднего индекса национализации партий, но к 2019 году он практически вернулся на уровень 2007-го. В 2005—2017 годах значение показателя снижалось на местных выборах. Средние значения национализации партий по итогам рассмотренных выше общенациональных и местных выборов представлены в таблице 9. На местных выборах 2005 года у партии «Отечество», поддерживаемой преимущественно этническими эстонцами, было самое низкое значение индекса национализации. Однако на местных выборах 2009 года, объединившись, партии «Отечество» и «Res Publica» смогли получить голоса как этнических эстонцев, так и этнических русских. Например, в 2009 году в Нарве с ее преимущественно русскоязычным населением за объединенную партию проголосовали почти 6 % избирателей. Соответственно, повысился индекс национализации партии.

Таблица 9

Средние значения индекса национализации партий по итогам эстонских выборов 2005—2019 годов

Партия	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019
ЦП	0,75	0,77	0,67	0,72	0,78	0,70	0,66	0,74
ПР	0,74	0,91	0,74	0,88	0,52	0,88	0,62	0,90
«Отечество»	0,68	0,89	0,78	0,91	0,75	0,95	0,51	0,93
СДП	0,74	0,85	0,77	0,96	0,59	0,97	0,52	0,90
КНПЭ	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	0,59	0,58	0,77
Среднее значение	0,72	0,86	0,74	0,87	0,66	0,82	0,58	0,85

Источник: данные таблиц 1—8; расчеты авторов.

На местных выборах 2009 года у Центристской партии значение индекса национализации было наименьшим, что объясняется более высокой по сравнению с выборами 2005 года поддержкой в Таллине и Нарве при снижении популярности в Тарту и Пярну. Однако средний индекс национализации партии по всем четырем партиям остался практически неизменным по сравнению с местными выборами 2005 года. Первым признаком ухудшения ситуации стало то, что, несмотря на совместные усилия Партии Реформ и Социал-демократической партии в Нарве, на выборах 2013 года первая не была представлена вовсе, а вторая набрала более трети голосов. В результате значения индекса национализации уменьшились у обеих партий, что привело к снижению среднего уровня национализации по всем четырем партиям. В 2017 году с созданием Консервативной народной партии Эстонии ситуация продолжила ухудшаться. На выборах 2017 года у всех партий значения индекса национализации были ниже уровня 2013 года.

Основным фактором улучшения отношений между этническими эстонцами и этническими русскими до 2000-х годов, равно как и ухудшения этих отношений в 2010-х годах, было требование Евросоюза о соблюдении прав меньшинств [27]. Будучи кандидатом на вступление, Эстония была вынуждена изменить свое законодательство, чтобы уравнивать в политических правах граждан и неграждан. Получилось так, что Евросоюз предписывал странам-кандидатам соблюдение более высоких стандартов, чем те, что были приняты в то время в западноевропейских странах-членах [13]. Так как институты ЕС оказывали давление на Эстонию, требуя натурализации всех ее русскоязычных жителей, которых этнические эстонцы считали «носителями русской угрозы» [14], многие этнические эстонцы стали видеть в европейской интеграции опасность для эстонской идентичности.

Так, на балтийских референдумах о членстве в ЕС, состоявшихся в 2003 году, в Литве, где русскоязычное меньшинство составляет менее 10 % населения, за вступление высказались 90 % избирателей, а в Эстонии и Латвии, где русскоязычные меньшинства составляют более четверти населения, только две трети. В то время как элиты Литвы, Латвии и Эстонии «провозгласили вступление в Европейский союз главной целью внешней политики и политики безопасности» [29, р. 1089], население двух последних стран (как этническое большинство, так и русскоязычное меньшинство) с большей осторожностью отнеслось к европейской интеграции. Однако после 2004 года Эстония лишилась стимула вносить изменения в законодательство с целью расширения участия неграждан в политике страны. Трансформация законодательства, призванная примирить этнических эстонцев и этнических русских, застопорилась, что обострило ситуацию в межэтнических отношениях в Эстонии и привело к национализации партийной системы страны в 2010-х годах.

Другие причины ухудшения межэтнической ситуации в Эстонии в рассматриваемый период связаны скорее с внутренними процессами в самой стране, а не с внешними факторами, такими как влияние ЕС. Во-первых, характерная для 1990-х годов дихотомическая дифференциация эстонского общества на этических эстонцев и этнических русских сменилась в 2000-е годы «конкурирующими режимами политики идентичности, опирающимися на не дихотомическую дифференциацию» [1]. В 2010-х годах, когда «Res Publica» исчезла из названия партии «Союз Отечества и Res Publica», а на сцену вышла Консервативная народная партия Эстонии, в Эстонию вернулась дихотомическая дифференциация. Во-вторых, на протяжении 1990-х годов эстонский политический класс постепенно усиливал свое влияние на русскоязычное население страны, тем самым способствуя установлению этнического мира и стабильности [26]. «Бронзовая ночь» 2007 года показала, что влияние это было утрачено. На данный момент не существует свидетельств его восстановления.

Выводы

Преодоление идеологического раскола было наиболее перспективным аспектом проекта «интеграции» русскоязычного меньшинства в Эстонии. Проект был инициирован местной элитой, в которой после обретения независимости в 1991 году доминировали этнические эстонцы. Проект был назван «интеграционным» из-за негативных коннотаций термина «ассимиляция». В действительности он был направлен не на «интеграцию» свойств различных сегментов эстонского общества, а на ассимиляцию и создание однородной группы, имеющей свойства только одного сегмента общества — этнических эстонцев. В этом контексте преодоление идеологического раскола означало создание условий, при которых этнические русские и представители других сегментов эстонского общества голосовали бы за те же политические партии, что и этнические эстонцы. Выше было показано, что индекс национализации партийной системы является эффективным инструментом, позволяющим оценить успехи посткоммунистической Эстонии в преодолении идеологического раскола.

Мы проанализировали итоги эстонских парламентских выборов 2007, 2011, 2015 и 2019 годов, а также местных выборов 2005, 2009, 2013 и 2017 годов. При помощи индекса национализации партийной системы были сделаны выводы о распределении голосов за крупные партии в регионах, преимущественно населенных этническими эстонцами (например, Пярнуском уезде) и этническими русскими (например, в Таллине). Анализ показал, что различие между избирателями Нарвы и Тарту заключалось в том, что первые отдавали предпочтение Центристской партии, а вторые — Партии реформ. Аналогичным образом избиратели Ида-Вирумского уезда поддерживали Социал-демократическую партию, а избиратели Пярнуского уезда — партию «Отечество». В целом к середине 2000-х годов Эстония достигла значительного уровня национализации партийной системы.

На парламентских выборах уровень национализации партий был выше, чем на местных выборах, так как на последних голосуют неграждане, большинство из которых — этнические русские. При этом неграждане не имеют права участвовать в парламентских выборах. В 2007—2019 годах среднее значение национализации партий на парламентских выборах существенно не изменилось, несмотря на то, что политическая система страны претерпела важное изменение, связанное с приходом в политику ультраправой Консервативной народной партии Эстонии в 2015 году. На местном же уровне среднее значение национализации партий в 2005—2017 годах менялось существенно. Помимо появления Консервативной народной партии Эстонии важным фактором были и попытки трех политических партий (Партии реформ, Социал-демократической партии и «Отечества») создать на местных выборах 2013 и 2017 годов неформальные союзы, чтобы оспорить лидерство Центристской партии в Нарве. Эти партии объявили себя «эстонскими» в противовес «русской» Центристской партии, что нанесло серьезный ущерб процессу преодоления идеологического раскола между этническими эстонцами и этническими русскими.

Список литературы

1. *Aalto P.* Beyond Restoration: The Construction of Post-Soviet Geopolitics in Estonia // *Cooperation and Conflict*. 2000. Vol. 35, № 1. P. 65—88. doi: 10.1177/00108360021962002.
2. *Aljas R.* IRL-i aasta tegija Katri Raik kandideerib kohalikel valimistel Narvas sotside nimekirjas // *Delfi.ee* 2013. April 5. URL: <http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eeesti/irl-i-aasta-tegija-katri-raik-kandideerib-kohalikel-valimistel-narvas-sotside-nimekirjas?id=65927382> (дата обращения: 22.10.2019).

3. *Bhabha H.K.* The Location of Culture. L. ; N.Y., 1994.
4. *Coakley J., Fraenkel J.* The Ethnic Implication of Preferential Voting // Government and Opposition. 2017. Vol. 52, № 4. P. 671—697. doi: <https://doi.org/10.1017/gov.2017.4>.
5. *Csergo Z., Regelman A.C.* Europeanization and Collective Rationality in Minority Voting: Lessons from Central and Eastern Europe // Problems of Post-Communism. 2017. Vol. 64, № 5. P. 291—310. doi: 0.1080/10758216.2017.1330659.
6. *Фарушкин М.Х.* Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). P. 80—86.
7. *Gnadenteich U.* Savaaar Moskvaa: Krimmi referendumi legitiimsus pole oluline // Postimees. 2014. March 18. URL: <https://tallinn.postimees.ee/2732054/savaaar-moskvas-krimmi-referendumi-legitiimsus-pole-oluline> (дата обращения: 22.10.2019).
8. *Golosov G.V.* Factors of Party System Nationalization // International Political Science Review. 2016. Vol. 37, № 2. P. 246—260. doi: 10.1177/0192512114552864.
9. *Golosov G.V.* Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States // Party Politics. 2016. Vol. 22, № 3. P. 278—288. doi: 10.1177/1354068814549342.
10. *Hanley S., Sikk A.* Economy, Corruption or Floating Voters? Explaining the Breakthroughs of Anti-Establishment Reform Parties in Eastern Europe // Party Politics. 2016. Vol. 22, № 4. P. 522—533. doi: 10.1177/1354068814550438.
11. *Hughes J.* “Exit” in Deeply Divided Societies: Regimes of Discrimination in Estonia and Latvia and the Potential for Russophone Migration // Journal of Common Market Studies. 2005. Vol. 43, № 4. P. 739—762. doi: 10.1111/j.1468-5965.2005.00594.x.
12. *Jansen Y.* Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism: French Modernist Legacies. Amsterdam, 2013.
13. *Johns M.* «Do as I Say, Not as I Do»: The European Union, Eastern Europe and Minority Rights // East European Politics and Societies. 2003. Vol. 17, № 4. P. 682—699. doi: 10.1177/0888325403258291.
14. *Kuus M.* European Integration in Identity Narratives of Estonia: A Quest for Security // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39, № 1. P. 91—108. doi: 10.1177/0022343302039001005.
15. *Lanko D.A.* Estonian Political Parties in the mid-2010s // Baltic Region. 2015. № 2. P. 50—57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-5.
16. *Lehti M., Jutla M., Jokisipila M.* Never-Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier // Journal of Baltic Studies. 2008. Vol. 39, № 4. P. 393—418. doi: 10.1080/01629770802461175.
17. *Lewis P.G.* Party Systems in Post-Communist Central Europe: Patterns of Stability and Consolidation // Democratization. 2006. Vol. 13, № 4. P. 562—583. doi: 10.1080/13510340600791863.
18. *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Heaven, 1980.
19. *Madise Ü., Martens T.* E-Voting in Estonia 2005: The First Practice of Countrywide Binding Internet Voting in the World // Electronic Voting 2006: Proceedings of the 2nd International Workshop on Electronic Voting. Bregenz, 2006. P. 15—26.
20. *Marcos-Marne H.* Minorities to the Left: Ethno-Linguistic Identification and Vote in Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43, № 15. P. 2634—2651. doi: 10.1080/1369183X.2016.1274648.
21. *Mihhailov S.* Sotsid panid oma Narva kontori kinni [Social Democrats Closed Their Narva Office] // ERRi uudised. 2017. June 21. URL: <https://www.err.ee/603427/sotsid-panid-oma-narva-kontori-kinni> (дата обращения: 22.10.2019).
22. *Moorhouse-Stein E., Rubin A.* The Index of Identity Group Institutionalization: A New Tool to Quantify the Institutionalization of Identity Groups in Democratic Societies // Social Indicators Research. 2016. Vol. 128, № 2. P. 929—955. doi: 10.1007/s11205-015-1063-x.
23. *Pappi F.U.* Political Behaviour: Reasoning Voters and Multi-Party Systems // A New Handbook of Political Science / ed. by R.E. Goodin and H.D. Klingemann. Oxford, 1998. P. 255—275. doi: 10.1093/0198294719.003.0009.
24. *Pettai V.* Balancing between Consolidation and Cartel: The Effects of Party Law in Estonia // The Regulation of Post-Communist Party Politics / ed. by F.C. Bertoa and I. van Biezen. N.Y., 2017. P. 175—194.

25. *Pettai V.* The Parliamentary Elections in Estonia, March 2003 // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23, № 4. P. 828—834. doi: 10.1016/j.electstud.2004.02.001.
26. *Pettai V., Hallik K.* Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependence and Co-Optation in Post-Communist Estonia // *Nations and Nationalism*. 2002. Vol. 8, № 4. P. 505—529. doi: 10.1111/1469-8219.00063.
27. *Sasse G.* The Politics of EU Conditionality: The Norm of Minority Protection during and beyond EU Accession // *Journal of European Public Policy*. 2008. Vol. 15, № 3. P. 842—860. doi: 10.1080/13501760802196580.
28. *Smith G.* Transnational Politics and the Politics of Russian Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22, № 3. P. 500—523. doi: 10.1080/014198799329404.
29. *Solska M.* Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63, № 6. P. 1098—1108. doi: 10.1080/09668136.2011.585762.
30. *Solvak M., Pettai V.* The Parliamentary Elections in Estonia, March 2007 // *Electoral Studies*. 2008. Vol. 27, № 3. P. 574—577. doi: 10.1016/j.electstud.2008.01.004.
31. *Su Y.P.* Personal Vote, Spatial Registration Rules, and Party System Nationalization in Latin America // *International Political Science Review*. 2018. Vol. 39, № 2. P. 192—208. doi: 0192512116676354.
32. *Taagepera R.* Meteoric Trajectory: The Res Publica Party in Estonia // *Democratization*. 2006. Vol. 13, № 1. P. 78—94. doi: 10.1080/13510340500378274.
33. *Toomla R.* Eesti Erakonnad 2000—2010. Tartu, 2011.
34. *Toots A.* 2019 Parliamentary Elections in Estonia / Friedrich Ebert Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/15260.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).
35. *Vanags E., Vilka I.* Local Government in the Baltic States: Similar but Different // *Local Government Studies*. 2006. Vol. 32, № 5. P. 623—637. doi: 10.1080/03003930600896244.
36. *Волков В.В., Полецук В.В.* Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // *Социологические исследования*. 2019. № 2. P. 59—67. doi: 10.31857/S013216250004008-1.
37. *Waterbury M.A.* National Minorities and Intra-Ethnic Coordination in the European Parliament: Evidence from Central and Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68, № 3. P. 391—408. doi: 10.1080/09668136.2016.1148663.
38. *White A.C.* How ethnicity matters in Russian elections: ethnic minorities and support for the United Russia party // *Eurasian Geography and Economic*. 2015. Vol. 56, № 5 (September). P. 524—546. doi: 10.1080/15387216.2015.1120680.
39. *Yiftachel O., Ghanem A.* Understanding 'Ethnocratic' Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories // *Political Geography*. 2004. Vol. 23, № 6. P. 647—676. doi: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003.

Об авторах

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5480-6227>

Ирина Сергеевна Ланцова, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: i.lancova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5480-6227>

PARTY SYSTEM NATIONALIZATION IN ESTONIA, 2005–2019

D. A. Lanko
I. S. Lantsova

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

Received 11 November 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-2
© Lanko D. A., Lantsova I. S., 2020

This article explores the Estonian ‘integration’ project, which was launched in the early 1990s to bridge the differences between ethnic Estonians and ethnic Russians by assimilating the latter with the former. Since the project will soon turn thirty, it is timely to ask whether it has been a success. This article employs Grigorii Golosov’s index of political party nationalization to understand whether the ‘integration’ project has helped to narrow the ideological divide between ethnic Estonians and ethnic Russians. In other words, the study asks whether ethnic Estonians and ethnic Russians vote for the same political parties in comparable proportions or there are ‘Estonian’ and ‘Russian’ parties in the country. The analysis of the outcomes of four local and four parliamentary elections that took place in Estonia in 2005–2019 shows that by the mid-2000s Estonia achieved a considerable level of political party system nationalization at both national and local levels. At the national level, political party system nationalization remained high in 2007–2019 despite significant changes in the country’s political party system. At the local level, however, political party system nationalization has been diminishing since 2013, leading one to conclude that the Estonian ‘integration’ project has failed to close the ideological divide between ethnic Estonians and ethnic Russians.

Keywords:

comparative politics, political parties, party systems, nationalization, Estonia

References

1. Aalto, P. 2000, Beyond Restoration: The Construction of Post-Soviet Geopolitics in Estonia, *Cooperation and Conflict*, vol. 35, no. 1, p. 65–88. doi: 10.1177/00108360021962002.
2. Aljas, R. 2013, Katri Raik, active in IRL for years, runs on Social Democratic list at local elections in Narva, Delfi. ee, April 5, available at: <http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eesti/irl-i-aasta-tegija-katri-raik-kandideerib-kohalikel-valimistel-narvas-sotside-nimekirjas?id=65927382> (accessed on October 22, 2019).
3. Bhabha, H.K. 1994, *The Location of Culture*, London and New York, Routledge, XXVII, 408 p.
4. Coakley, J., Fraenkel, J. 2017, The Ethnic Implication of Preferential Voting, *Government and Opposition*, vol. 52, no. 4, p. 671–697. doi: 10.1017/gov.2017.4.
5. Csergo, Z., Regelmann, A.C. 2017, Europeanization and Collective Rationality in Minority Voting: Lessons from Central and Eastern Europe, *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no. 5, p. 291–310. doi: 0.1080/10758216.2017.1330659.
6. Farukhshin, M.K. 2016, Problem of Ethnic Voting in International Discourse, *Sotsiologicheskije issledovaniya*, no. 5 (385), p. 80–86 (in Russ.).
7. Gnadenteich, U. 2014, Savisaar in Moscow: Legitimacy of Crimean Referendum is Not Important, *Postimees*, March 18, available at: <https://tallinn.postimees.ee/2732054savisaar-moskvas-krimmi-referendumi-legitiimsus-pole-oluline> (accessed on October 22, 2019).
8. Golosov, G.V. 2016, Factors of Party System Nationalization, *International Political Science Review*, vol. 37, no. 2, p. 246–260. doi: 10.1177/0192512114552864.

9. Golosov, G.V. 2016, Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States, *Party Politics*, vol. 22, no. 3, p. 278—288. doi: 10.1177/1354068814549342.
10. Hanley, S., Sikk, A. 2016, Economy, Corruption or Floating Voters? Explaining the Breakthroughs of Anti-Establishment Reform Parties in Eastern Europe, *Party Politics*, vol. 22, no. 4, p. 522—533. doi: 10.1177/1354068814550438.
11. Hughes, J. 2005, “Exit” in Deeply Divided Societies: Regimes of Discrimination in Estonia and Latvia and the Potential for Russophone Migration, *Journal of Common Market Studies*, vol. 43, no. 4, p. 739—762. doi: 10.1111/j.1468-5965.2005.00594.x.
12. Jansen, Y. 2013, *Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism: French Modernist Legacies*, Amsterdam, Amsterdam University Press, 339 pp.
13. Johns, M. 2003, «Do as I Say, Not as I Do»: The European Union, Eastern Europe and Minority Rights, *East European Politics and Societies*, vol. 17, no. 4, p. 682—699. doi: 10.1177/0888325403258291.
14. Kuus, M. 2002, European Integration in Identity Narratives of Estonia: A Quest for Security, *Journal of Peace Research*, vol. 39, no. 1, p. 91—108. doi: 10.1177/0022343302039001005.
15. Lanko, D.A. 2015, Estonian Political Parties in the mid-2010s, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 50—57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-5.
16. Lehti, M., Jutila, M., Jokisipila, M. 2008, Never-Ending Second World War: Public Performances of National Dignity and the Drama of the Bronze Soldier, *Journal of Baltic Studies*, vol. 39, no. 4, p. 393—418. doi: 10.1080/01629770802461175.
17. Lewis, P.G. 2006, Party Systems in Post-Communist Central Europe: Patterns of Stability and Consolidation, *Democratization*, vol. 13, no. 4, p. 562—583. doi: 10.1080/13510340600791863.
18. Lijphart, A. 1980, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven, Yale University Press, 260 pp.
19. Madise, Ü., Martens, T. 2006, E-Voting in Estonia 2005: The First Practice of Countrywide Binding Internet Voting in the World, *Electronic Voting 2006: Proceedings of the 2nd International Workshop on Electronic Voting*, Bregenz, p. 15—26.
20. Marcos-Marne, H. 2017, Minorities to the Left: Ethno-Linguistic Identification and Vote in Europe, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, no. 15, p. 2634—2651. doi: 10.1080/1369183X.2016.1274648.
21. Mihhailov, S. 2017, Social Democrats Closed Their Narva Office, ERRi uudised, June 21, available at <https://www.err.ee/603427/sotsid-panid-oma-narva-kontori-kinni> (accessed on October 22, 2019).
22. Moorhouse-Stein, E., Rubin, A. 2016, The Index of Identity Group Institutionalization: A New Tool to Quantify the Institutionalization of Identity Groups in Democratic Societies, *Social Indicators Research*, vol. 128, no. 2, p. 929—955. doi: 10.1007/s11205-015-1063-x.
23. Pappi, F.U. 1998, Political Behaviour: Reasoning Voters and Multi-Party Systems. In: Goodin, R.E., Klingemann, H.D. (eds.) *A New Handbook of Political Science*, Oxford, Oxford University Press, p. 255—275. doi: 10.1093/0198294719.003.0009.
24. Pettai, V. 2017, Balancing between Consolidation and Cartel: The Effects of Party Law in Estonia. In: Bertoa, F.C., van Biezen, I. (eds.) *The Regulation of Post-Communist Party Politics*, New York, Taylor and Francis, p. 175—194.
25. Pettai, V. 2004, The Parliamentary Elections in Estonia, March 2003, *Electoral Studies*, vol. 23, no. 4, p. 828—834. doi: 10.1016/j.electstud.2004.02.001.
26. Pettai, V., Hallik, K. 2002, Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependence and Co-Optation in Post-Communist Estonia, *Nations and Nationalism*, vol. 8, no. 4, p. 505—529. doi: 10.1111/1469—8219.00063.
27. Sasse, G. 2008, The Politics of EU Conditionality: The Norm of Minority Protection during and beyond EU Accession, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, no. 3, p. 842—860. doi: 10.1080/13501760802196580.
28. Smith, G. 1999, Transnational Politics and the Politics of Russian Diaspora, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 22, no. 3, p. 500—523. doi: 10.1080/014198799329404.
29. Solska, M. 2011, Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania, *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no. 6, p. 1098—1108. doi: 10.1080/09668136.2011.585762.

30. Solvak, M., Pettai, V. 2008, The Parliamentary Elections in Estonia, March 2007, *Electoral Studies*, vol. 27, no. 3, p. 574—577. doi: 10.1016/j.electstud.2008.01.004.
31. Su, Y.P. 2018, Personal Vote, Spatial Registration Rules, and Party System Nationalization in Latin America, *International Political Science Review*, vol. 39, no. 2, p. 192—208. doi: 0192512116676354.
32. Taagepera, R. 2006, Meteoric Trajectory: The Res Publica Party in Estonia, *Democratization*, vol. 13, no. 1, p. 78—94. doi: 10.1080/13510340500378274.
33. Toomla, R. 2011, *Eesti Erakonnad 2000—2010*, Tartu, Tartu Ülikoolikirjastus, 250 lk.
34. Toots, A. 2019, 2019 Parliamentary Elections in Estonia, Analysis of the Friedrich Ebert Stiftung, Tallinn, published in March 2019, available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/15260.pdf> (accessed on October 22, 2019).
35. Vanags, E., Vilka, I. 2006, Local Government in the Baltic States: Similar but Different, *Local Government Studies*, vol. 32, no. 5, p. 623—637. doi: 10.1080/03003930600896244.
36. Volkov, V.V., Poleshchuk, V.V. 2019, Current State of Inter-Ethnic Communication in Latvia and Estonia, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, no. 2, p. 59—67. doi: 10.31857/S013216250004008—1 (in Russ.).
37. Waterbury, M.A. 2016, National Minorities and Intra-Ethnic Coordination in the European Parliament: Evidence from Central and Eastern Europe, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 3, p. 391—408. doi: 10.1080/09668136.2016.1148663.
38. White, A.C. 2015, How ethnicity matters in Russian elections: ethnic minorities and support for the United Russia party, *Eurasian Geography and Economic*, vol. 56, no. 5 (September), p. 524—546. doi: 10.1080/15387216.2015.1120680.
39. Yiftachel, O., Ghanem, A. 2004, Understanding ‘Ethnocratic’ Regimes: The Politics of Seizing Contested Territories, *Political Geography*, vol. 23, no. 6, p. 647—676. doi: 10.1016/j.polgeo.2004.04.003.

The authors

Dr Dmitry A. Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4089-7962>

Dr Irina S. Lantsova, Associate Professor, Department of American Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: i.lantsova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5480-6227>

РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЭСТОНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ, НАМЕРЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Г. И. Грибанова ^а

Г. Соотла ^б

К. Каттаи ^б

^а Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

^б Таллинский университет,
10120, Эстония, Таллин, ул. Нарва, 25

Поступила в редакцию 22.04.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-3

© Грибанова Г.И., Соотла Г.,
Каттаи К., 2020

Реформы местного самоуправления 1989 и 1993 года были нацелены на создание в Эстонии дуалистической модели отношений между центральными и местными органами власти. Такой выбор был основан на опыте и поддержке со стороны стран Северной Европы. Несмотря на то, что с 1993 года формально правовой контекст местного самоуправления не менялся, создание институциональных механизмов дуалистической (или срезанной) иерархии и сильной местной автономии не увенчалось успехом. В первой части статьи основной акцент делается на выявлении основных факторов, которые препятствовали внедрению новой институциональной модели, таких как отсутствие способности оказывать стратегическое влияние на процесс выработки национальной политики, слабое сотрудничество между муниципалитетами, снижение роли и последующее упразднение промежуточного (уездного) уровня управления и др. Во второй части анализируются цели и результаты реформы укрупнения муниципалитетов в 2017 году, теоретические и практические возможности возвращения к дуалистической модели отношений между центром и местным самоуправлением. Анализ опирается на институциональную теорию, которая позволяет объяснить влияние глубоких ценностных установок, а также конкретных политических выборов на логику институционализации местной автономии после реформы 1993 года. Делается вывод, что сохранение прежних глубоких ценностных установок местных элит позволяет предсказать серьезные трудности в достижении ожидаемых результатов реформы 2017 года.

Ключевые слова:

местное самоуправление, реформы, дуалистическая модель, фузионная модель, отношения «центр — МСУ», автономия, сбалансированность, институциональная теория

Введение

Перед всеми независимыми государствами, образовавшимися после распада социалистической системы в Европе, возникла проблема создания новой системы управления страной, важнейшей составной частью которой должно было стать местное самоуправление. Не стала в этом плане исключением и Эстония.

Для цитирования: Грибанова Г. И., Соотла Г., Каттаи К. Реформы местного самоуправления в Эстонии: институциональный контекст, намерения и результаты // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 32–52. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-3.

Следует отметить, что проблемы государственного устройства Эстонской Республики вызывают определенный интерес российских исследователей. Особую значимость имеют, на наш взгляд, работы таких специалистов, как Д.А. Ланко [1], А.В. Смирнов [2], В.Ю. Малиновский [3] и ряда других. Значительный интерес в этом плане представляет коллективная монография «Польша, Литва, Латвия, Эстония: социально-экономическое и политическое развитие» под редакцией А.В. Клемешева [4]. Однако в контексте изучения современной Эстонии проблематика местного самоуправления (МСУ) часто остается за рамками исследования. Практически анализ данной проблемы нашел свое отражение лишь в сравнительном исследовании ситуации в странах Балтии Е.В. Степановой [5] и статьях А.В. Курочкина и Е.О. Курочкиной [6; 7]. Однако эти работы относятся к самому началу 2000-х годов и, соответственно, не могут отражать современного состояния дел в этой сфере.

В европейской политической науке интерес к проблемам государственного и муниципального управления Эстонской Республики достаточно высок, поскольку эта страна рассматривается как достаточно редкий пример успешного демократического транзита на постсоветском пространстве. Хотя и здесь основное внимание уделяется общенациональным процессам, вопросы же местного самоуправления раскрываются по большей части лишь эстонскими специалистами. В основном они являются предметом изучения специалистов в области экономической географии [8; 9], права [10—12] или экономики [13]. Аспект политико-институционального развития МСУ главным образом представлен в работах эстонских авторов данной статьи [14—19].

Новизна данного исследования заключается в том, что анализ эволюции системы местного самоуправления в современной Эстонии впервые проводится с позиций исторического институционализма, что позволяет, на наш взгляд, выявить внутреннюю логику институционализации и перспектив отношений между центральной и местной властью в стране. В основе этого анализа лежат многочисленные эмпирические и концептуально-интерпретативные исследования, ведущиеся с 1994 года, результаты которых нашли свое отражение в наших предыдущих работах и на которые мы будем ссылаться в данной статье. Концептуально мы опираемся на конструктивистскую версию исторического институционализма [20—22], которая рассматривает исторические традиции в качестве важного фактора современного процесса институционализации [23; 24]. Это позволяет нам в значительной степени объяснять институциональные изменения не экзогенными факторами, что характерно для традиционных неоинституционалистских подходов, а сосредоточиться на эндогенных переменных институциональных изменений. Во-первых, мы можем многое сказать о роли таких фоновых факторов как ценностных установок [25] или норм в повседневном поведении, а также идеализированных нормативных ожиданий (и иллюзий) и планов [26]. Во-вторых, можем учитывать то, как различные варианты реформ в рамках одного и того же пространства (реформы местного самоуправления vs. реформы центральных органов власти) могут взаимно модифицировать друг друга [20], а также какую роль в этом процессе играют временные рамки и последовательность принятия отдельных политических решений. Особое внимание мы уделяем связи между решениями, которые исходят из краткосрочных политических соображений, и/или теми, которые основываются на долгосрочных целях [27]. Нас интересует вопрос о том, как адекватный выбор, сделанный сознательными и рациональными стратегическими субъектами, может привести к неожиданным (и нежелательным) результатам даже в случае быстрых и эффективных непосредственных политических результатов этих выборов. В-четвертых, мы стремимся проследить за изменениями [21], которые в результате интерпретации акторами политического процесса приводят к качественно новым неформальным

установкам и институциональным дизайнам даже в условиях наличия стабильных формальных законов. В то же время на нашем примере мы демонстрируем, что в некоторых аспектах развитие может основываться на линейной логике («глубокая история имеет значение»); но оно может в равной степени [22] идти в соответствии с логикой нелинейных реактивных ответов, при которой отдельные события (в нашем случае, например, присоединение к ЕС) могут породить совершенно новый вектор развития, который не содержался в начальном варианте.

Еще в начале 1990-х годов, по мнению целого ряда исследователей [5—8; 17; 18], именно в Эстонии удалось сформировать наиболее автономную от центра и демократическую по своей сути модель местного самоуправления. Осуществить это оказалось возможным благодаря консенсусу политических элит и активной поддержке граждан страны. Однако к концу десятилетия уже стали проявляться первые признаки несоответствия этой модели практике реальной жизни. Особенно отчетливо это стало заметно в отношениях между центральной властью и органами МСУ, что даже привело к противоречиям с некоторыми принципами Европейской хартии о местном самоуправлении¹. В 2010 году в рамках дебатов, проходивших в эстонском парламенте, было признано, что накопившаяся разбалансированность в отношениях между центральными и местными органами власти начала оказывать негативное влияние на эффективность правления в целом, что, соответственно, требует внесения в эти отношения существенных изменений².

В связи с этим возникает необходимость выявления причин подобного развития для более глубокого понимания проблемы институционализации формальных структур и моделей поведения в обществах, переживающих процесс системной трансформации всех сторон общественной жизни. В данной статье мы стремимся дать ответ на следующие вопросы. До какой степени политические акторы способны целенаправленно изменять институциональные модели, особенно в случае использования политического опыта других стран? Каковы основные переменные и механизмы, которые могут способствовать формированию новых политических институтов или сдерживать его?

Наконец, учитывая существующую глубокую институциональную зависимость, необходимо выяснить, каковы перспективы реформы объединения в 2017 году, которая намерена вернуть Эстонию к дуалистической модели отношений между центральными и местными органами власти? Или целесообразнее было бы реализовать фузионную модель МСУ, прежде всего путем укрепления регионального (промежуточного) уровня самоуправления?

Базовые модели взаимоотношений между государством и местным самоуправлением

Объяснение существования различных моделей современных отношений между центром и МСУ, на наш взгляд, нужно искать в специфике культурно-исторического развития конкретной страны, особенностях формирования национального государства и характеристике местных сообществ и политических элит, как центральных, так и местных.

¹ CLEAR.2010. Council of Europe. Congress of Local and Regional Authorities. Recommendation 294 (2010) Local democracy in Estonia. URL: https://search.coe.int/congress/Pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168071aa64 (дата обращения: 22.03.2019).

² XI Riigikogu Verbatim record. VIII istungjärk. Thursday, 23. September 2010. Olulise tähtsusega riikliku küsimuse “Riigi ja kohalike omavalitsuste partnerlus” arutelu. URL: <http://stenogrammid.riigikogu.ee/en/201009231000#PKP-6916> (дата обращения: 27.06.2017).

В центральной (или континентальной) Европе региональные и местные элиты были сильны с военно-политической точки зрения, но в экономическом плане в значительной степени зависели от абсолютистского государства [19; 28]. Вместе с духовенством они доминировали над местными и региональными сообществами (общинами) благодаря институту крепостного права. Стремясь к консолидации национального государства, абсолютизм пытался ослабить их власть. Однако в ходе модернизационных реформ конца XVIII — начала XIX века была сделана попытка освободить слабые местные общины от экономического и социального господства дворянства и церкви, чтобы сформировать, по крайней мере частично, политически и административно автономные самоуправляемые сообщества, способные выступать к качеству партнеров центральной власти [29]. Новая административная система предполагала, с одной стороны, выполнение задач центрального правительства на местном уровне под строгим контролем государственных административных органов более высокого уровня управления (при этом право общей компетенции в местных делах оставалось за органами МСУ). С другой стороны, была сформирована система обеспечения политического иммунитета местных избранных представителей со стороны центральной власти государства, защищающая их от вмешательства региональных элит в дела общин, а также предоставляющая местным избранным элитам прямой доступ к институтам и политике центрального правительства (например путем объединения мандатов, как во Франции [30]). В результате сложилась так называемая **фузионная модель** (или модель взаимодействия) отношений между центральными и местными органами власти [31; 32].

В северной части Европы местное сообщество было относительно автономным по отношению к абсолютистскому государству и имело органы самоуправления испокон веков, что было обусловлено слабостью или отсутствием крепостного права. Достаточно стабильный, но при этом динамичный баланс сил между центральным правительством и местными сообществами сформировался еще до образования институтов национального государства [33]. Центральные власти — в знак доверия, а также благодаря силе местного сообщества — не стали вмешиваться в местные дела, допустили свободу налогообложения местными властями, а также их доступ к принятию решений на центральном уровне. (Уже много веков короли Швеции, а особенно Дании не могли облагать население налогами даже в случае войны без согласия на то местных элит [34].) В результате возникли две относительно независимые сферы публичной власти, или **дуалистическая система** отношений между центром и МСУ [31; 32]. Местное самоуправление также было создано на уездном (промежуточном) уровне под руководством сильного и автономного (по сравнению с остальной Европой) местного дворянства, которое играло важную роль в обеспечении баланса двух сфер публичной власти. В результате реформы местного самоуправления в XIX веке (1837 год в Дании и Норвегии и 1862 год в Швеции) эти системы в значительной степени обрели свой современный институциональный дизайн.

В последнее время в рамках обеих моделей — как дуалистической, так и фузионной — местные элиты европейских стран вносят свой вклад в развитие двух важных механизмов повышения уровня местной автономии. С одной стороны, они, хоть и по-разному, укрепляют потенциал местных и региональных органов власти либо путем их консолидации (объединения), либо с помощью укрепления промежуточных уровней управления — провинциальных и региональных. С другой стороны, местные элиты внимательно отслеживают возможности обеспечения себе права голоса на уровне центра при принятии не только решений, напрямую связанных с отношениями между уровнями власти, но и по более широкому спектру политических вопросов, находящих свое отражение в специальных законодательных актах, которые в последние десятилетия оказывают все большее влияние на местные и региональные власти ЕС, призванные его реализовывать на практике [35].

Основные этапы развития отношений между уровнями власти в Эстонии

Местное самоуправление на территории современной Эстонии начало формироваться в начале XIX века после частичной отмены в 1816—1819 году³ крепостного права в прибалтийских губерниях Российской империи — Эстляндской и Лифляндской. Значительное влияние на процесс реформирования оказали немецкие реформы, в частности благодаря активному участию советника императора Александра I Генриха Фридриха Карла Рейхсхерра фон и цум Штайна, бывшего министра экономики и финансов Пруссии, который принимал активное участие в реформах Харденберга, в том числе в создании местного самоуправления в стране. Однако поместная система, в которой главную роль играли балтийские немцы, продолжала экономически доминировать над эстонской крестьянской общиной вплоть до принятия закона о муниципалитетах 1866 года и закона о городах 1870 года. Эти законы действовали в независимой Эстонии с поправками до 1937 года [36].

В основе отношений между уровнями публичной власти независимой Эстонии (1918—1940) находилась типичная фузионная модель: перед местными органами власти, обладавшими широкой политической автономией, в первую очередь стояла задача адаптировать общенациональную политику к местной специфике [37]. Степень автономии различалась в зависимости от типа МСУ — на уровне уездов она была значительно шире, и это плохо вписывалось в задуманную логику отношений между центром и местными органами власти. Результатом стало нарастание требований как со стороны муниципалитетов, так и со стороны центрального правительства отменить уездный уровень МСУ [38; 39]. В условиях авторитарного режима, установившегося в Эстонии в 1934 году, ожесточенные политические споры прекратились после введения новой системы сильного префекта и префектуры на уровне уезда в соответствии с новыми законами о приходах, городах и уездах, действовавшими в 1937—1938 годах⁴.

В советский период уездное (с 1950 года — районное) управление стало оплотом центральной государственной административной машины на местном уровне, тогда как муниципальный уровень сохранил за собой выполнение лишь минимального числа задач. Формально оба уровня имели советы и проводились выборы, но фактически они состояли из заранее подобранных управленцев и представителей рабочего класса для контроля над действиями исполнительной власти. Значительная часть социальных услуг, особенно в сельской местности, предоставлялась социалистическими предприятиями, и только в городах местные органы власти обеспечивали коммунальные и инфраструктурные услуги. Таким образом, советская система восстановила подчинение местных общин логике политического и экономического господства сверху, которое было отменено еще в ходе модернизационных реформ XIX века. Это способствовало сохранению в эстонском обществе корпоративно-коллективистских ценностей [26].

³ Крестьянам предоставлялась личная свобода, но вся земля переходила в собственность помещика. К тому же за последним закреплялось право осуществлять полицейские функции в его землях, т.е. он имел право арестовывать своих бывших крестьян и подвергать их телесным наказаниям. В 1816 году законопроект подали на подпись царю, и монаршая резолюция была получена. Закон вступил в силу в 1817 году на землях Эстляндской губернии. На следующий год подобный законопроект начали обсуждать дворяне Лифляндии. В 1819 году новый закон был одобрен императором. В 1820 году он начал действовать в Лифляндской губернии.

⁴ *Kohalik omavalitsus Eesti Vabariigi 1918–1940*. URL: http://www.estonica.org/et/Riik/Kohalik_omavalitsus:_m%C3%B5iste,_koht_avalikus_halduses_ja_ajalooline_areng/Kohalik_omavalitsus_Eesti_Vabariigi_1918-1940/ (дата обращения: 23.09.2012).

Демократическая система местного самоуправления начала формироваться в Эстонии в 1989 году, когда Эстония еще была частью Советского Союза. Уже до очередных выборов в местные советы сложились благоприятные условия для восстановления демократического и автономного местного управления. Как и в 1918 году, была создана двухуровневая система, однако в отличие от межвоенного периода отношения между центральными и местными органами власти формировались в соответствии с логикой дуалистической модели МСУ. Такой выбор был связан с четкой политической ориентацией эстонских элит на опыт северных соседей — Финляндии, Швеции и Дании — и с той непосредственной профессиональной помощью, которая была от них получена. Данная фаза реформ предусматривала переходный период до 1994 года.

После обретения независимости в 1991 году в рамках учредительного Конституционного собрания вопросы местного самоуправления подверглись серьезному, профессиональному обсуждению, чему способствовал опыт реформы 1989 года⁵. В результате в новой Конституции Эстонской Республики, принятой в 1992 году, местное самоуправление получило прочные гарантии автономии. В 1993 году был принят новый закон «Об организации местного самоуправления», который должен был уже соответствовать Конституции. Был упразднен уровень уездного самоуправления: ликвидированы его представительные органы и вместо них созданы уездные правительства в качестве автономного регионального агентства центрального правительства. Следует учитывать тот факт, что этот закон принимался в спешке перед очередными местными выборами, а также в тот момент, когда Эстония находилась в состоянии глубочайшего экономического и социального кризиса, и органы власти, как центральные, так и местные, столкнулись с возможностью финансового и ресурсного коллапса. Более того, летом 1993 года в Эстонии проходил референдум об автономии (по существу, отделении) Северо-Восточного уезда Эстонии, где большинство составляло русскоязычное население. Это привело к тому, что специфические местные интересы, особенно в фискальной политике, оказались отодвинутыми на задний план.

Уже в июне 1994 года был принят закон «О содействии сотрудничеству муниципалитетов», в котором указывалось на насущную необходимость укрепления потенциала местного самоуправления на основе сотрудничества и объединения. В 1996 году в Министерстве внутренних дел началось создание проекта нового закона «О местном самоуправлении». В 1997 году для разработки новой концепции местного самоуправления был организован комитет экспертов во главе с региональным министром без портфеля⁶. Среди прочего эта концепция включала идею добровольного и обязательного объединения, однако она также постулировала идею дальнейшего ограничения автономии уездного правительства. Документ о реформе был отложен в начале 1999 года, и несколько месяцев спустя новое правительство приступило к разработке новой концепции реформы местных органов власти. Ключевой целью в этой попытке реформирования было объединение муниципалитетов в более крупные образования. В 2001 году стратегический план реформ был вновь отодвинут на второй план.

⁵ Подробнее см.: *Stenogramm*id. Põhiseaduse Assamblee. URL: <https://www.riigikogu.ee/tutvustus-ja-ajalugu/riigikogu-ajalugu/pohiseaduse-assamblee/pohiseaduse-assamblee-stenogramm/> (дата обращения: 25.02.19).

⁶ АНАА 1998 = Avaliku halduse arendamise alused. Seletuskiri. (Basic of public administration development. Explanatory letter). Tallinn: Ministry of Interior. URL: https://haldusreform.fin.ee/static/sites/3/2012/09/1999_avaliku-halduse-arendamise-aluste-seletuskiri.pdf (дата обращения: 28.02.19).

Следующие попытки реформы местных органов власти с целью достижения их баланса с центральным правительством путем восстановления второго уровня местного самоуправления были предприняты в 2003-м, а затем в 2007 году. Однако они также не были успешными из-за решающего вето Партии реформ, ведущего члена коалиции с 1999 года, которая остановила и реформу 2001 года. Более того, во-первых, одновременно уездные правительства и их главы утратили большую часть своих административных функций и превратились главным образом в своего рода контролера законности муниципальных актов. Во-вторых, децентрализованные государственные агентства на уровне уезда были преобразованы в децентрализованные службы центральных министерств.

Это привело к глубокому сдвигу в восприятии ситуации основными акторами. С одной стороны, ожидания местной элиты относительно автономного самоуправления как краеугольного камня нации, а также эффективной государственности постепенно вытеснялись практической необходимостью защитить местное самоуправление от дальнейшего распространения ограничений и интервенций центрального правительства. С другой стороны, центральное правительство все чаще стало рассматривать местные органы власти как акторов с низкой эффективностью деятельности и игнорировать их мнение в процессе принятия решений на центральном уровне даже по вопросам, которые непосредственно были связаны с местным самоуправлением и его функционированием.

В результате один из наиболее децентрализованных вариантов взаимоотношений между центром и МСУ, введенный в 1993 году, превратился в конце 2000-х годов в централизованный, а также горизонтально слабо интегрированную структуру формально автономных субъектов. Вместо повышения уровня доверия и установления сотрудничества между муниципалитетами как основы дуалистической модели усилилась конкуренция между ними за ограниченные ресурсы, которые находились в руках государства. Все стороны, вовлеченные в эту ситуацию, были согласны с тем, что изменения необходимы, однако на протяжении нескольких десятилетий они не могли прийти к какому-либо значимому консенсусу относительно конкретного содержания этих изменений.

Таким образом, на протяжении всего периода существования новой независимой Эстонии шел процесс конструирования и деконструирования дуалистической модели отношений между центральной властью и МСУ. В результате ослабление местной автономии происходило по двум взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, местная автономия, как известно, в условиях дуалистической модели может быть обеспечена наличием эффективных каналов влияния местных интересов и вовлечения их представителей в процесс выработки национальной политики. Это является предпосылкой и результатом баланса сил, но также важно для взаимодействия с центральной властью в осуществлении национальной политики. В течение первых двух десятилетий существования современного эстонского государства эти каналы стали функционировать намного слабее. Попытка исправить ситуацию в 2004 году путем введения поста министра региональных дел (вместо министра без портфеля) оказалась безрезультатной [40].

Надежды на эффективность деятельности ассоциаций местных властей также оправдались далеко не полностью. Восстановление упраздненных советской властью в 1940 году объединений местного самоуправления произошло в тот период (1990 год), когда большинство муниципалитетов еще не были сформированы. Позднее, в 1993 году, органы МСУ на уровне уездов создали свои ассоциации, в результате чего конкуренция и противоречия между этими ассоциациями обострились. В феврале 1994 года была образована Ассамблея сотрудничества ассоциаций муниципалитетов, которая выступила в роли представителя всех МСУ страны на

переговорах с правительством по бюджету. Следует отметить, что и сегодня она представляет собой единственную значимую площадку для регулярных переговоров между представителями МСУ и центральных органов власти. Несмотря на это, местные элиты не смогли создать достаточно сильную организацию, которая могла бы обеспечить баланс сил между органами МСУ и центром и выступать равноправным партнером на переговорах с центральным правительством.

Во-вторых, важнейшую роль в обеспечении баланса сил между центром и местным самоуправлением обычно играет промежуточный уровень, будь то второй (уездный) уровень МСУ, региональный уровень самоуправления или сильные префектуры (как, например, во Франции или Польше). Здесь можно выделить несколько аспектов такого влияния. Во-первых, промежуточный уровень служит эффективным связующим звеном между муниципалитетами и центральным правительством, обеспечивая, с одной стороны, реализацию государственной политики на местном уровне, с другой — учет местных интересов при разработке общенациональной политики. Во-вторых, именно промежуточный уровень способен в определенной степени оградить местные власти от излишнего давления центра и вмешательства отдельных министерств и ведомств. В-третьих, он может выступать в роли интегрирующего центра регионального развития, объединяющего и координирующего усилия различных по своей природе акторов. Наконец, промежуточный уровень управления может взять на себя ответственность за решение тех местных задач, которые требуют значительного объема ресурсов и управленческого потенциала. Муниципалитеты могут сделать это только при объединении в более крупные территориальные единицы или в случае чрезвычайно эффективного сотрудничества друг с другом, которое обычно становится возможным благодаря соответствующей деятельности на промежуточном уровне.

Следует отметить, что проблема промежуточного уровня управления, а также вопрос об обязательном или добровольном объединении муниципалитетов на протяжении всего периода реформ МСУ в Эстонии носили и продолжают носить крайне острый политический характер. Достаточно сказать, что с 1996 года были предприняты по меньшей мере семь попыток перестроить существующую институциональную систему, в том числе в соответствии с необходимостью адаптации промежуточного уровня к требованиям региональной политики ЕС [41]. Однако ни один из вариантов вплоть до 2015 года даже не доходил до обсуждения в парламенте из-за чисто политических разногласий внутри самой исполнительной власти.

Парадоксально, но уже в 1998 году немецкий эксперт Й. Гессе, опираясь на анализ реформ МСУ в Центральной и Восточной Европе, в точности предвидел подобное развитие: «В то время как законодательство о реформе местного самоуправления, несомненно, значительно укрепило роль местного уровня и преуспело в создании сферы подлинно автономного управления, многие утверждают, что реформы показали слишком мало понимания необходимости активной координации и сотрудничества между уровнями управления и комплексного принятия решений. <...> Проблемы секторизации усугубляются фрагментарным характером карты местного самоуправления. Слабые промежуточные институты означают, что центральным органам все чаще приходится пытаться наладить прямые связи с местными органами власти, что осложняется большим числом местных подразделений и, особенно в случае многих небольших населенных пунктов, отсутствием профессионального потенциала. И наоборот, местные органы власти не могут рассчитывать на то, что советы графств будут представлять их интересы на уровне центрального правительства, а должны изыскивать альтернативные каналы доступа. В результате происходит консервация секторизованного и фрагментарного характера отношений между уровнями власти» [42, p. 172].

Таким образом, к 2010-м годам эстонские местные власти сохранили достаточно высокую политическую и организационную автономию, которая запрещает любое административное вмешательство в местные дела. Поскольку этому строго следовали на практике, то единственным способом обеспечения скоординированного осуществления политики на местном уровне оставались только национальное законодательство и меры налоговой политики. Однако, как мы видели, местные органы власти в Эстонии не смогли создать эффективные каналы участия в разработке политики на центральном уровне для обеспечения баланса местных интересов при разработке национальной политики. По этой причине, с одной стороны, центральное правительство (и его министерства) стали возлагать на местные органы власти различные обязанности, не предоставляя дополнительного финансирования. Опираясь на положения Конституции, городские власти Таллина в 2009 году обратились в Государственный суд, чтобы освободиться от дополнительного бремени, однако никаких практических последствий для местного бюджета это обращение не имело. Одновременно центральные министры начали концентрировать в своих руках развитие регионального потенциала с помощью программ ЕС, особенно в области образования и социальных вопросов. С другой стороны, налоговое законодательство, которое возникло в 1993—1994 годах в условиях национального кризиса и в котором приоритет отдавался национальным интересам, не изменилось. В результате текущие расходы местных органов власти Эстонии составляют 22—24 % государственных расходов, однако поступления от местных налогов компенсируют при этом менее 1 % затрат, а основным источником доходов местного бюджета являются категориальные и общие дотации [43].

Исследования степени местной автономии, проведенные комиссией ЕС, показали, что Эстония обладает высокой степенью (17-е место среди 39 стран)⁷. Однако для эстонского МСУ характерны противоположные оценки по различным аспектам автономии. Показатели политической и организационной автономии были самыми высокими в Европе (100 баллов). Но фискальная автономия (32 балла) и уровень вертикального влияния местных властей (33 балла) были одними из самых низких. Это полностью подтверждает наш анализ развития МСУ в современной Эстонии.

Местное самоуправление и административная реформа 2017 года

К 2015 году все политические силы страны начали осознавать неизбежность реформ. Коалиция, сформированная тремя партиями — Партией реформ, Социал-демократической партией Эстонии и партией «Союз Отечества и Res Publica» (с июня 2018 года «Отечество»), инициировала реформу весной 2015 года. В отличие от предыдущих попыток эта реформа началась с серьезных изменений в организационной структуре. Координация политики в области местного самоуправления была передана из МВД в Министерство финансов, а ответственность за это направление была возложена на министра государственного управления.

Реформа изначально была запланирована для повышения потенциала муниципалитетов путем их объединения. При этом преследовалась в первую очередь сугубо инструментальная цель — добиться политического консенсуса по этому вопросу. В итоге программа реформ была сведена в основном к объединению муниципалитетов в административно-территориальные единицы с минимальной численностью населения в 5 тысяч жителей. Оптимальной же цифрой была признана численность не менее чем 11 тысяч жителей. Исключения предусматривались лишь для островных муниципалитетов (4) и тех случаев, когда территория слияния трех муниципалитетов превышает 900 км².

⁷ *Self-rule Index for Local Authorities*/European Commission 2014. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/self_rule_index_en.pdf (дата обращения: 27.11.2018).

Однако по мере развертывания реформы все более очевидным становился тот факт, что в долгосрочной перспективе речь должна идти не только о потенциальном усилении МСУ с точки зрения эффективности и экономии использования ресурсов, но и о их способности и возможности выступать в качестве стратегических акторов не только в стране, но и во всем Балтийском регионе. В связи с этим в дискуссии с центром главными стали следующие проблемы:

1. Создание новой организационной структуры муниципалитета, в которой функции разработки политики и стратегического планирования были бы отделены от повседневной деятельности по предоставлению услуг и обеспечению обратной связи с гражданами.

2. Развитие реальных возможностей приглашения на работу в муниципалитеты высококлассных профессионалов, которые могли бы обеспечить стратегическое направление муниципальной политики. В первую очередь они должны быть способны к профессиональному финансовому анализу, необходимому для долгосрочного инвестиционного планирования и управления рисками инвестиций, а также к развитию партнерских отношений, росту кадрового потенциала и т.д. Анализ, проведенный Министерством финансов, показал, что минимальный порог для найма конкурентоспособного финансового управляющего в сельских районах составляет около 8 тысяч человек.

3. Достижение устойчивого инвестиционного потенциала, чтобы иметь возможность претендовать на участие в достаточно крупных проектах, прежде всего в тех, которые финансируются ЕС. Минимальный индикативный порог был установлен на уровне 0,5 млн евро собственных инвестиционных возможностей в год, что вместе с кредитами позволит иметь достаточно крупные инвестиционные проекты с приемлемыми рисками. Минимальный размер муниципалитета с такой мощностью — 6—7 тысяч жителей.

4. Обеспечение каждого муниципального образования кадрами специалистов для оказания гражданам современных услуг, прежде всего в области консультирования и помощи в социальной сфере и образовании. Анализ ситуации с двумя должностными лицами — советниками по вопросам защиты прав детей и планированию строительства — позволил определить пороговое значение минимальной численности муниципалитета в 5 тысяч жителей.

Укрупнение муниципалитетов рассматривалось лишь как первый этап реформы местного самоуправления. После проведения выборов 15 октября 2017 года вместо 219 муниципалитетов в стране осталось 79⁸. Столь радикальное изменение административно-территориального устройства должно было привести и к другим переменам в системе субнационального управления. Во-первых, программа реформ предполагала, что за объединением последует реорганизация уездного (промежуточного) уровня управления. Во-вторых, в рамках налогово-бюджетной политики должно было быть найдено решение проблемы повышения доли местных налогов в местных бюджетах и определена формула компенсации потерь быстро сокращающегося населения (и соответственно, налогоплательщиков) в сельских районах за пределами городов. В-третьих, ожидалось, что увеличение размера муниципалитетов позволит делегировать им часть государственных функций.

Однако после смены правящей коалиции осенью 2016 года новая коалиция ограничилась лишь проведением первого этапа — формального объединения. Более того, в 2018 году уездные правительства были упразднены. Это привело к нарастающему вакууму власти между центром и МСУ. Их функции разделены теперь между

⁸ *Municipal council election 2017*. URL: <https://www.valimised.ee/en/municipal-council-election-2017> (дата обращения: 22.01.2019).

министерствами, муниципалитетам и ассоциациям муниципалитетов. В результате в Эстонии, по крайней мере в обозримом будущем, сохраняется специфическая дуалистическая модель отношений между центром и МСУ, при которой продолжается централизация власти, политики и ресурсов.

Роль институциональной тропы зависимости

Проведенный нами краткий анализ ситуации вызывает естественный вопрос, почему процесс формирования демократической системы местного самоуправления в Эстонии оказался столь длительным, противоречивым и полным парадоксов институционализации. Представляется, что получить адекватный ответ на него невозможно без анализа культурной составляющей происходящих в стране процессов.

Еще в 1995 году Ф. Фукуяма опубликовал статью «Первичность культуры», в которой предложил одну из наиболее убедительных концепций этапов консолидации демократии или уровней ее устойчивости. Наиболее легко и просто принять демократию на уровне нормативных убеждений и ожиданий, а затем выстроить официальные институты в более или менее благоприятных международных условиях. Однако уже на уровне структур гражданского общества посредством стихийных действий граждан «снизу вверх» добиться прочного закрепления демократических моделей гораздо сложнее. Наиболее же трудным, по мнению Фукуямы, является достижение консолидации демократии на уровне культуры / ценностей повседневного поведения. «Самый глубокий уровень включает такие явления, как структура семьи, религия, нравственные ценности, национальное самосознание, гражданственность и партикуляристические исторические традиции» [44, р. 8].

На уровне культуры наиболее изменчивыми являются ценности, связанные с нормативными ожиданиями, которые обеспечивают чисто эмоциональную приверженность определенным ценностям или идеалам. Эти идеалы легче не только принять, но и манипулировать ими, в том числе политической властью. Самые прочные ценности, которые «передаются через традиции» — это те, которые предполагают активное воплощение их в наиболее значимых сферах повседневной деятельности человека, таких как семья и отношения с другими близкими людьми и т. д. Их можно определить как экзистенциально-архетипические. Это самые глубокие ценности, которые человек не может часто осознать дискурсивно, но которым следуют спонтанно и искренне даже в самых критических ситуациях. Именно эти ценности могут выступать в роли своего рода когнитивных фильтров, определяющих масштаб и пределы институциональных инноваций [45; 46].

С точки зрения социологического институционализма это означает, что наиболее эффективными носителями институционализированных ценностей и норм выступают не формальные организации или государственные институты, а архетипические структуры, определяющие наш повседневный образ жизни. Отсюда можно также сделать вывод, что политические режимы (в том числе коммунистический) лишь до определенной степени оказывают воздействие на самые прочные и искренние ценности и убеждения, которые до XX века, по крайней мере в Эстонии, развивались на уровне общины. Обычные люди, как правило, переводят формальные политические и социальные институты и правила на свой собственный язык и адаптируют их к привычным моделям поведения. Во взаимодействии с формальными институтами они формируют собственное видение этих институтов, облекая их в понятную и практически приемлемую для себя форму. Конечно, они могут сознательно следовать формальным правилам и нормам, в то же время интерпретируя их по-своему. Это часто происходило в советский период и, видимо, продолжается на посттоталитарном этапе его развития. Очевидно, что эти глубокие поведенческие модели и архетипические ценности могут господствовать в обществе очень долго, сохраняясь на протяжении различных эпох политической истории.

Так, при создании новых структур, в нашем случае — системы органов местного самоуправления или отношений между уровнями публичной власти, даже те субъекты, которые их сознательно проектируют, могут в определенный период и при принятии более общих нормативных решений следовать предписанным извне (например, со стороны ЕС) схемам действий. Но рано или поздно они выработают собственную интерпретацию этих структур, и, как показывает практика новых независимых государств на постсоветском пространстве, институционализация в реальности может привести к иным институциональным структурам, если архетипические ценности вступают в противоречие с теми ценностями, которые лежат в основе первоначального смысла формальных структур. Подобного рода механизм был назван британскими исследователями Дж. Махони и К. Телен «конверсией» [21]. Именно он, на наш взгляд, может служить объяснением успехов и неудач демократического транзита.

Исходя из этого, попробуем выяснить, какое влияние эти архитектурные ценности могли оказать и, возможно, продолжают оказывать на процесс реформирования местного самоуправления в Эстонии.

Для понимания глубинных предпосылок моделей поведения целесообразно обратиться к известному исследованию ценностных установок Г. Хофстеде⁹ (табл.), которое по крайней мере дает возможность предположить, что именно не позволяет эстонским политическим элитам (несмотря на искреннее стремление обеспечить автономии сообщества) реализовать на практике институциональные модели, заимствованные из стран Северной Европы. Очевидно, что это исследование указывает не только на исторические корни доминирующих национальных культур, но и отражает отношение других граждан страны, имеющих иную национально-культурную идентичность (т. е. русские в Эстонии, шведы в Финляндии).

Ценностные ориентации граждан стран Европы, баллы

Страна	Ценность			
	Дистанцирование от власти	Индивидуализм	Маскулинность	Стремление избежать неопределенности
Швеция	31	71	5	29
Дания	18	74	16	23
Эстония	40	60	30	60
Финляндия	33	63	26	56
Германия	35	67	66	65
Венгрия	46	80	88	82
Польша	68	60	64	93
Россия	93	39	36	95

Мы можем убедиться прежде всего в том, что установки жителей Эстонии существенно отличаются от господствующих установок в Дании и Швеции, но довольно схожи с повседневными социальными установками жителей Финляндии и ФРГ. Во-первых, североевропейские народы в большей степени ценят солидарность и консенсус (ценности фемининности), тогда как граждане новых государств — членов ЕС из континентальной Европы (Венгрия и Польша) — предпочитают достижения и конкуренцию (маскулинность). Эстонцы и финны в этом плане занимают промежуточную позицию. Кроме того, в вопросе об отношении к неопределенности мы видим аналогичную картину. Жители североевропейских стран спокойно

⁹ Hofstede value survey. URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/> (дата обращения: 20.03.2019).

принимают неопределенность и двойственность ситуации, отсутствие правил (низкий уровень избегания неопределенности), тогда как люди в новых демократиях континентальной Европы ее избегают, отдают предпочтение жестким кодексам поведения и не воспринимают нетрадиционные способы поведения. Эстонцы и финны и с этой точки зрения занимают промежуточную позицию.

Несмотря на то, что в общем образе эстонцев доминирует индивидуализм, они все-таки в значительной мере коллективисты. Сильный уровень легитимизации национальных (в смысле — этнических) интересов эстонцев также свидетельствует о важной роли коллективных ценностей. А. Реало [47] объясняет это в том числе двойственностью специфики исторического развития страны и эстонской нации. Сам феномен индивидуализма и коллективизма представляет собой намного более сложное явление, чем это обычно считается. А. Реало указывает что Г. Триандис и М. Гельфанд [46] различают горизонтальный и вертикальный индивидуализм и коллективизм. Горизонтальный индивидуализм основан на ценностях автономии и самобытности, в то время как вертикальный индивидуализм подчеркивает эгоистично-конкурентные отношения с другими, характерные для маскулинных культур. Для горизонтального коллективизма свойственно восприятие взаимозависимости и кооперации в качестве положительной переменной, но при этом он не признает приоритета группы над индивидом, тогда как последний характерен для вертикального коллективизма, который, кроме того, рассматривает аутгруппы как чужих или даже противников. Многие исторические, а также контекстуальные факторы позволяют предполагать, что эстонцы более близки к ценностям вертикального коллективизма, в то время как горизонтальный, или консенсуальный, коллективизм присущ в первую очередь Северной Европе.

Как отмечала ведущий эстонский социолог М. Лауристин [48], социальный капитал, который складывался в контексте традиционного крестьянского общества и опыта жизни в период существования ЭССР, оставил свою печать на современных установках. Сотрудничество свободных людей предполагает несколько иной набор общих ценностей и новый тип доверительных отношений по сравнению с общинной солидарностью. Коллективная оборонительная солидарность, выработанная в результате различных практик чужеземного господства, трудно соотносится с открытыми, а также более неопределенными взаимоотношениями между людьми.

Таким образом, для Эстонии в большей степени по сравнению с северными соседями характерно стремление к предопределенности и регулированию и в меньшей — готовность к горизонтальному сотрудничеству (солидарности), что свидетельствует об отсутствии в эстонском обществе основных предпосылок к формированию дуалистической модели и местной автономии. В то же время установки жителей Эстонии довольно сильно отличаются от установок жителей других континентальных стран с переходной экономикой, однако они довольно близки к установкам жителей Германии, где господствует классическая фузионная модель отношений между центральными и местными властями. Мы не можем в данном случае предполагать существование причинных связей между историческими традициями и установками людей, с одной стороны, и развитием институциональных паттернов — с другой. Но мы склонны придерживаться позиции, что эти традиции и установки в решающих моментах препятствовали или способствовали выбору конкретных политических решений, которые в долгосрочной перспективе закрыли путь к внедрению в жизнь эстонского общества дуалистической модели политического управления.

Однако если ценностные ориентации финнов, как это видно из исследования, аналогичны эстонским, то как тогда можно объяснить, что местное самоуправление Финляндии по-прежнему обладает широкой автономией и играет важную роль в общенациональной политике? С одной стороны, между нациями на обоих берегах

Финского залива есть большое сходство, в то же время существуют два исторических различия, которые могут, на наш взгляд, объяснить разницу в политико-административных культурах. С другой стороны, в отличие от Эстонии Финляндия не знала крепостного права и имеет давние традиции автономного и самоуправляющегося местного сообщества. Став Великим княжеством Финляндским в составе Российской империи, Финляндия развила свои национальные государственные институты (Сенат и другие институты центральной власти) и поэтому местные элиты Финляндии имеют большой по сравнению с эстонскими опыт балансирования между центральными и местными органами власти.

В то же время Финляндия до недавнего времени (до реформ в Дании 2007 года) отличалась от других североευропейских стран наличием одного уровня местного самоуправления и существованием (как и в Эстонии) на уровне уезда региональных ассоциаций, советы которых формируют руководители муниципалитетов. Начиная с 1967 года, финское правительство несколько раз инициировало процесс объединения муниципалитетов, который, однако, так и не увенчался успехом [49]. Кроме того, в течение последних десятилетий было осуществлено несколько этапов реформы регионального управления. Таким образом, Финляндия по-прежнему ищет оптимальную институциональную конструкцию своей дуалистической модели, которая опиралась бы на широкий консенсус и сбалансированность подходов «сверху вниз» и «снизу вверх».

Заключение

Формирование новой демократической системы местного самоуправления в Эстонии происходило в условиях полной трансформации политических, социальных и экономических отношений в обществе. Контекстуальными переменными на начальном этапе были, с одной стороны, почти полное разрушение старых институциональных паттернов, с другой — привлекательные образы практики процветающих соседних стран Северной Европы. В то же время для развития по североευропейскому пути Эстонии явно не доставало опыта построения сбалансированных отношений между центром и местным самоуправлением.

Однако, несмотря на определенную специфику, анализ реформ местного самоуправления в Эстонии позволяет, на наш взгляд, сделать ряд выводов, важных не только для этой страны, но и для других постсоветских государств.

Во-первых, значение институциональных традиций велико. Причина неспособности содействовать институциональной модели, установленной в начале переходного периода, заключалась в различном историческом опыте Эстонии и, следовательно, различном мышлении и моделях практического поведения эстонских элит и рядовых граждан по сравнению с ценностями и моделями, на которые исторически опирается дуалистическая модель взаимоотношений между центральными и местными органами власти в Северной Европе. По нашему мнению, не только посткоммунистическое наследие, но и глубокая историческая специфика политической культуры эстонского общества сыграли решающую роль в институционализации демократических моделей в переходный период именно таким путем.

Коллективно-корпоративные ценности сообщества, которые основаны на противопоставлении «мы» и «другие», сильно сдерживают сотрудничество и формирование консенсуса между местными властями. Автономия сообщества при таких установках основана на ценностях «оборонительной автономии», которая отдает предпочтение гарантиям политического иммунитета местных элит со стороны центральной власти. Результатом является своего рода поклонение центру: не случайно эстонские лидеры местного самоуправления после избрания или назначения в общенациональные органы власти отказываются от своей местной идентичности и начинают отдавать предпочтение централизации в институциональном строительстве.

Во-вторых, важны и институциональная (историко-культурная) зависимость, и современные критические моменты и случайности, которые формируют направления развития на переломных этапах истории. В этом смысле заимствование политических моделей других стран должно осуществляться очень умело и осторожно. Политическое решение в пользу североевропейской модели МСУ в начале 1990-х годов было подкреплено сильными нормативными ожиданиями, а также уникальным политическим контекстом, который временно сложился в Эстонии. Эти нормативные ожидания начали ослабевать, как только эстонское общество перешло от чрезвычайного положения к этапу стабильного развития. После стабилизации привычные модели поведения и отношения между центром и местным самоуправлением, которые мы наблюдали в период рождения Эстонской Республики после 1918 года, вновь стали доминировать.

В-третьих, демократическая политика имеет значение. Национальная целостность и единство играют важную роль, особенно в обществе с мультикультурным расколом. Но эти ценности не должны заслонять собой того факта, что демократическое общество основано на способности распознавать и уравнивать конфликты различных общественных интересов, в том числе интересов местных, региональных, центральных и, мы бы сказали, глобальных субъектов. Единственный способ урегулировать эти конфликты демократическим путем — это сбалансировать их и по возможности провести переговоры в рамках механизмов многоуровневого управления.

Подобная стратегия балансирования является рискованной и трудоемкой, особенно в условиях недостаточного опыта взаимного доверия и, следовательно, слабых установок на сотрудничество. В результате как местные, так и центральные властные элиты начали искать подходящие краткосрочные решения и выстраивать барьеры внутри сферы формальной политической власти, вместо того чтобы развивать конструктивные взаимоприемлемые отношения между уровнями публичного управления. Первым шагом на пути к изначально поставленной цели было сдерживание, а потом и ликвидация института автономного уезда. На наш взгляд, тем самым местными элитами был сделан политически логичный, но исторически опрометчивый шаг: в результате нарушился вертикальный баланс власти и ослабли каналы переговоров между уровнями публичной власти, что благоприятствовало укреплению позиций центрального правительства. Реакцией местных элит на это стало проведение политики защиты своих интересов и ответного реагирования на действия центра. Этим способом они смогли прекрасно адаптироваться к сложившейся ситуации, защитившись политическим иммунитетом, предоставленным им центральными властями, что было вполне приемлемо для последних. В результате отношения между центральными и местными органами власти были заморожены, что во все большей степени стало тормозить реформы местного самоуправления.

В-четвертых, только проактивные инновации могут обеспечить последовательное проведение реформ. Реформы в начале 1990-х годов представляли собой временные решения. При этом поддержка инноваций постепенно пошла на спад, и возобладал курс на сохранение status quo. В то же время обе стороны — и центр и местное самоуправление — были недовольны партнерством друг с другом. Однако в 2015 году различия интересов и мнений были настолько существенными, что единодушно выступавшие за реформу политики не смогли достичь большего, чем соглашение о будущем размере муниципалитета.

Отсюда можно сделать более значимый вывод. В демократическом контексте не следует ожидать успеха грандиозной перестройки институтов и полагаться на прорывную реформу, целесообразнее занимать постоянную активную позицию, которая способствовала бы непрерывным инновациям.

Наконец, главный вопрос сегодня заключается в том, сможет ли новая политическая власть провести давно назревшие преобразования системы местного само-

управления в стране. Пока что кроме укрупнения муниципалитетов путем их объединения и ликвидации уездного уровня никакие другие шаги не сделаны — не произошла ни финансовая децентрализация, ни перераспределение полномочий в пользу органов местного самоуправления (за исключением передачи им некоторых функций промежуточного уровня).

Однако, возможно, эстонская политическая элита не должна пытаться «вернуться назад» к субъективно предпочтительным институциональным моделям местного самоуправления (дуалистическая модель), поскольку общие базовые установки и поведенческие сценарии (неформальные институты), характерные для Эстонии, не способствуют поддержанию этой институциональной модели в повседневном управлении. Может, более разумным и прагматичным было бы создание сильной промежуточной региональной администрации и выборного регионального совета.

Статья написана на основе результатов исследования, которое частично было поддержано Эстонским исследовательским советом как грант PUT1485 «Реляционный подход к управлению опасными проблемами».

Список литературы

1. Ланко Д.А. Тенденции политической интеграции в Эстонской Республике (2006—2015) // Прибалтийские исследования в России : матер. Междунар. науч. конф. / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. Калининград, 2016. С. 136—141.
2. Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика : монография. Калининград, 2016.
3. Малиновский В.Ю. Эстония: от бывшей советской республики к современному электронному государству // Политические институты и процессы. 2016. № 2. С. 35—40
4. Польша, Литва, Латвия, Эстония: социально-экономическое и политическое развитие : монография / под ред. А.П. Клемешева. М., 2018.
5. Степанова Е.В. Сравнительный анализ реформ местного самоуправления в странах Балтии // Герценовские чтения. 2002. Актуальные проблемы политологии, права и социологии : в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 1. С. 15—23.
6. Курочкин А.В., Курочкина Е.О. Опыт муниципального реформирования в государствах Балтийской Европы // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 89—97.
7. Курочкин А.В., Курочкина Е.О. Сравнительный анализ процессов реформирования местного самоуправления государств Балтийского региона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2003. № 3. С. 44—55.
8. Mäeltsemees S. Local Government in Estonia // Decentralisation: Experiments and Reforms / Th. Horvath (ed.). LGI/OSI, 2000. P. 61—114.
9. Raagmaa G., Stead D. Impacts of European Territorial Policies in the Baltic States. L., 2015.
10. Almann A. The area of responsibility of local government at county level and possibilities for the legal organisation thereof. Tartu, 2008. P. 125—130. URL: <https://www.juridicainternational.eu/index.php?id=12693> (дата обращения: 18.05.2019).
11. Lazauskienė A., Astrauskas A., Bandarzewski K. et al. Substantial share of public affairs under municipality's responsibility as provided by the Constitutions of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Przegląd Prawa Publicznego. 2018. № 141 (12). P. 102—117.
12. Olle V., Rauk T. Foreign Administrative Acts: The Case of Estonia // Recognition of Foreign Administrative Acts / Rodriguez-Arana Munoz J. (ed.). Springer, 2016. P. 103—113.
13. Ülper A., Ukrainski K. Shrinking Cities and Processes in Estonia // Shrinking Cities: A Global Perspective / H.W. Richardson, C.W. Nam (eds.). L. ; N. Y., 2014. P. 119—137.
14. Sootla G., Küngas K. Effects of Institutionalisation of local policymaking. The study of Central-Eastern European experience // Tension Between Local Governance and Local Democracy / J. Franzke, M. Boogers, L. Schaap (eds.). The Hague, 2007. P. 52—64.
15. Sootla G., Toots A. Indicators of Local democracy in Estonia // The State of Local Democracy in Central Europe / G. Soos et al. (ed.). LGI/OSI, 2006. P. 163—350.

16. *Temmes M., Sootla G., Larjavaara I.* Models of Administrative Reform Institutions in Transition Environment. Comparative analysis of Finland, Estonian and Russia. Helsinki, 2004.
17. *Sootla G., Lääne S.* Responses to the Decline of Local Autonomy in Estonia // Public Sector Dynamics in Central and Eastern Europe / J. Nemeč, M. De Vries (eds.). Bratislava, 2013. P. 141 — 153.
18. *Kjellberg F., Reschova J., Sootla G.* The Role of Local Autonomy in Democratic and Democratising Societies: The New Local Government Acts in Czech Republic, Estonia and Norway // Nation. State. Power / Jasinska Kania A., Raciborski J. (eds.). Warszawa. 1996. P. 386 — 409.
19. *Sootla G., Kattai K.* Estonia: Challenges and Lessons of the Development of Local Autonomy // The Oxford Handbook of Subnational Democracy in Europe. Oxford, 2010. P. 576 — 595.
20. *Thelen K.* Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. № 2. P. 369 — 404.
21. *A theory of gradual institutional change / J. Mahoney, K. Thelen (eds.).* Explaining Institutional Change. Ambiguity, Agency, and Power. Cambridge, 2009. P. 1 — 37.
22. *Mahoney J., Schensul D.* Historical Context and Path Dependence // Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / Tilly Ch., Goodin R. (eds.). Oxford, 2006. P. 454 — 471. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0024.
23. *Hay C.* Constructivist institutionalism // Handbook of Political Institutions. Oxford, 2006. P. 56 — 74.
24. *Hay C.* Social Constructivism // Routledge Handbook of Interpretive Political Science / Bevir M., Rhodes R. (eds.). L. ; N.Y., 2016. P. 99 — 112.
25. *Schmidt V.* Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism' // European Political Science Review. 2010. Vol. 2, № 1. P. 1 — 25.
26. *Hay C.* Political Analysis: A Critical Introduction. L. ; N.Y., 2002.
27. *Stark D., Bruszt L.* Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge, 1998.
28. *Dowding K.* Explaining Urban Regimes // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25, № 1. P. 7 — 19.
29. *Ertman T.* Birth of the Levithan. Cambridge, 1997.
30. *Wollmann H.* The Fall and Rise of the Local Community: A Comparative and Historical Perspective // Urban Studies. 2006. Vol. 43, № 8. P. 1419 — 1438.
31. *Knapp A., Wright V.* The Government and Politics of France. L. ; N.Y., 2006.
32. *Leemans A.F.* Changing Patterns of Local Government. The Hague, 1970.
33. *Smith G.* Politics in Western Europe. A comparative analysis. L., 1972.
34. *Klinge M.* Baltis Sea World. Helsinki, 2007.
35. *Sootla G., Lääne S.* Keskvalitsuse ja kohaliku omavalitsuse suhted — Rmt. Eesti poliitika ja valitsemine 1991 — 2011. Tallinn, 2012. P. 278 — 324.
36. *Zettenberg S.* Eesti Ajalugu. Tallinn, 2009.
37. *Raud M.* Tsentralisatsiooni võidukäik ja selle põhjusi // Maaomavalitsus. 1931. IX (17/18). P. 285 — 288.
38. *Õunapuu E.* Maaomavalitsuste õigustatud olemasolu // Maaomavalitsus. 1931. (3). P. 35 — 39.
39. *Sootla G., Lääne S.* Public Administration Developments and Practices in Estonia // Public Administration in Post-Communist Countries. Former Soviet Union, Central and Eastern Europe, and Mongolia / S. Liebert, S. Condrey, D. Goncharov (eds.). Boca Raton, 2013. P. 161 — 189.
40. *Sootla G., Laanes L.* Source of institutional integrity and contradictions of county governance: analysing Estonian experience // Transylvanian Review of Administrative Sciences. 2015. Iss. 46 E (October). URL: <http://rtsa.ro/tras/index.php/tras> (дата обращения: 18.01.2019).
41. *Hughes J., Sasse G., Gordon C.* Europeanization and Regionalization in the EU's Enlargement to Central and Eastern Europe. The Myth of Conditionality. L., 2005.
42. *Hesse J.* Rebuilding the State: Administrative Reform in Central and Eastern Europe // SIG-MA paper. 1998. № 23. P. 41 — 63.
43. *Sootla G., Katta K.* Institutionalisation of central local relations in Estonia: European impacts // The Europeanization, Regionalization and Decentralization of Small Unitary States: a Comparative Analysis. Universidade do Minho, Braga, Portugal, 2017.
44. *Fukuyama F.* The Primacy of Culture // Journal of Democracy. Vol. 6, № 1. 1995. P. 7 — 14.
45. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.

46. *Triandis H., Gelfand M.* Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, № 1. P. 118—128.
47. *Realo A.* Comparison of Public and Academic Discourses: Estonian Individualism and Collectivism Revisited // *Culture & Psychology*. 2003. Vol. 9, № 1. P. 47—77.
48. *Lauristin M.* Looking to ourself // *Areen*. 2001. 23 Aug.
49. *Sandberg S.* Finnish Power-Shift: The Defeat of the Periphery? // *Baldershiem H., Rose L.* Territorial Choice. The Politics of Boundaries and Borders. N.Y., 2010. P. 42—60.

Об авторах

Галина Исааковна Грибанова, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: GGribanova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4313-5178>

Георг Соотла, профессор, Таллинский университет, Эстония.

E-mail: georg.sootla@tlu.ee

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3100-4349>

Керстен Каттаи, преподаватель, Таллинский университет, Эстония.

E-mail: kersten.kattai@tlu.ee

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0550-5900>

LOCAL GOVERNMENT REFORMS IN ESTONIA: INSTITUTIONAL CONTEXT, INTENTIONS AND OUTCOMES

G. I. Gribanova^a

G. Sootla^b

K. Kersten^b

^a Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

^b Tallinn University
25 Narva rd, Tallinn, Estonia, 10120

Received 26 April 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-3

© Gribanova G. I., Sootla G.,
Kersten K., 2020

The local government reforms of 1989 and 1993 were intended to establish a dual pattern of central-local relations in Estonia. The choice of this model was inspired and supported by the Nordic states. Although the legal framework for local government has remained untouched since 1993, the introduction of institutional mechanisms for strong local autonomy was not a success. The first part of this article seeks to identify the main factors that inhibited the launch of the new institutional model. These were a lack of strategic influence on national

policy-making, poor cooperation from local authorities, and the diminishing role of county-level governments and their subsequent liquidation. The second part of the article analyses the objectives and results of the local government amalgamation reform of 2017 as well as the theoretical and practical possibilities to re-establish central-local balances in Estonia. The analysis draws on institutional theory, which explains the effect of deep value patterns and concrete political choices on the institutionalization logic followed after the 1993 reform. It is concluded that the local elites retaining their old value patterns will downplay the effect of the 2017 reform.

Keywords:

local government, reforms, dual model, fuse model, central-local relations, autonomy, balance, institutional theory

References

1. Lanko, D.A. 2015, Political integration tendencies in the Estonian Republic (2006—2015). In: Klemeshev, A.P., Mezhevich, N.M., Fedorov, G.M. *Pribaltijskiye issledovaniya v Rossii*, Materials of the International Scientific Conference, 2015, Kaliningrad, p. 136—141 (In Russ.).
2. Smirnov, V.A. 2016. *Politicheskie elity Litvi, Latvii i Estonii: faktory rekrutirovaniya i strukturnaja dinamika* [Political Elites of Latvia, Lithuania and Estonia: factors of recruitment and structural dynamics], Kaliningrad, 181 p. (In Russ.).
3. Malinovsky, V.J. 2016, Estonia — from former Soviet republic to modern e-state, *Politicheskie instituty i protsesy*, no. 2, p. 35—40 (In Russ.).
4. Klemeshev, A. (ed.) 2018, *Polsha, Litva, Latvija, Estonija: sotsialno-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye* [Poland, Lithuania, Latvia, Estonia: socio-economic and political development], Moscow, 134 p. (In Russ.).
5. Stepanova, E.V. 2003, Comparative Analyses of the Baltic States Local Government Reforms], *Herzenovskie chteniya 2002. Aktual'nye problemy politologii, prava i sotsiologii*, St. Petersburg, p. 15—23. (In Russ.).
6. Kurochkin, A.V., Kurochkina, E.O. 2003, Experience of Municipal Reformation in the States of Baltic Europe, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], no. 3, p. 89—97 (In Russ.).
7. Kurochkin, A.V., Kurochkina, E.O. 2003, Comparative analysis of the processes of local self-government reforming in the Baltic region, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sociologia, psichologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, p. 44—55 (In Russ.).
8. Mäeltsemees, S. 2000, Local Government in Estonia. In: Horvath, Th. (ed.) *Decentralisation: Experiments and Reforms*, LGI/ OSI, p. 61—114.
9. Raagmaa, G., Stead, D. 2015, *Impacts of European Territorial Policies in the Baltic States*, Routledge, 160 p.
10. Almann, A. 2008, *The area of responsibility of local government at county level and possibilities for the legal organisation thereof*, Centre on Constitutional Justice, Tartu. p. 125—130, available at: <https://www.juridicainternational.eu/index.php?id=12693> (accessed 18.05.2019).
11. Lazauskienė, A., Astrauskas, A., Bandarzewski, K., Litvins, G. Olle, V., Lääne, S. 2018, Substantial share of public affairs under municipality's responsibility as provided by the Constitutions of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland, *Przegląd Prawa Publicznego*, no. 141 (12), p. 102—117.
12. Olle, V., Rauk, T. 2016, Foreign Administrative Acts: The Case of Estonia. In: Rodriguez-Arana Munoz, J. (ed.) *Recognition of Foreign Administrative Acts*, Springer International Publishing, p. 103—113.
13. Ülper, A., Ukrainski, K. 2014, Shrinking Cities and Processes in Estonia. In: Richardson, H.W., Nam, C.W. (eds.) *Shrinking Cities: A Global Perspective*, Taylor & Francis, p.119—137.
14. Sootla, G., Küngas, K. 2007, Effects of Institutionalisation of local policymaking. The study of Central-Eastern European experience. In: Franzke, J., Boogers, M., Schaap, Linze (eds) *Tension Between Local Governance and Local Democracy*, Reed Elsevier (Business), p.52—64.
15. Sootla, G., Toots, A. 2006. Indicators of local democracy in Estonia. In: Soos, G. et al. (ed.) *The State of Local Democracy in Central Europe*, LGI/ OSI, p. 163—350.

16. Temmes, M., Sootla, G., Larjavaara, I. 2004, *Models of Administrative Reform Institutions in Transition Environment. Comparative analysis of Finland, Estonian and Russia*, University of Helsinki, 85 p.
17. Sootla, G., Lääne, S. 2013, Responses to the Decline of Local Autonomy in Estonia. In: Nemeč, J., De Vries, M. (eds) *Public Sector Dynamics in Central and Eastern Europe*, NISPA, p. 141–153.
18. Kjellberg, F., Reschova, J., Sootla, G. 1996, The Role of Local Autonomy in Democratic and Democratizing Societies: The New Local Government Acts in Czech Republic, Estonia and Norway. In: Jasinska Kania, A., Raciborski, J. (eds.), *Nation. State. Power*, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe Scholar, p.386–409.
19. Sootla, G., Kattai, K. 2010. Estonia: Challenges and Lessons of the Development of Local Autonomy. In: *The Oxford Handbook of Subnational Democracy in Europe*, Oxford, Oxford University Press, p. 576–595.
20. Thelen, K. 1999, Historical Institutionalism in Comparative Politics, *Annual Review of Political Science*, no. 2, p. 369–404.
21. Mahoney, J., Thelen, K. 2009, A theory of gradual institutional change. In: Mahoney, J., Thelen, K. (eds.) *Explaining Institutional Change. Ambiguity, Agency, and Power*, Cambridge University Press, p. 1–37.
22. Mahoney, J., Schensul, D. 2006, Historical Context and Path Dependence. In: Tilly, Ch., Goodin, R. (eds) *Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*, Oxford University Press, p. 454–471. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0024.
23. Hay, C. 2006, Constructivist institutionalism. In: *Handbook of Political Institutions*, Oxford University Press, p. 56–74
24. Hay, C. 2016, Social Constructivism. In: Bevir, M., Rhodes, R. (eds.) *Routledge Handbook of Interpretive Political Science*, Routledge, p. 99–112.
25. Schmidt, V. 2010, Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth ‘new institutionalism’, *European Political Science Review*, vol. 2, no 1, p. 1–25.
26. Hay, C. 2002, *Political Analysis: A Critical Introduction*, Palgrave Macmillan, 332 p.
27. Stark, D., Bruszt, L. 1998, *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*, Cambridge University Press, 284 p.
28. Dowding, K. 2001, Explaining Urban Regimes, *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 25, no 1, p.7–19.
29. Ertman, T. 1997, *Birth of the Levithan*, Cambridge University Press, 380 p.
30. Wollmann, H. 2006, The Fall and Rise of the Local Community: A Comparative and Historical Perspective, *Urban Studies*, vol. 43, no 8, p. 1419–1438.
31. Knapp, A., Wright, V. 2006, *The Government and Politics of France*, London, New York, Routledge, 560 p.
32. Leemans, A.F. 1970, *Changing Patterns of Local Government*, IUAL, 224 p.
33. Smith, G. 1972, *Politics in Western Europe. A comparative analysis*, London, Heinemann Educational Books, 403 p.
34. Klinge, M. 2007, *Baltic Sea World*, Otava, 176 p.
35. Sootla, G., Lääne, S. 2012, Keskkvalitsuse ja kohaliku omavalitsuse suhted. — Rmt, *Eesti poliitika ja valitsemine 1991–2011*, ACTA UNiversitatis Tallinnensis, p.278–324.
36. Zettenberg, S. 2009, *Eesti Ajalugu*. Tallinn, Tänapäev, 178 p.
37. Raud, M. 1931, Tsentralisatsiooni võidukäik ja selle põhjusi, *Maaomavalitsus*, IX (17/18), p.285–288.
38. Õunapuu, E. 1931, Maavalitsuste õigustatud olemasolu, *Maaomavalitsus*, no. 3, p. 35–39.
39. Sootla, G., Lääne S. 2013, Public Administration Developments and Practices in Estonia. In: Liebert, S., Condrey, S., Goncharov, D. *Public Administration in Post-Communist Countries. Former Soviet Union, Central and Eastern Europe, and Mongolia*, CRC Press, Taylor and Francis Group, p. 161–189.
40. Sootla, G., Laanes, L. 2015, Source of Institutional Integrity and contradictions of county governance: analysing Estonian Experience, *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, no. 46 E, October, available at: <http://rtsa.ro/tras/index.php/tras> (accessed 18.01.2019).

41. Hughes, J., Sasse, G. Gordon, C. 2005, *Europeanization and Regionalization in the EU's Enlargement to Central and Eastern Europe. The Myth of Conditionality*, Palgrave, 231 p.
42. Hesse, J. 1998, Rebuilding the State: Administrative Reform in Central and Eastern Europe, *SIGMA paper*, no. 23, p. 41—63.
43. Sootla, G., Kattai, K. 2017, Institutionalisation of central local relations in Estonia: European impacts, *International conference «The Europeanization, Regionalization and Decentralization of Small Unitary States: a Comparative Analysis»*, Universidade do Minho, Braga, Portugal, 13th and 14th of July 2017, 18 p.
44. Fukuyama, F. 1995, The Primacy of Culture, *Journal of Democracy*, vol. 6, no. 1, p. 7—14.
45. North, D. 1990, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, 164 p.
46. Triandis, H., Gelfand, M. 1998, Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 74, no 1, p. 118—128.
47. Realo, A. 2003, Comparison of Public and Academic Discourses: Estonian Individualism and Collectivism Revisited, *Culture & Psychology*, vol. 9, no. 1, p. 47—77.
48. Lauristin, M. 2001, Looking to ourself, *Areen*, 23 August.
49. Sandberg, S. 2010, Finnish Power-Shift: The Defeat of the Periphery? In: Baldershiem, H., Rose, L. (eds.) *Territorial Choice. The Politics of Boundaries and Borders*, Palgrave, p. 42—60.

The authors

Prof. Galina I. Griбанова, Head of the Department of International Political Processes, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: GGriбанова@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4313-5178>

Prof. Georg Sootla, School of Governance, Law and Society, Tallinn University, Estonia.

E-mail: georg.sootla@tlu.ee

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3100-4349>

Kattai Kersten, Lecturer, Public Administration School of Governance, Law, and Society, Tallinn University, Estonia.

E-mail: kersten.kattai@tlu.ee

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0550-5900>

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ (ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ, ПРОПАГАНДА) КАК УГРОЗА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ: ПОДХОДЫ НА УРОВНЕ ЕВРОСОЮЗА И ЛИТВЫ КАК ЕГО ЧЛЕНА

Т. А. Романова
Н. И. Соколов
Ю. Ю. Колотаев

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 22.04.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-4
© Романова Т. А., Соколов Н. И.,
Колотаев Ю. Ю., 2020

На основе анализа документов Европейского союза и Литвы по противодействию дезинформации / фейковым новостям представлен плюрализм подходов ЕС к обеспечению своей стрессоустойчивости к данной угрозе. Исследование показало, что в ЕС существуют три подхода. Первый, которым руководствуется Европейская комиссия, — признание права граждан на информацию, повышение их критического мышления и информационной грамотности. Он соответствует адаптивной парадигме действий в информационном пространстве и аутопозитивной стрессоустойчивости. Второй, воплощаемый Европейской службой по внешним связям, заключается в опровержении отдельных новостей, в создании негативной репутации некоторых СМИ. Он сочетает в себе адаптивную и патерналистскую парадигмы действий в информационном пространстве, а также более статическое прочтение стрессоустойчивости. Литва демонстрирует третий подход, где доминирует патерналистская парадигма и гомеостатичная стрессоустойчивость. Суть этого подхода состоит в изоляции граждан от определенной информации путем активных действий государства. Таким образом, популярное использование термина «стрессоустойчивость» в ЕС маскирует плюрализм подходов и к угрозе дезинформации, и к стрессоустойчивости. В качестве теоретической основы использованы концепции стрессоустойчивости, а также парадигмы работы с дезинформацией / фейковыми новостями. Методологическая основа статьи — критический дискурс-анализ. В статье также предложены некоторые причины расхождений в ЕС в борьбе с дезинформацией / фейковыми новостями / пропагандой и в трактовке стрессоустойчивости.

Ключевые слова:

Европейский союз, Литва, стрессоустойчивость, фейковые новости, пропаганда, дезинформация

Феномен «фейковые новости» (ФН) приобрел актуальность в связи с британским референдумом по выходу из Европейского союза и выборами президента США в 2016 году; Россию обвиняют в информационном вмешательстве в эти

Для цитирования: Романова Т. А., Соколов Н. И., Колотаев Ю. Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 53–67. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-4.

процессы. В этом контексте (и с учетом других изменений в мире) в 2016 году ЕС разработал Глобальную стратегию (ГСЕС), центральный компонент которой — категория «стрессоустойчивость» (resilience). Одной из угроз для нее в ГСЕС указана дезинформация, хотя чаще используется термин ФН. ЕС не сразу пришел к единому пониманию этого феномена, а общий подход к достижению стрессоустойчивости в данной плоскости у него пока отсутствует.

Цель статьи — выявить плюрализм подходов к обеспечению стрессоустойчивости в отношении дезинформации (ФН, пропаганда) в документах ЕС и Литвы как его страны-члена. Анализ используемой терминологии и документов, регулирующих политику ЕС и Литвы, позволяет выделить три подхода. Они отличаются по взаимодействию государства и общества и по тому, как они соотносятся с теоретическими концепциями стрессоустойчивости. Объект настоящего исследования — ЕС (на наднациональном уровне) и Литва, а предмет — их дискурс о противодействии дезинформации / ФН / пропаганде в контексте укрепления стрессоустойчивости.

Выбор Литвы обусловлен ее активной внешнеполитической деятельностью (особенно в отношении России) и стремлением к лидерству в Балтийском регионе. Для достижения цели ставятся следующие задачи: 1) определить подходы к дезинформации и их связь с концепцией стрессоустойчивости; 2) продемонстрировать плюрализм определения дезинформации (ФН, пропаганды) на уровне ЕС и в Литве; 3) выявить подходы к повышению стрессоустойчивости ЕС и Литвы в отношении дезинформации (ФН, пропаганды); 4) обобщить сходства и различия в данной области между ЕС и Литвой.

Теоретической основой исследования выступили академические концепции стрессоустойчивости. Несмотря на то что ее единое понимание отсутствует, ряд базовых характеристик разделяет большинство исследователей [1]. Кроме того, в качестве теоретической основы статьи выступили две парадигмы работы с дезинформацией (патерналистская и адаптивная). Методологической основой стал дискурс-анализ [2—4].

Корпус исследуемого материала составляют ГСЕС¹, Сообщение по стрессоустойчивости², доклады, подготовленные для ЕС [5; 6], а также документы Литовской Республики (Белая книга политики обороны Литвы³, Стратегия национальной безопасности⁴, доклады Департамента госбезопасности⁵). В исследование также включены высказывания официальных лиц.

В статье дана общая характеристика парадигм противодействия дезинформации (ФН) и прослежена их связь с академическими концепциями стрессоустойчивости, а

¹ *Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy.* URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

² *Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The EU Approach to Resilience: Learning from food security crises.* 2012. URL: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2012_586_resilience_en.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

³ *Krašto apsaugos ministerija. Lietuvos gynybos politikos Baltoji knyga.* URL: https://kam.lt/lt/gynybos_politika_490/aktualus_dokumentai_492/strateginiai_dokumentai_494.html (дата обращения: 03.08.2019).

⁴ *Lietuvos Respublikos Seimas, Nacionalinio saugumo strategija.* URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.2627131DA3D2/LLwfQepmnD> (дата обращения: 03.08.2019).

⁵ *Bendras VSD ir AOTD 2016 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2017/03/2016-grėsmių-vertinimas.pdf> (дата обращения: 11.09.2018); *Bendras VSD ir AOTD 2018 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2018/03/LTU.pdf> (дата обращения: 12.09.2018); *Bendras VSD ir AOTD 2019 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.* URL: <https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2019/02/2019-Gresmes-internetui-LT.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).

также обсуждается концепция стрессоустойчивости ЕС. Представлены подходы Европейской комиссии (ЕК), Европейской службы по внешним связям (ЕСВС) и Литвы к решению проблемы дезинформации, проводится сравнение трех подходов и отмечаются причины плюрализма действий, маскируемых концепцией стрессоустойчивости.

Парадигмы работы с проблемой дезинформации (фейковых новостей) и стрессоустойчивость

В современной литературе сложились две парадигмы противодействия дезинформации / ФН — «патерналистская» и «адаптивная». Их можно представить находящимися на противоположных сторонах континуума, где одна крайность — общественная свобода, а другая — общественная безопасность.

Патерналистская парадигма подразумевает «вмешательство в личные свободы человека посредством действий, обоснованных причинами, соотносимыми с благосостоянием... интересами или ценностями данного человека» [7, р. 65]. Ради защиты общества от негативного воздействия дезинформации / ФН приемлемыми считаются любые ограничения, включая блокировку некоторых источников или деформацию общественного дискурса посредством контрпропаганды [8]. Государственное вмешательство через ограничения и запреты — проявление патернализма [9]. При этом патернализм не ограничивается государственными акторами, он может проявляться и на уровне корпораций [10] или наднациональных акторов.

Свобода слова привела к альтернативной, адаптивной, парадигме. Она делает приоритетом качественные преобразования граждан для повышения устойчивости общества к дезинформации (ФН) без использования мер, «которые могут поставить свободу слова под удар» [11, р. 42]. Это проявляется в повышении общественной медиаграмотности [12] и в проверке достоверности информации [13], в перераспределении ответственности за качество информации к источникам ее распространения [14] и выработке механизмов саморегуляции общества [15].

Генеалогию термина «стрессоустойчивость» эксперты прослеживают вплоть до Средних веков, прежде всего в инженерной сфере и физике [16, р. 19—35; 17], однако современное его использование начинается в 1970-е годы. Именно тогда К. Хоулинг определил ее как «меру устойчивости систем, а также их способность абсорбировать изменения и раздражения и поддерживать такое же соотношение популяций или переменных [их] состояния» [18, р. 14]. Это определение разделяют все авторы, разрабатывавшие концепцию стрессоустойчивости в социальных науках [1]. В социальную сферу стрессоустойчивость приходит в 1990-е годы. Во-первых, сказалась неспособность предотвратить некоторые угрозы (в том числе дезинформацию), невозможность изолировать общество от них. Во-вторых, доминирование нелиберального подхода позволило государству перекладывать часть ответственности на общество, в частности в обеспечении безопасности (см., например, [1; 19]).

Однако сегодня существуют серьезные различия в трактовке стрессоустойчивости. Две обозначенные нами парадигмы работы с дезинформацией / ФН отлично это иллюстрируют. Патерналистская соответствует стрессоустойчивости как поддержанию / возврату в исходное состояние (bouncing back), то есть гомеостатичности [1, р. 5—6]. Корни этого видения — в точных науках. Лидирующая роль тут принадлежит органам власти, а общество остается ведомым. Адаптивная же парадигма соотносится с аутопозитивным пониманием стрессоустойчивости как развития с достижением равновесия в новой точке (bounce forward) [1, р. 6—7]. Значительная часть функций тут перекладывается на граждан, а государство лишь определяет контуры низовых практик.

В ЕС термин «стрессоустойчивость» принимался постепенно. Впервые эту категорию проработала ЕК в 2012 году.⁶ Однако базовой для внешней деятельности стрессоустойчивость стала в результате принятия ГСЕС в 2016 году. Координатор работы по подготовке ГСЕС Натали Точки объясняет появление «стрессоустойчивости» нелинейным подходом к угрозам современности, неспособностью государств не только предотвратить, но и порой спрогнозировать их [20, р. 88]. К этим вызовам ЕС относит и дезинформацию / ФН.

Таким образом, для внедрения концепции стрессоустойчивости в ЕС используется обоснование, разработанное в социальных науках. Неолиберальная природа ЕС также способствует внедрению (аутопоэзисной) стрессоустойчивости. Однако в документах и самого ЕС, и его членов существуют различия в трактовке того, как обеспечивать стрессоустойчивость к дезинформации. Именно к этим различиям мы и обратимся.

ЕС и Литва: в поисках определений дезинформации

Триггером борьбы с дезинформацией / ФН в ЕС стали украинские события 2014 года. Однако определения дезинформации / ФН появляются лишь в 2018 году в докладе ЕК о цифровой трансформации. ФН было предложено определить как 1) ложную информацию и 2) преднамеренные попытки исказить новости, использовать фильтрованные версии для продвижения идеологий, путаницы, недовольства и создания поляризации [5, р. 11]. Авторы доклада особо указывали на обеспокоенность граждан попытками России повлиять на выборы [5].

Доклад «Многомерный подход к дезинформации», подготовленный в 2018 году по заказу ЕК, отказывается от термина «ФН», поскольку он «не адекватен для решения сложной проблемы дезинформации» и отдает предпочтение термину «дезинформация», определяемому как «ложная, неточная или неверная информация, разработанная, представленная и продвигаемая, чтобы сознательно причинить общественный вред или получить прибыль» [6, р. 10].

В то же время Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (Стратком), созданная ЕСВС, использует и термин «ФН», и термин «дезинформация». Миссия Страткома формулируется как борьба с *российскими* кампаниями дезинформации и ФН⁷. При этом понятие «ФН» содержится прежде всего в разделе «Новости и анализ», где публикуются и сообщения внешних организаций, но исключительно в связи с Россией⁸. Сам Стратком теперь отдает предпочтение термину «дезинформация», что сближает его позицию с линией ЕК. Однако первоначальной установкой для создания Страткома была борьба именно с ФН.

Выбор термина важен: при использовании понятия «ФН» игнорируется возможность ошибки, а термин «дезинформация» — более широкий и нейтральный.

Литва, говоря о России, предпочитает использовать термин «пропаганда»⁹. В отчете Департамента государственной безопасности (ДГБ) 2017 года «дезинформация» упоминается 2, а «пропаганда» — 15 раз. При этом термин включает не только распространение новостей, но и, например, встречи международного клу-

⁶ European Commission. The EU Approach to Resilience: Learning from food security crises. URL: <https://www.preventionweb.net/english/professional/policies/v.php?id=28852> (дата обращения: 03.08.2019).

⁷ European Union External Action Service. Don't be deceived: EU acts against fake news and disinformation. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/32408/dont-be-deceived-eu-acts-against-fake-news-and-disinformation_en (дата обращения: 03.08.2019).

⁸ EU vs Disinfo. News and analysis. EU vs. Disinfo. URL: <https://euvsdisinfo.eu/news/> (дата обращения: 03.08.2019).

⁹ Bendras VSD ir AOTD 2016 metų grėsmių nacionaliniams saugumui vertinimas.

ба журналистики «Format A3», где выступают российские эксперты¹⁰. Интересно, что ЕК использует термин «пропаганда» лишь в контексте радикализации терроризма¹¹, также акцентируя необходимость предотвратить распространение соответствующего контента. Негативная коннотация «пропаганды» исключает не только возможность ошибки, но и право на соответствующую точку зрения. Аспект предотвращения читается и в вокабулярии Литвы.

Употребление терминов, столь разных по своей коннотации, указывает на различие дискурсов на уровнях ЕС и Литвы. Это позволяет наметить три подхода к угрозам в сфере информации. ЕК склоняется к термину «дезинформация», подразумевающему открытость и право на ошибку. Подход ЕСВС основан на выявлении ФН. Наконец, Литва обозначает свое видение как опасность пропаганды. Эти три понимания угрозы стрессоустойчивости определяют и подходы к ней. Рассмотрим их подробнее.

Подход Евросоюза № 1.

Дезинформация и гражданская ответственность

В апреле 2017 года вице-президент ЕК А. Ансип заявил: «Мы четко осознаем необходимость защищать свободу слова и доверять здравому смыслу граждан. <...> Ключевая задача — увеличить возможности ЕС... отвечать на дезинформацию внешних сторон»¹². В этом высказывании рельефно выделяется акцент на свободе слова и на существовании внешней угрозы. Далее Ансип отметил два столпа стратегии ЕС: медиа-грамотность граждан и журналистскую этику, подчеркнув, что «фейковые новости — это плохо, но Министерство правды — еще хуже»¹³. Иными словами, предпочтение отдано развитию способности общества к жизни в условиях возможной дезинформации.

Дальнейшие документы подтверждают, что подход ЕК соответствует адаптивной парадигме. Сообщение по стрессоустойчивости 2017 года указывает: «Стрессоустойчивость граждан к враждебной дезинформации будет... развиваться путем повышения их осведомленности, поддержки плюрализма и профессионализма в СМИ»¹⁴. Сообщение 2018 года по дезинформации¹⁵ подтверждает приверженность адаптивной парадигме.

Таким образом, ЕК постулирует намерение прежде всего обучать граждан и сохранять многообразие точек зрения. Гражданское общество и СМИ полностью включены в процесс. Граждан призывают привлекать внимание к дезинформации через специально созданные структуры (например, StopFake.org, hoaxmap.org).

¹⁰ *Bendras VSD ir AOTD 2016 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.*

¹¹ См., например, *European Commission — Press release. State of the Union 2018: Commission proposes new rules to get terrorist content off the web. 2018 // European Union. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-5561_en.htm (дата обращения: 03.08.2019).*

¹² *Statement by Vice-President Ansip at the European Parliament, Strasbourg in the plenary debate: „Hate speech, populism and fake news on social media — towards an EU response“.* Strasbourg, 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/ansip/announcements/statement-vice-president-ansip-european-parliament-strasbourg-plenary-debate-hate-speech-populism_en (дата обращения: 03.08.2019).

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *European Commission. Joint communication to the European Union Parliament and the Council. A strategic approach to resilience in the EU's external action // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_-_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf (дата обращения: 22.09.2019).*

¹⁵ *European Commission. Communication — Tackling online disinformation: a European Approach. Brussels, April. COM(2018) 236 final. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2018/EN/COM-2018-236-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (дата обращения: 03.08.2019).*

Параллельно ЕС запустил платформы проверки фактов (например, Social Observatory for Disinformation and Social Media Analysis). СМИ повысили стандарты качества и открыли некоторые алгоритмы [6]. Важным шагом стал Кодекс практики¹⁶, подписанный в том числе Facebook, Google и призванный повысить прозрачность рекламных кампаний и информации. Онлайн-платформы выступают с дополнительными инициативами (например, Facebook создает сервис по определению «правдивой информации», предоставляет возможность жаловаться на фейковые аккаунты, мультиплицирующие дезинформацию). Платформы также разработали правила для политического контента, нарушение которых ведет к блокировке аккаунта. С 2019 года они ежемесячно предоставляют ЕК отчет о результатах деятельности.

Во всех этих действиях нужно отметить понимание невозможности на уровне институтов власти предотвратить соответствующие угрозы. Это ведет к передаче части ответственности гражданам, а также к поощрению официальными структурами низовых практик, к самоорганизации граждан. При этом официальные структуры определяют опорные точки, пытаются способствовать стрессоустойчивости общества. Подход основан на важности либеральных свобод, в том числе альтернативной точки зрения, и на способности личности осознанно сделать выбор¹⁷. Постулируется не консервация, а постоянное развитие общества и власти. В целом данный подход соответствует адаптивной парадигме и аутопоэзисной стрессоустойчивости.

Подход Евросоюза №2.

Фейковые новости и вмешательство органов власти

В ЕС существует и альтернативный подход к обеспечению стрессоустойчивости к дезинформации. В 2015 году был подготовлен «План действий по стратегической коммуникации», основанный на активном противодействии неприемлемой информации¹⁸. Первичной территорией его приложения стал регион Восточного партнерства. Автором документа также выступила ЕК. План прописал не только рассмотренные в предыдущем разделе пути, но и активное участие официальных структур в предотвращении дезинформации.

Однако продвинул этот подход прежде всего ЕП, в его резолюции 2016 года выделена «насуточная необходимость обеспечить стрессоустойчивость информационной системы на уровне ЕС и стран-членов...»¹⁹ А резолюция 2017 года поручает ЕК анализ существующей нормативной базы с целью «юридических интервенций, призванных предотвратить распространение фейкового контента»²⁰. Такие шаги предполагают следование патерналистской парадигме.

¹⁶ European Commission. Code of Practice on disinformation and digital single market. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/code-practice-disinformation> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁷ European Commission. Online disinformation: a major challenge for Europe (blog post). URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/blogposts/online-disinformation-major-challenge-europe> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁸ European Commission. Action plan on strategic communication. URL: <http://archive.eap-csf.eu/assets/files/Action%20Plan.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).

¹⁹ European Parliament. Resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

²⁰ European Parliament. Resolution of 15 June 2017 on online platforms and the digital single market (2016/2276(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0272_EN.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

В этом контексте и возникла группа Стратком, которая «развивает коммуникационные продукты и кампании, поясняющие политику ЕС», «устанавливает тренды российской дезинформации и исправляет ее»²¹. На практике это предполагает регулярные обзоры по дезинформации, куда включаются и искажения данных, и высказываемые в СМИ мнения, и пристрастные обобщения.

Работа Страткома также связывается со стрессоустойчивостью ЕС. Например, на ее сайте есть обучающие материалы по распознаванию *прокремлевской* дезинформации. Один из ее сотрудников, рассуждая о своей деятельности, сказал, что Стратком способствует стрессоустойчивости граждан ЕС, поскольку они «вакцинируются» против российской информации²². В результате происходит стигматизация России путем создания прочной связи между ней и ФН, доверие к исходящей от Москвы информации уничтожается.

Этот подход не столько учит граждан самостоятельному выбору, сколько программирует их решения. Иными словами, можно констатировать патерналистскую попытку оградить граждан, отказ доверять их критическому мышлению. Интересно, что сайт Страткома ведется, главным образом, на английском и русском языках, что позволяет охватить наиболее подверженное российскому влиянию население в ЕС — русскоязычное, а также страны постсоветского пространства.

Действия Страткома вызывают дискуссии в ЕС. Самый яркий пример — обращение к омбудсмену, подчеркивающее отсутствие критериев, по которым информация объявляется ложной, а ее источник заносится в «черный» список. В обращении также отмечается, что эти действия нарушают свободу самовыражения [21].

Таким образом, второй подход Евросоюза к дезинформации / ФН как угрозе стрессоустойчивости предполагает сочетание адаптивной и патерналистской парадигм. Циркуляция информации не ограничивается, но органы власти активно опровергают часть данных. При этом четко определяется источник дезинформации (Россия), а новостные потоки, исходящие оттуда, стигматизируются. Крен в сторону патернализма программирует недоверие граждан к России. Это можно ассоциировать с гомеостатичной трактовкой стрессоустойчивости, характерной для инженерных наук.

Подход Литвы: «пропаганда» как патерналистское отрицание стрессоустойчивости

Литовский подход предполагает активное предупреждение угрозы, классифицируемой как «пропаганда», на государственном уровне. В Белой книге политики обороны предложены три направления действий: 1) наблюдение и анализ информационного пространства с выделением тем, которые стали целями атак; 2) просветительская деятельность среди граждан; 3) сотрудничество с институтами ЕС, НАТО и их членами²³. По утверждению литовских политиков, Литва более других стран ЕС испытывает нарастающее и дестабилизирующее воздействие дезинформации России²⁴.

²¹ European External Action Service. Questions and Answers about the East StratCom Task Force. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/2116/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (дата обращения: 03.08.2019).

²² Авторское интервью с чиновником ЕСВС, 4 октября 2018.

²³ Krašto apsaugos ministerija. Lietuvos gynybos politikos Baltoji knyga.

²⁴ См., напр., Paulauskas A. Rusijos propagandos mašina Lietuvoje finansuojama pažeidžiant įstatymus // 15 min. URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/lietuva/a-paulauskas-rusijos-propagan-dos-masina-lietuvoje-finansuojama-pazeidziant-istatymus-56-552679> (дата обращения: 03.08.2019).

На основании закона об информировании общества²⁵ действует Комиссия по радио и телевидению, наделенная правом запрещать кабельную трансляцию российских каналов и ограничивать доступ к интернет-ресурсам. В январе 2019 года список нежелательной информации был расширен (в том числе за счет контента, в котором «искажается историческая память Литвы, развивается недоверие и недовольство государством... есть стремление укрепить национальное и культурное разделение, ослабить национальную самобытность и гражданственность»²⁶). Еще одна мера борьбы с «российской пропагандой» — внесение имен носителей альтернативного мнения в ежегодный отчет Департамента госбезопасности²⁷.

Литовский подход к противодействию информационной угрозе стрессоустойчивости заключается и в создании негативной репутации российских СМИ, и в блокировке информации, исходящей от них. Соответственно трактуются и пути достижения стрессоустойчивости. В Стратегии национальной безопасности²⁸ она упоминается четыре раза, три из которых относятся к противодействию пропаганде извне. Показательно также, что стрессоустойчивость в литовских документах связана с противодействием именно российской угрозе. Министр иностранных дел Литвы Л. Линкявичус даже заявил, что «стрессоустойчивость к российской пропаганде должна быть нашим приоритетом»²⁹.

Наконец, в сентябре 2018 года была создана англоязычная платформа Debunk.eu («разоблачение»), куда граждане на добровольной основе могут присылать материалы. По замыслу организаторов, инициатива нацелена именно на повышение стрессоустойчивости общества. Однако примечательны целенаправленность инициативы (ищется негатив, исходящий от России) и активное участие чиновников министерств обороны и иностранных дел³⁰.

Интересны также высказывания депутатов Сейма. Например, Л. Кашунас утверждает, что Запад «не понимает генезиса нынешней информационной войны... Абсолютная свобода слова может привести к хаосу, контролируемому снаружи. Особенно если у общества нет навыков критического мышления, информационной грамотности и т.д.»³¹. Он также предлагает запрещать информацию, «которая исходит от других стран или их субъектов или несет угрозу интересам национальной

²⁵ Lietuvos Respublikos visuomenės informavimo įstatymas 1996 m. liepos 2 d. Nr. I-1418 Vilnius. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.065AB8483E1E/KambyVXeSS> (дата обращения: 03.08.2019).

²⁶ Lietuvos Respublikos visuomenės informavimo įstatymo nr. I-1418 19, 31, 34¹, 48 straipsnių ir priedo pakeitimo įstatymas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAP/3b843be00e5d11e98a758703636ea610> (дата обращения: 03.08.2019).

²⁷ Bendras VSD ir AOTD 2018 metų grėsmių nacionaliniam saugumui vertinimas.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ Lietuvos Respublikos užsienio reikalų ministerija. L. Linkevičius: atsparumas Rusijos propagandai turi būti mūsų prioritetas. URL: <https://www.urm.lt/default/lt/naujienos/l-linkevicius-atsparumas-propagandai-turi-buti-musu-prioritetas> (дата обращения: 03.08.2019).

³⁰ Debunk. URL: <https://debunk.eu/about-debunk/> (дата обращения: 03.08.2019).

³¹ Амелюшкин К. «Запрещать Достоевского — это, конечно, абсурд». Лауринас Кашунас обещает стоять на страже инфобезопасности Литвы // Delfi.lt. 2018. URL: https://ru.delfi.lt/news/politics/zapreschat-dostoevskogo-eto-konechno-absurd-laurinas-kaschyunas-obeschaet-stoyat-na-strazhe-infobezopasnosti-lityv.d?id=78675143&fbclid=IwAR1yfaXezjbyCQ66U8NioIoguUDZZGF-EbLHW4mpemKqiXQni2_BAT7YqM (дата обращения: 03.08.2019).

безопасности»³². Ж. Павилионис считает, что необходимо ограничить время эфира для представителей России, отмечая, что «Кремль уделяет особое внимание промыванию сердец и мозгов жителей нашей страны»³³.

Подход Литвы — это иллюстрация патерналистской парадигмы, доведенной до крайности. Она направлена на то, чтобы на государственном уровне оградить граждан от российского информационного потока (классифицируемого как пропаганда), и основана на фундаментальном недоверии гражданам. Государственные институты патерналистски защищают своих граждан от реальных или мнимых угроз. Логично, что основной акцент сделан на запретительные меры, а не на обучение граждан. Общество и бизнес играют малозаметную роль в противодействии информационной угрозе. В результате потенциально ставятся под вопрос либеральные ценности, продвигаемые ЕС. Страдает и динамичность, на первый план выходит гомеостатичная стрессоустойчивость, характерная для точных наук. При этом подход Литвы — не исключение для ЕС [22].

Три подхода к дезинформации в сравнительном разрезе

Нами были выделены три подхода к противодействию информационной угрозе стрессоустойчивости. Первый основан на адаптивной парадигме и аутопозитивной стрессоустойчивости. Второй содержит значительный компонент патернализма и сдвигается к гомеостатичной интерпретации стрессоустойчивости. Наконец, в третьем патерналистская парадигма и гомеостатичная стрессоустойчивость доминируют. По мере продвижения ко второму и третьему подходам объемы действий институтов власти возрастают, доверие к гражданам и их способности к критическому мышлению падает, а опасность нарушения прав на свободу слова и информации усиливается. В таблице суммированы полученные результаты.

Подходы ЕС к дезинформации как угрозе стрессоустойчивости

Подход	Предпочитаемые термины	Органы власти	Бизнес	Общество
Подход 1 (ЕС — ЕК)	Дезинформация	Модератор, отдает инициативу бизнесу и обществу	Формирует практики на основе рекомендаций властных структур	Играет ключевую роль в противодействии дезинформации на индивидуальной основе
Подход 2 (ЕС — ЕСВС)	ФН и дезинформация	Определяют ФН и стигматизируют СМИ отдельных стран	Не играет заметной роли	Потребляет предложенный государственными властями контент, но имеет доступ к альтернативному
Подход 3 (Литва)	Пропаганда	Доминируют и активно используют запретительные меры. Подменяют добровольные инициативы государственными	Выполняет законодательные решения запретительного характера	Потребляет предложенный органами власти контент, доступ к альтернативе ограничен

³² *Kasčiūnas L.* Kova su dezinformacija neturi riboti žodžio laisvės // Tėvynės sąjunga-Lietuvos krikščionys demokratai. URL: <https://tsajunga.lt/aktualijos/kova-su-dezinformacija-neturi-riboti-zodzio-laisves/> (дата обращения: 03.08.2019).

³³ *Ž. Pavilionis:* demokratiją niekinančią rusišką produkciją Kremlius duoda dykai // *diena.lt* новостной портал. URL: <https://www.diena.lt/naujienos/pasaulis/ekonomika-ir-politika/z-pavilionis-demokratija-niekinancia-rusiska-produkcija-kremlius-duoda-dykai-804280> (дата обращения: 03.08.2019).

Сравнение подходов к борьбе с дезинформацией для обеспечения стрессоустойчивости ЕС заставляет задуматься о причинах различий в подходах к информационной угрозе и трактовке стрессоустойчивости. Корни расхождений — тема отдельного исследования, но попытаемся наметить контуры.

Подходы, пропагандируемые ЕК и ЕСВС, могут различаться в связи со сферами их деятельности. ЕК традиционно концентрируется на экономических вопросах и процессах внутри ЕС. Это способствует большему делегированию ответственности бизнесу и гражданам. ЕСВС же ориентирован на внешнюю арену, четче артикулирует проблему внешней угрозы и необходимость противодействия ей. Более того, целью ЕСВС в борьбе с дезинформацией является защита граждан не только ЕС, но и стран-соседей.

Различия в позициях стран-членов и ЕС в целом в отношении России неоднократно становились предметом рассмотрения в научной литературе. Наиболее часто в качестве причин этих различий отмечают историческое прошлое, а также географическую близость и степень экономической зависимости [23, р. 146—168; 27]. Особое внимание уделяют травмирующему прошлому стран Балтии [24], а также их опасениям, «связанным с угрозой целостности государств со стороны [русскоязычных] нацменьшинств» [25]. Упомянуты также такие осложняющие факторы, как социальное неравенство, слабая экономика, миграция, безработица [26, р. 62—63].

Наконец, литовский политолог Э. Некрашас справедливо отмечает, что Литва сама выбрала Россию в качестве главного объекта критики. Критикуя ее, Литва становится больше заметна и приобретает ясную миссию — быть лидером региона, как во времена Великого княжества Литовского [28].

Заключение

Наш анализ продемонстрировал отсутствие в ЕС единого понимания того, как обеспечить стрессоустойчивость в отношении информационной угрозы. В статье выделены три подхода.

Первый продвигает ЕК, предпочитающая термин «дезинформация». Он предполагает обучение граждан, развитие их критического мышления при сохранении полной свободы слова и доступа к информации. Возникает равное партнерство официальных структур, бизнеса и граждан. Этот подход наиболее полно соответствует неолиберальной природе ЕС (в том числе пропагандируемым им ценностям). Интересно также, что искажение информации прямо не связывается с Россией. Этот подход наиболее полно соответствует современным трактовкам стрессоустойчивости в социальных науках и основан на адаптивной парадигме работы с дезинформацией.

Второй подход заключается в противодействии ФН (главным образом, из России). Здесь свои действия институты ЕС также связывают со стрессоустойчивостью, но ее трактовка более статична. Этот вариант продвигают ЕСВС (особенно Стратком) и ЕП. В нем явно появляются элементы патернализма, искажается свобода слова и информации. Стигматизируется ряд СМИ. Однако никакая информация не запрещается, соблюдается право на личные свободы. Это сдвиг в сторону патернализма, поскольку действия граждан минимизируются, а институты власти стремятся определять, что правильно, а что является источником лжи.

Наконец, третий подход проиллюстрирован на примере Литвы. Здесь информация, исходящая от официальной России или ее СМИ, почти автоматически квалифицируется как пропаганда, блокируются соответствующие ресурсы, отдельные лица сталкиваются с преследованием. Эти меры официальная Литва классифицирует как повышение стрессоустойчивости, но они соответствуют крайне гомеостатичному прочтению стрессоустойчивости, характерному для инженерных и точ-

ных наук. Доминируют запретительные меры органов власти, а общество и бизнес должны соблюдать установленные правила. Даже попытки внедрить добровольные практики (выявление дезинформации) подменяются действиями госструктур.

Адаптивная парадигма работы с дезинформацией и аутопоэзисная стрессоустойчивость требуют серьезного делегирования ответственности гражданам и трансформации властных структур, но дают гибкость реагирования на современные вызовы (в том числе в области информации). Патерналистская парадигма и гомеостатическая стрессоустойчивость могут казаться более надежными и легче достижимыми, но формируют закостенелость в работе с неопределенными угрозами.

Обеспокоенность ЕС дезинформацией и желание укрепить стрессоустойчивость будут сохраняться. Какой подход к информационной угрозе и стрессоустойчивости возобладает, пока остается вопросом. Термин же «стрессоустойчивость» лишь маскирует плюрализм в подходах ЕС к борьбе с информационной угрозой (да и с некоторыми другими) сегодня.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

Список литературы

1. *The Routledge Handbook of International Resilience* / Chandler D., Coaffee J. (eds.). Routledge, 2017.
2. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
3. Van Dijk T. Principles of critical discourse analysis // *Discourse and society*. 1993. Vol. 4, № 2. P. 249—283.
4. Fairclough N. *Critical discourse: the critical study of language*. L. ; N.Y. 1995.
5. Martens B., Aguiar L., Gomez-Herrera E., Mueller-Langer F. The digital transformation of news media and the rise of disinformation and fake news — An economic perspective; Digital Economy Working Paper 2018—02; JRC Technical Reports. Seville. 2018. URL: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/dewp_201802_digital_transformation_of_news_media_and_the_rise_of_fake_news_final_180418.pdf (дата обращения: 03.08.2019).
6. High Level Expert Group. A multi-dimensional approach to disinformation. Report of the independent High level Group on fake news and online disinformation. Brussels, 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/final-report-high-level-expert-group-fake-news-and-online-disinformation> (дата обращения: 03.08.2018).
7. Dworkin G. Paternalism // *The Monist*. 1972. Vol. 56, № 1. P. 64—84. doi: 10.5840/monist197256119.
8. Baade B. Fake News and International Law // *European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29, № 4. P.1357—1376. doi: 10.1093/ejil/chy071.
9. Yatid M.M. Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation // *IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies*. 2019. Vol. 2, № 2. P. 203—230. doi: 10.22146/ikat.v2i2.40482.
10. Lazer D.M.J. et al. The science of fake news // *Science*. 2019. Vol. 359, № 6380. P. 1094—1096. doi: 10.1126/science.aao2998.
11. Morgan S. Fake news, disinformation, manipulation and online tactics to undermine democracy // *Journal of Cyber Policy*. 2018. Vol. 3, № 1. P. 39—43. doi: 10.1080/23738871.2018.1462395.
12. Niklewicz K. Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation. Brussels, 2017.
13. Burkhardt J.M. Combating fake news in the digital age // *Library Technology Reports*. 2017. Vol. 53, № 8.
14. Alemanno A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-fake News Approaches // *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Vol. 9, № 1. P. 1—5. doi: 10.1017/err.2018.12.
15. Levi L. Real fake news and fake fake news // *First Amendment Law Review*. 2018. Vol. 16. P. 223—327.

16. Bourbeau P.A. Resilience, Security and World Politics // D. Chandler, J. Coaffee (eds.). The Routledge Handbook of International Resilience. L., 2017.
17. Bourbeau P.A. Genealogy of Resilience // International Political Sociology. 2018. Vol. 12, № 1. P. 19—35.
18. Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4, № 1. P. 1—23.
19. Joseph J. Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge University Press, 2018.
20. Tocci N. Framing the EU Global Strategy: A stronger Europe in a fragile world. Palgrave Studies in European Union Politics, 2017.
21. Alemanno A., Brogi J., Fisher-Zernin M., Morrow P. Is the EU Disinformation Review compliant with EU Law? Complaint to the European Ombudsman about the EU anti-fake news initiative. P., 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3151424 (дата обращения: 03.08.2019).
22. Kremlin Watch Team. 2018 Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations. Prague: European Values Protecting Freedom. Prague, 2018. URL: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion-operations.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).
23. David M., Gower J., Hakkala H. National perspectives on Russia: European foreign policy in the making? Abingdon, 2013.
24. Kerikmäe T., Chochia A., Atallah M. The Baltic States in the European Union // Oxford Research Encyclopedia of Politics. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.186.
25. Gill G. Nationalism and the Transition to Democracy: The Post-Soviet Experience // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2016. Vol. 14, № 4. P. 613—626. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/db29/48af30d4c0dc3bdbb6f6e33dd5c6ab8e5121.pdf> (дата обращения: 03.08.2019).
26. Berzins J. Russian New Generation Warfare is not Hybrid Warfare // The War in Ukraine: Lessons for Europe / A. Pabriks, A. Kudors (eds.). Riga, 2015.
27. Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU-Russian Relations. L., 2007. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf (дата обращения: 03.08.2019).
28. Nekrašas E. Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką. Politologija. 2009. Vol. 54, № 2. P. 123—142. doi: 10.15388/Polit.2009.2.8412.

Об авторах

Татьяна Алексеевна Романова, кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: t.romanova@spbu.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5199-0003>

Николай Игоревич Соколов, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: nikolaj.sokolov@me.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9699-7890>

Юрий Юрьевич Колотаев, стажер-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

DISINFORMATION (FAKE NEWS, PROPAGANDA) AS A THREAT TO RESILIENCE: APPROACHES USED IN THE EU AND ITS MEMBER STATE LITHUANIA

T. A. Romanova

N. I. Sokolov

Y. Y. Kolotaev

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

Received 22 April 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-4
© Romanova T. A., Sokolov N. I.,
Kolotaev Y. Y., 2020

This study analyses EU and Lithuanian documents on countering disinformation/fake news to present the plurality of the Union's approaches to ensuring resilience. Currently, there are three approaches to the problem in the EU. The first one, used by the European Commission, is the recognition of citizens' right to information as well as of the need to promote critical thinking and information literacy. This approach fits into the adaptive paradigm of action in the information space and the concept of autopoietic resilience. The second approach, taken by the European External Action Service, is to expose fake news and the media spreading it. In combining adaptive and paternalistic paradigms of action in the information space, this approach employs a more static interpretation of resilience. Lithuania has adopted a third approach, which is dominated by the paternalistic paradigm and homeostatic resilience. This approach consists of the state isolating citizens from certain information. Thus, the popular use of the term 'resilience' in the EU disguises the plurality of approaches to both disinformation and resilience itself. Theoretically, this study draws on the concept of resilience and paradigms for countering disinformation/fake news. Methodologically, it relies on critical discourse analysis. The article suggests several possible causes of intra-EU differences in countering disinformation/fake news/propaganda and interpreting resilience

Keywords:

European Union, Lithuania, resilience, fake news, propaganda, disinformation

References

1. Chandler, D., Coaffee, J. 2017, *The Routledge Handbook of International Resilience*, Routledge.
2. Jorgensen, M. Phillips, L. 2008, *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method], Kharkiv, 350 p. (In Russ.).
3. Van Dijk, T. 1993, Principles of critical discourse analysis, *Discourse and society*, vol 4, no. 2, p. 249–283. doi: 10.1177/0957926593004002006.
4. Fairclough, N. 1995, *Critical discourse: the critical study of language*. London. and New York, Longman, 265 p.
5. Martens, B., Aguiar, L., Gomez-Herrera, E., Mueller-Langer, F. 2018, The digital transformation of news media and the rise of disinformation and fake news — An economic perspective, *Digital Economy Working Paper*, 2018–02, JRC Technical Reports, Seville, available at: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/jrccties/files/dewp_201802_digital_transformation_of_news_media_and_the_rise_of_fake_news_final_180418.pdf (accessed 03.08.2019).

To cite this article: Romanova, T. A., Sokolov, N. I., Kolotaev, Y. Y. 2020, Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 53–67. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-4.

6. High Level Expert Group, 2018, *A multi-dimensional approach to disinformation. Report of the independent High level Group on fake news and online disinformation*, Brussels, available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/final-report-high-level-expert-group-fake-news-and-online-disinformation> (accessed 03.08.2018).
7. Dworkin, G. 1972, Paternalism, *The Monist*, vol. 56, no.1, p. 64—84. doi: 5840/monist197256119.
8. Baade, B. 2018, Fake News and International Law, *European Journal of International Law*, vol. 29, no. 4, p.1357—1376. doi: 10.1093/ejil/chy071.
9. Yatid, M.M. 2019, Truth Tampering Through Social Media: Malaysia's Approach in Fighting Disinformation & Misinformation, *IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies*, vol. 2, no.2, p. 203—230. doi: 22146/ikat.v2i2.40482.
10. Lazer, D.M.J. et al. 2018, The science of fake news, *Science*, vol. 359, no. 6380, p. 1094—1096. doi: 10.1126/science.aao2998.
11. Morgan, S. 2018, Fake news, disinformation, manipulation and online tactics to undermine democracy, *Journal of Cyber Policy*, vol. 3, no.1, p. 39—43. doi: 10.1080/23738871.2018.1462395.
12. Niklewicz, K. 2017, *Weeding out Fake News: An Approach to Social Media Regulation*, Brussels, Wilfried Martens Centre for European Studies, 2017.
13. Burkhardt, J.M. 2017, Combating fake news in the digital age, *Library Technology Reports*, vol. 53, no. 8, Chicago, ALA TechSource.
14. Alemanno, A. 2018, How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-fake News Approaches, *European Journal of Risk Regulation*, vol. 9, no. 1, p. 1—5. doi: 10.1017/err.2018.12.
15. Levi, L. 2018, Real fake news and fake fake news, *First Amendment Law Review*, vol. 16, p. 223—327.
16. Bourbeau, P. 2017, Resilience, Security and World Politics. In: Chandler, D., Coaffee, J. (eds.) *The Routledge Handbook of International Resilience*, Routledge.
- Bourbeau, P.A. 2018, Genealogy of Resilience, *International Political Sociology*, vol.12, no. 1, p. 19—35. doi: 10.1093/ips/olx026.
17. Holling C.S. 1973, Resilience and Stability of Ecological Systems, *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, no. 1, p. 1—23.
18. Joseph, J. 2018, *Varieties of Resilience: Studies in Governmentality*, Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316551028.
19. Tocci, N. 2017, Framing the EU Global Strategy: A stronger Europe in a fragile world, *Palgrave Studies in European Union Politics*, p. 168.
20. Alemano, A., Brogi, J., Fisher-Zernin, M., Morrow, P. 2018, Public interest clinic Is the EU Disinformation Review compliant with EU Law? In: *Complaint to the European Ombudsman about the EU anti-fake news initiative*, Paris, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3151424 (accessed 03.08.2019).
21. Kremlin Watch Team, 2018, *Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations*, Prague, European Values Protecting Freedom, 2018, available at: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion-operations.pdf> (accessed 03.08.2019).
22. David, M., Gower, J., Haukkala, H. (eds.) 2013, *National perspectives on Russia: European foreign policy in the making?* Abingdon, Routledge.
23. Kerikmäe, T., Chochia, A., Atallah, M. 2018, The Baltic States in the European Union, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. doi:10.1093/acrefore/9780190228637.013.186.
24. Gill, G. 2016, Nationalism and the Transition to Democracy: The Post-Soviet Experience, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 14, no. 4, p. 613—626, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/db29/48af30d4c0dc3bdbb6f6e33dd5c6ab8e5121.pdf> (accessed 03.08.2019).
25. Berzinš, J. 2015, Russian New Generation Warfare is not Hybrid Warfare. In: Pabriks, A., Kudors, A. (eds.) *The War in Ukraine: Lessons for Europe*, The Centre for East European Policy Studies University of Latvia Press, Riga.
26. Leonard, M., Popescu, N. 2007, *A Power Audit of EU-Russian Relations*. London: ECFR, available at: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-02_A_POWER_AUDIT_OF_EU-RUSSIA_RELATIONS.pdf (accessed 03.08.2019).
27. Nekrašas, E. 2009, Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką, *Politologija*, vol 54, no 2, p. 123—142. doi: 10.15388/Polit.2009.2.8412.

The authors

Dr Tatiana A. Romanova, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University, Russia.

Email: t.romanova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5199-0003>

Nikolay I. Sokolov, PhD student, Saint-Petersburg State University, Russia.

Email: nikolaj.sokolov@me.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9699-7890>

Yury Y. Kolotaev, Junior Researcher, Saint-Petersburg State University, Russia.

Email: yury.kolotaev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

ФОЛЬКЕТИНГ КАК УЧАСТНИК ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КОРОЛЕВСТВА ДАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЕС И РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О. В. Григорьева
Н. О. Плюснин

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Поступила в редакцию 20.03.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-5

© Григорьева О. В., Плюснин Н. О., 2020

Ввиду расширения количества участников процесса принятия внешнеполитических решений представляется важным изучить, какие силы сегодня определяют действия государства на международной арене. Международная деятельность парламентов современных государств все больше ставит под сомнение исключительность прерогатив исполнительной власти в области внешней политики и обороны. Полномочия Фолькетинга Дании в данной сфере признаются экспертами одними из самых широких в сравнении с другими парламентами мира, однако вызывает вопрос, в одинаковой ли степени используются эти полномочия в отношении различных государств и регионов. Целью данной статьи является выявление особенностей участия Фолькетинга во внешней политике Королевства Дания в отношении ЕС и России. В статье используется модель концентрических кругов для определения степени участия Фолькетинга в реализации внешней политики Королевства Дания в различных регионах мира, а также сопоставительный анализ примеров участия Фолькетинга в выстраивании отношений с ЕС, ЕАСТ и РФ. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высокой институционализации и слаженности участия Фолькетинга в выстраивании отношений с общеевропейскими органами, что объясняется интегрированностью датских политических элит в общеевропейские элиты, понятностью и прогнозируемостью европейских процессов для датских парламентариев. Участие парламента в датско-российских отношениях отличается меньшей систематичностью и структурированностью, так как для более сложных и неоднозначных отношений с РФ у Фолькетинга порой не хватало дипломатического опыта и ресурсов для эффективного влияния на отношения между странами.

Ключевые слова:

модель концентрических кругов, Королевство Дания, Фолькетинг, ЕС, датско-российские отношения

Введение

На сегодняшний день парламенты — относительно самостоятельные участники международных отношений, так как обладают широкими полномочиями в надзоре за осуществлением внешней политики правительством, а также посредством различных способов (различных форм парламентской дипломатии: визиты парламентских делегаций, участие в работе межпарламентских органов и т.д.) эффективно влияют на внешнеполитический курс государств.

Для цитирования: Григорьева О. В., Плюснин Н. О. Фолькетинг как участник внешней политики Королевства Дания в отношении ЕС и РФ: сравнительный анализ // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 68–84. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-5.

Можно отметить, что скандинавские парламенты наряду с британским и американским являются наиболее полно реализовавшими свои права в осуществлении контроля над внешней политикой правительства. Парламентами этих государств создан наиболее эффективный по сравнению со многими другими законодательными органами стран мира механизм участия в принятии внешнеполитических решений и надзора за их выработкой и реализацией.

Королевство Дания, в котором раньше других стран сформировался этот механизм, уникально также тем, что права Фолькетинга в данной сфере регламентируются на уровне Конституции страны.

Традиционно отечественные исследователи (М.А. Исаев [1], М.А. Могунова [2]) рассматривают влияние Фолькетинга на процесс формирования внешнеполитического курса как одну из многочисленных особенностей работы датского парламента, отмечая, однако, слаженность механизмов взаимодействия парламента и правительства по этим и другим вопросам.

Датская политическая мысль прошла два этапа развития в вопросе изучения участия Фолькетинга во внешней политике Королевства. Исследователи второй половины XX века (К.Б. Брамсен [3], Й.А. Йенсен [4], А. Росс [5], В. Шеквист [6], М. Сёренсен [7], Х. Цале [8]) в первую очередь проводили историко-правовой анализ участия Фолькетинга во внешней политике, выявляя этапы постепенного увеличения полномочий парламента в данной сфере. Современные ученые прежде всего оценивают эффективность Фолькетинга как участника внешней политики Дании, однако большинство изучаемых кейсов посвящены деятельности Комитета по делам Европы (см., например, Д. Артер [9], Х. Йенсен [10], М.Б. Кристенсен [11], Ф. Лаурсен [12], П. Риис [13], М.М. Суса [14], О. Фик [15], Р. Хольцакер [16]).

Политические исследователи других стран, рассматривающие особенности парламентского контроля в сфере внешней политики, выделяют деятельность Комитета по делам Европы Фолькетинга как один из хрестоматийных кейсов (см., например, Ф. Мендель [17], Д. Траверс [18]).

В целом можно отметить, что тема достаточно хорошо изучена в академической сфере, однако ни в одной из работ, с которыми мы ознакомились, не выделена сфера интересов Фолькетинга в международных отношениях. Не проводилось также компаративных исследований участия парламента в реализации внешней политики в отношении различных регионов с целью выявления особенностей такого участия в контексте одного или нескольких направлений.

Именно такое исследование, на наш взгляд, позволит более полно понять особенности взаимодействия парламента и правительства во внешней политике, а также дать более объективную и детализированную оценку особенностей датского законодательного органа в сфере международной политики. Использование модели концентрических кругов позволит выделить несколько сфер интересов Фолькетинга, что открывает новые возможности для диверсифицированного изучения международной деятельности датского парламента.

Участие Фолькетинга в формировании и реализации внешней политики Королевства Дания можно рассмотреть с двух позиций: деятельность парламента в понятных для него нормативно-правовых механизмах в рамках взаимодействия с институтами ЕС, а также деятельность *ad hoc*, где Фолькетинг действует в соответствии со стратегией внешней политики, вырабатываемой правительством. Участие Фолькетинга в российском направлении внешней политики Дании можно отнести к деятельности *ad hoc*.

Таким образом, целью данной статьи является выявление особенностей участия Фолькетинга во внешней политике Королевства Дания в отношении ЕС и России.

Теоретическая база исследования — концепция институционального изоморфизма, представленная в работах американских ученых П. Дж. Ди Маджио и

У.В. Пауэлла [19]. Институциональный нормативный изоморфизм описывает механизм взаимодействия Фолькетинга с общеевропейскими наднациональными институтами, так как понимание датскими парламентариями механизмов работы и принятия решений в ЕС, институционально и идиоматически похожих на те же механизмы в самом Королевстве, привело к профессионализации институтов парламентского контроля в европейском направлении датской политики. Подражательный изоморфизм используется институтами Фолькетингом в тех случаях, когда направление внешней политики не является приоритетным для международной деятельности парламента, ввиду чего законодательный орган может позволить себе действовать в рамках внешнеполитической стратегии, выработанной правительством Дании, подражая институциональным механизмам правительства.

Наконец, влияние датского парламента на формирование дипломатического курса в отношении РФ представляется наиболее интересным: российско-датские отношения — одни из неоднозначных в Северном регионе ввиду того, что политико-идеологические противоречия, возникшие в период Холодной войны и сохраняющиеся до сих пор, неизменно противостояли глубочайшим историческим и культурным связям.

Политико-правовые основы участия Фолькетинга во внешней политике Королевства Дания

В процессе развития парламентаризма в XX веке за Фолькетингом были закреплены довольно широкие полномочия в сфере внешней политики и политики обороны. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что прерогативы монарха в этой сфере почти полностью возлагались на правительство, чья легитимность опиралась теперь на поддержку депутатов и чье пребывание у власти напрямую зависело от Фолькетинга. Результатом стало то, что, по выражению М.А. Могуновой, «по сравнению с парламентами ряда других буржуазных стран парламентам Скандинавских стран удалось добиться установления значительно более эффективных форм контроля за деятельностью исполнительной власти в этих [внешняя политика и оборона] сферах» [2, с. 191]. Необходимо рассмотреть политико-правовые основы участия Фолькетинга во внешней политике Дании, сложившиеся на сегодняшний день.

Важным отличием Комитета по международным делам от прочих постоянных комитетов Фолькетинга и подобных ему комитетов парламентах других стран является закрепление его роли и функций на уровне Конституции; его функционирование определяется не Регламентом Фолькетинга, а специальным законом от 05.03.1954 года № 54 «О Комитете по международным делам». Параграф 2 данного закона устанавливает, что «Правительство обязано проводить консультации с Комитетом по актуальным вопросам внешней политики», а также постоянно информировать его членов о всех внешнеполитических решениях и действиях, в том числе держащихся в секрете, поэтому, кроме всего прочего, согласно параграфу 4, все члены комитета подписывают документы о неразглашении¹.

Как отмечает Ф. Мендель, приводя цитату из труда А. Росса «Исследование государственного законодательства» (*Statsretlige studier*), Комитет является «независимым органом, действующим в рамках Фолькетинга», то есть «обладает полуавтономным статусом» [17, р. 55].

Кроме того, в Фолькетинге созданы еще два постоянных комитета — Комитет по внешней политике и Комитет по делам Европы, второй из них также играет существенную роль в принятии внешнеполитических решений.

¹ Lov om Det udenrigspolitiske Nævn // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=72035> (дата обращения: 14.05.2019).

В процессе развития парламентской деятельности была осознана необходимость создания «парламентского аналога» Комитета по международным делам, который в отличие от первого участвовал бы в обсуждении законопроектов и ежедневной работе парламента. Так был создан Комитет по внешней политике. Кроме того, за Комитетом по внешней политике были закреплены контрольные функции за действиями правительства в сфере помощи развивающимся и малоразвитым странам². Таким образом, Комитет по внешней политике мало чем отличается от похожих постоянных комитетов парламентов других стран, не являясь участником процесса принятия решений в отличие от Комитета по международным делам. Тем не менее нельзя не учитывать данный Комитет при анализе участия парламента во внешней политике.

Комитет по делам Европы (изначально Комитет по делам Общего рынка), созданный в 1961 году, согласно части 2 параграфа 6 закона от 11.10.1972 года № 447 «О присоединении Дании к Европейскому сообществу» с поправками 1984, 1986, 1993, 1998, 2001 и 2008 годов выдает правительству «мандат на ведение переговоров», то есть является обязательной инстанцией получения разрешения на принятие тех или иных мер, требуемых от Дании для ведения согласованной политики в рамках ЕС³. Правительство имеет право вести какую бы то ни было политику в рамках Европейского союза только при условии одобрения этой политики Комитетом. Однако в Отчете Комитета по делам Общего рынка от 29.03.1973 года отмечалось, что «и влияние Фолькетинга, и свобода Правительства в переговорах должны равным образом уважаться и приниматься во внимание»: основой работы парламента и правительства в общеевропейской политике провозглашалось сотрудничество, а не противостояние [17, р. 59].

Нельзя не сказать несколько слов о Комитете по делам обороны. Данный постоянный комитет выполняет контролирующие функции по отношению к Министерству обороны и Министерству иностранных дел в сфере оборонной политики Королевства, а также принимает участие в обсуждении законопроектов и статей бюджета, связанных с его компетенцией⁴.

Формами участия Фолькетинга во внешней политике Королевства Дания являются:

- 1) выражение «согласия» на заключение правительством международных договоров и соглашений;
- 2) «парламентский вопрос» (*spørgsel*) — «час вопросов» (*spørgetime*), «вопросы, задаваемые по средам» (*onsdagsspørgsmål*), «вопросы по §20» (*§20-spørgsmål*), «вопросы министрам» (*ministerspørgsmål*);
- 3) парламентский запрос (*forespørgsel*);
- 4) интерпелляция;
- 5) вотум недоверия или импичмент министру иностранных дел;
- 6) парламентское расследование;
- 7) функционирование постоянных и специальных комитетов;
- 8) выборы делегатов в некоторые межправительственные организации;
- 9) парламентские делегации и межпарламентские обмены [1, с. 192 — 194].

² *Forretningsorden for Folketinget 2018* // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/da/dokumenter/bestil-publikationer/publikationer/forretningsorden/forretningsorden-for-folketinget> (дата обращения: 14.05.2019).

³ *Lov om Danmarks tiltrædelse af De europæiske Fællesskaber (Tiltrædelsesloven)* // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/forms/R0710.aspx?id=72060> (дата обращения: 14.05.2019).

⁴ *Forretningsorden for Folketinget 2018* // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/da/dokumenter/bestil-publikationer/publikationer/forretningsorden/forretningsorden-for-folketinget> (дата обращения: 14.05.2019).

Таким образом, парламент имеет довольно широкие политико-правовые основы участия в формировании внешней политики Королевства, хотя, безусловно, Правительство традиционно сохраняет за собой лидирующую позицию в процессе формулирования целей и задач внешних сношений Дании. Формы участия Фолькетинга во внешней политике Дании можно условно разделить на две группы: контроль за правительством в сфере внешней политики и участие во внешней политике страны. Последняя группа представляет особый интерес, так как является непосредственным выражением дипломатического курса парламента в отношении той или иной страны.

Модель концентрических кругов дипломатии Фолькетинга

Модель концентрических кругов, впервые использованная в социальных науках Э. Бёрджессом [20], стала применяться рядом ученых для анализа внешней политики и процесса принятия внешнеполитических решений, например Д. Барбером [21], О. Калниньшом [22], К. Ландсбергом [23] и др.

Сферы интересов Фолькетинга во внешней политике могут быть представлены так как показано на рисунке. Модель была выстроена с учетом следующих факторов: территориальная близость, во многом определяющая степень развития отношений, уровень экономического оборота и приоритетности связей; кроме того, учитывалась некая институциональная закреплённость обсуждения политики данных регионов в парламенте, а также интенсивность межпарламентских связей. Можно отметить, что чем дальше концентрический круг находится от центра, тем более сложные и неоднозначные в понимании Фолькетинга отношения могут быть выстроены (это будет выражаться прежде всего в том, что по поводу этих регионов в парламенте будет представлено гораздо большее разнообразие точек зрения, будут использоваться весьма обтекаемые формулировки). Кроме того, чем дальше концентрический круг, обозначающий ту или иную сферу интереса, тем больше Фолькетинг будет полагаться на правительство в вопросах выстраивания взаимодействия; чем ближе к центру — тем более независимую роль парламент будет пытаться играть, дополняя правительственный внешнеполитический курс или в значительной степени определяя его вектор.

Рис. Концентрические круги дипломатии Фолькетинга

Страны-соседи (Норвегия, Швеция, ФРГ) традиционно играют большую роль во внешнеполитической деятельности Фолькетинга Дании. Институционализация Северного сотрудничества началась именно с создания по инициативе Дании межпарламентского органа — Северного совета в 1952 году; Совет министров Северных стран был создан в 1971 году⁵. Что касается ФРГ, Фолькетинг главным образом поддерживает связи с землей Шлезвиг-Гольштейн: в 2016 году федеральная земля приняла участие в работе Северного совета в качестве приглашенного наблюдателя — от Ландтага в Совет были направлены двое наблюдателей и двое парламентских делегатов, представляющих датское меньшинство в законодательном органе земли⁶.

США и НАТО занимают важное место во внешней политике Фолькетинга, однако можно говорить, что сотрудничество имеет скорее межправительственный, чем межпарламентский характер. Фолькетинг зачастую играет роль контролирующего органа, следящего за тем, чтобы в стремлениях выстроить особые отношения с заатлантическим партнером Правительство не приносило в жертву датские интересы и суверенитет.

Помощь развивающимся странам является одним из ключевых направлений деятельности Министерства иностранных дел, так как видится той сферой, в которой Королевство может занять место одного из мировых лидеров. Фолькетинг вновь играет скорее контролирующую функцию, утверждая бюджет программ помощи. Кроме того, как уже отмечалось, одна из основных функций Комитета по внешней политике — курирование вопросов датской политики в сфере содействия развитию.

Выстраиваемые в последнее время особые отношения с КНР во многом связаны с желанием заручиться поддержкой в Арктическом регионе одного из самых сильных игроков на мировой арене. Противопоставляя Китай России и США, в обмен Дания содействует проникновению Китая в Арктику как через сотрудничество в Гренландии, так и через поддержку КНР в международных организациях, занимающихся арктическими вопросами. Фолькетинг старается не отставать от Правительства, проводя встречи с китайскими представителями, однако о собственном видении датско-китайских отношений у парламентариев говорить еще преждевременно.

Заслуживает особого внимания эффективность Фолькетинга при формировании внешней политики в отношении ЕС, ЕАСТ и РФ. Данные регионы выбраны неслучайно: выстраивание отношений с ними всегда играло большую роль во внешней политике Дании, представлялось непростой задачей не только для Фолькетинга, но и для Правительства. Однако, если в случае ЕС и ЕАСТ парламент достаточно успешно влияет на определение общего курса, то в случае РФ Фолькетинг проявляет большую осторожность и порой нерешительность.

Особенности участия Фолькетинга в выстраивании отношений с ЕС и ЕАСТ

Фолькетинг занимает одно из ключевых положений в системе отношений Королевства и органов Европейского союза, ЕАСТ и Совета Европы. Комитет по делам Европы за многие годы сумел выработать эффективные механизмы влияния на европейскую политику Правительства, выражая свою позицию по важным вопросам.

⁵ *The History of the Nordic Council // The Nordic Council*. URL: <https://www.norden.org/en/information/history-nordic-council> (дата обращения: 14.05.2019).

⁶ *Beobachterstatus für das Land Schleswig-Holstein im Nordischen Rat // Schleswig-Holsteinischer Landtag*. URL: www.landtag.ltsh.de/infotehek/wahl18/drucks/4800/drucksache-18—4839.pdf (дата обращения: 14.05.2019).

Столь высокая продуктивность и слаженность работы Комитета может быть объяснена следующими причинами: эффективность и гибкость мандатной системы, коалиционный характер правительств, централизованное принятие решений в парламенте по вопросам отношений с ЕС и ЕАСТ, высокая интегрированность датских политических элит в общеевропейские элиты, понимание датскими парламентариями механизмов работы и принятия решений в ЕС.

Мандатная система, описанная выше, с течением лет действительно оправдала свою высокую эффективность и способность подстраиваться под меняющиеся условия. Такая система позволяет Фолькетингу успешно выполнять функцию участника формирования внешней политики (*policy shaper*) и претендовать на роль одного из агентов принятия решений в общеевропейских институтах [11]. В начале 1990-х годов в Брюсселе была популярна шутка: «В Европейских Сообществах 13 членов — 12 государств-членов и датский Комитет по делам Европейских Сообществ» [15]. При всем гротескном характере этого высказывания и с учетом усложнения и расширения институтов ЕС датская модель формирования внешней политики в отношении ЕС и ЕАСТ до сих пор признается одной из образцовых [18].

Нельзя не согласиться с мнением К. Стрёма о влиянии коалиционного характера датских правительств на процесс принятия решений. Королевство Дания является страной с парламентской формой правления, где в процессе конкурентной борьбы на выборах победившая коалиция формирует Правительство. Поддержка Фолькетингом политического курса Правительства имеет огромное значение для членов кабинета [24]. Это означает, кроме всего прочего, что Правительство в целом и Министерство иностранных дел в частности никогда не придут в парламент с предложением, которое заведомо не имеет поддержки большинства. Поэтому своеобразная «самоцензура» происходит еще на стадии разработки внешнеполитического курса. Кроме того, коалиционный характер Правительства открывает возможность для всех партий высказать свое мнение относительно того или иного шага, тем самым оказав на него какое-то влияние.

Централизованное принятие решения, с одной стороны, сосредоточивает все парламентское влияние на процесс принятия решений в европейской политике в руках 29 членов Комитета по делам Европы. С другой стороны, широкое представительство всех партий в Комитете позволяет ему отражать весь спектр мнений, а небольшое количество участников процесса — ускорить и несколько упростить формирование общего мнения Фолькетинга по вопросам политики в отношении ЕС и ЕАСТ.

Не поддается сомнению высокая интегрированность датских элит в общеевропейские, так как Дания стала членом Сообществ в период первого расширения и за долгие годы смогла наработать тесные связи с общеевропейскими органами власти. Однако в данной связи нужно отметить один очень важный момент, касающийся контактов между датскими депутатами Европейского парламента и депутатами Фолькетинга. М. Кристенсен отмечает, что в отличие от многих государств-членов ЕС Дания характеризуется достаточно слабыми связями между депутатами общеевропейского и национального парламентов [11]. Если депутаты от партий, входящих в правительственную коалицию, могут получать какие-то инструкции и рекомендации из Копенгагена, то депутаты от оппозиционных партий в большинстве случаев предоставлены сами себе и никак не контролируются [11]. Это опять же во многом вызвано централизацией принятия решений в отношении ЕС и ЕАСТ в Комитете по делам Европы: в сложившейся системе депутаты в Копенгагене гораздо более эффективно могут заявить об интересах Дании в рамках ЕС, чем депутаты в Страсбурге.

Рассмотрим два показательных примера из недавнего прошлого.

Так, например, в декабре 2009 года правительство Италии обратилось в Совет ЕС за предоставлением помощи итальянским фермерам сверх норм, установленных правилами ЕС⁷. Правительство Дании готово было поддержать Италию, если не проголосовав «за», то воздержавшись, что при условии единогласного положительного мнения других членов позволило бы Италии получить помощь. Однако Комитет Фолькетинга был категорически против, аргументируя это нарушением правил рыночной конкуренции как одного из приоритетов ЕС. Комитет выдал мандат представителю Правительства только на выражение несогласия. Когда голосование состоялось, Дания наряду с Германией, Швецией и Нидерландами проголосовала против. Неслучайно в Европейской комиссии под руководством Ж.-К. Юнкера (2014—2019) комиссаром по конкуренции являлась именно представительница Дании — Маргрете Фестагер⁸.

При тесном сотрудничестве Правительства и Фолькетинга прошло датское председательство в Комитете министров Совета Европы в ноябре 2017 — мае 2018 года. Фолькетинг был ответственным органом за проведение сессий ПАСЕ в январе и апреле 2018 года, совместно с Министерством иностранных дел Дании провел Конференцию по вопросам частной и семейной жизни членов ЛГБТ-сообщества 2 марта 2018 года⁹.

Таким образом, даже приведенные здесь факты из недавнего прошлого могут свидетельствовать о высокой степени участия Фолькетинга во внешней политике Дании в рамках общеевропейских институтов и о наличии эффективных механизмов влияния на внешнеполитические решения в отношении ЕС и ЕАСТ.

Особенности участия Фолькетинга в выстраивании отношений с РФ

Окончание Холодной войны и исчезновение блокового противостояния как основы развития биполярной системы создали достаточно сложную мирополитическую картину, в которой Фолькетингу необходимо было найти свое место. Многие в Дании разделяли уверенность в преодолении всех противоречий и в возвращении к «сердечному согласию», определявшему российско-датские отношения в XV — начале XX века, символом чего стало подписание Декларации об основах отношений в год пятистолетия русско-датского договора «О дружественном и вечном союзе» (1493) в 1993 году¹⁰. Однако дальнейшие события показали, что отношения невозможно выстроить в рамках одной модели. По вопросам взаимодействия в Арктическом регионе Дания стремится к организации переговорного процесса с РФ на принципах равноправного партнерства, при том что в сфере безопасности и обороны РФ безусловно остается великой державой в сознании датских политиков. Фолькетинг какое-то время стремился стать проводником мира в отношениях двух стран, однако недостаточность опыта и ресурсов для многоходовых дипломатиче-

⁷ *Danmark nægter italienske landmænd støtte* // Berlingske Tidende. URL: <https://www.berlingske.dk/virksomheder/danmark-naegter-italienske-landmaend-stoette> (дата обращения: 14.05.2019).

⁸ *Kommissærerne* // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019_da (дата обращения: 14.05.2019).

⁹ *Calendar of activities during the Danish chairmanship* // Committee of Ministers of the Council of Europe. URL: <https://tm.coe.int/-priorities-the-danish-chairmanship-of-the-committee-of-ministers-of-t/pdf/1680767c64> (дата обращения: 14.05.2019).

¹⁰ *Декларация об основах отношений между Российской Федерацией и Королевством Дания «Еще 500 лет дружбы и мира»* (принята в г. Копенгагене 04.11.1993 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ских маневров вынуждают парламент полностью поддерживать позицию Правительства, а иногда даже настаивать на более жестких мерах в отношении РФ, что является более простым и понятным дипломатическим курсом.

Одним из наиболее актуальных процессов, иллюстрирующих работу описанных выше неформальных соглашений и статуса-кво в процессе принятия внешнеполитических решений относительно России является выдача разрешения на прокладку участка газопровода «Северный поток-2» в территориальных водах Дании вблизи острова Борнхольм.

Центральным событием в этом процессе стало принятие закона «О внесении поправок в Закон о континентальном шельфе» от 05.12.2017 г. № 1401, наделившего Правительство правом отклонять проекты строительства сетей и трубопроводов в территориальных водах Дании, если это противоречит внешней политике, а также политике безопасности и обороны¹¹. Позже закон был включен в Консолидированный акт о положениях Закона о континентальном шельфе и некоторых трубопроводах в территориальном море от 21.09.2018 г. № 1189, изданный Министерством энергетики, строительства и климата Дании¹². Фолькетинг, таким образом, создал правовую базу, позволяющую правительству отклонить проект «Северный поток-2». В то же время это не означает, что парламент таким образом выдал мандат лишь на принятие решения не в пользу газопровода (как было в случае решения о субсидиях итальянскому правительству). Интересным представляется анализ процесса принятия законопроекта в парламенте, отражающего весь спектр политических противоречий относительно данного проекта, что в том числе объясняет, почему Дания так долго не принимала ни положительного, ни отрицательного решения.

Законопроект был внесен на рассмотрение парламента 4 октября 2017 года.¹³ Двенадцатого октября 2017 года закон был рассмотрен в первом чтении. Все датские фракции, представленные в парламенте, поддержали законопроект¹⁴. Однако в процессе дебатов партии условно разделились на две группы. Первая группа партий («Венстре», Датская народная партия (ДНП), Консервативная народная партия (КНП)) настаивала на универсальной ценности закона, защищающего датские интересы и восполняющего лауну в законодательстве Королевства. «Северный поток-2» характеризовался представителями этих партий как один из случаев, подпадающих под действие законопроекта, признать этот проект основным поводом принятия поправок партии отказывались¹⁵. Вторая группа партий (Социал-демократическая партия Дании (СДПД), Либеральный альянс, Единый список — Красно-зеленая коалиция (Красно-зеленая коалиция), партия «Альтернатива», «Радикальная Венстре», Социалистическая народная партия (СНП)) настаивала на том, что принятие

¹¹ *Lov om ændring af lov om kontinentalsoklen* // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/forms/R0710.aspx?id=195148> (дата обращения: 14.05.2019).

¹² *Bekendtgørelse af lov om kontinentalsoklen og visse rørledningsanlæg på søterritoriet* // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=202937> (дата обращения: 14.05.2019).

¹³ *L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. Lovforslag som fremsat* // Folketinget. URL: https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/som_fremsat.htm (дата обращения: 14.05.2019).

¹⁴ *L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. 1. Behandling* // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/BEH1-6/forhandling.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

¹⁵ *L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. 1. Behandling* // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/BEH1-6/forhandling.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

законопроекта направлено в первую очередь на решение будущего проекта «Северный поток-2» в датских территориальных водах, по выражению Ника Хеккерупа, представителя СДПД и заместителя председателя Комитета по международным делам, «слона в комнате, которого нельзя не заметить»¹⁶. Более того, представители Красно-зеленой коалиции и партии «Альтернатива» напрямую выразили негативное отношение к проекту газопровода: если первые мотивировали это соображениями геополитики и противодействия российской экспансии, то вторые настаивали на негативном экологическом воздействии газопровода¹⁷. Представители «Радикальной Венстре» и СНП выразили крайний скепсис членов партии относительно «Северного потока-2», представитель Либерального альянса охарактеризовал Россию как источник угроз для ЕС, ввиду чего проект «Северный поток-2» нужно обсуждать на уровне общесоюзных органов (что в целом соответствует риторике Правительства Л.Л. Расмусена (2015—2019), в котором пост министра иностранных дел занимает председатель Либерального альянса Андерс Самюэльсен)¹⁸. Что касается позиции СДПД, можно отметить занимательный парадокс: Ник Хеккеруп добивался от каждого выступающего прямого ответа по поводу отношения их партии к проекту газопровода, однако не выразил позицию своей партии ни в своем выступлении, ни после вопроса Иды Аукен, представителя «Радикальной Венстре»¹⁹.

Можно отметить следующую тенденцию: партии, входящие в Правительство (за исключением Либерального альянса), и ДНП, поддерживающая Правительство, крайне осторожны в оценках проекта «Северный поток-2», предпочитая обходить этот вопрос стороной. Либеральный альянс как партия, входящая в Правительство, и СДПД, крупнейшая оппозиционная Правительству партия, более скептически в своем отношении к проекту газопровода, однако однозначно свою позицию не выражают. Остальные оппозиционные партии открыто заявляют о неприятии проекта. Хотя в абсолютных величинах законопроект поддерживают все фракции.

На стадии рассмотрения законопроекта в парламентском Комитете по вопросам энергетики, строительства и климата основной интерес представляют парламентские вопросы и ответы на них министра по вопросам энергетики, строительства и климата Ларса Лиллехольта («Венстре»). Из шести парламентских вопросов Комитета пять были заданы Сёреном Расмуссеном, членом Красно-зеленой коалиции, являющейся, пожалуй, самым яростным противником проекта «Северный поток-2». Четыре вопроса касаются степени закрытости и автономности Правительства в целом и Министерства иностранных дел в частности в принятии решения относительно одобрения или отклонения проекта трубопровода в территориальных водах, а также возможности парламента повлиять на это решение²⁰. Пятый вопрос С. Расмусена звучит следующим образом: «Верно ли, что Фолькетинг имел возможность отклонить проект “Северный поток” в 2009 году на основании политических причин?»²¹. Можно отметить, что сравнение нынешней ситуации с ситуацией вокруг «Северного потока» в 2009 году, в годы первого премьерского срока Л.Л. Расмусена, когда Дания дала разрешение на прокладку газопровода в своих территориаль-

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. 1. Behandling // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/BEH1-6/forhandling.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

¹⁹ Ibid.

²⁰ L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. Spørgsmål // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/spm.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

²¹ Ibid.

ных водах, довольно часто используется в современном датском политическом дискурсе. Ответы министра можно суммировать следующим образом: Правительство и Министерство иностранных дел в целом будут автономны в принятии решений, которые, однако, будут приниматься с учетом мнения Комитета по международным делам и вовлеченных в процесс специалистов²². Относительно «Северного потока» министр не дал четкого ответа, отметив, что разрешение было выдано на основании решения Датского энергетического агентства и после тщательных консультаций всех заинтересованных сторон. В решении Комитета от 23 ноября 2017 года отмечается, что законопроект направляется для второго чтения без каких-либо поправок, а также особо отмечена позиция членов Альтернативы, Красно-зеленой коалиции и Либерального альянса относительно того, что вопросы защиты окружающей среды должны рассматриваться в контексте безопасности страны: если трубопровод наносит вред экосистеме, то он наносит вред безопасности Королевства, и такой проект также должен быть отклонен²³. Можно увидеть, как указанные партии стремятся установить прецедент расширенного толкования положений закона для увеличения легальной базы отклонения «Северного потока-2».

В связи с отсутствием поправок и комментариев со стороны представителей партий текст законопроекта был принят во втором чтении 28 ноября 2017 года и направлен на рассмотрение в третьем чтении²⁴.

Тридцатого ноября 2017 года законопроект был принят в третьем чтении единогласно: 106 голосов «за», «против» — 0, воздержавшихся — 0²⁵. Кворумом в Фолькетинге считается голосование более половины членов (90 и более)²⁶. На заседании парламента отсутствовало 73 члена: депутаты, согласно неформальному межпартийному «соглашению об освобождении» (*clearingsaftaler*) имеют право не присутствовать при голосовании, однако суммарное количество отсутствующих депутатов от партий, входящих в Правительство или поддерживающих его, должно равняться количеству отсутствующих депутатов от оппозиционных партий²⁷. Примечательно, что большинство членов Правительства (16 из 22 министров), в том числе ключевые министры и глава Правительства, отсутствовали при голосовании²⁸.

Можно сделать вывод, что Фолькетинг наделил Правительство дополнительными полномочиями, дающими легальную возможность предпринять более решительные действия в вопросе одобрения/отклонения проекта «Северный поток-2».

---

²² L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. Spørgsmål // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/spm.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

²³ *Betænkning over Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen* // Folketinget. URL: https://www.ft.dk/ripdf/samling/20171/lovforslag/143/20171_143_betaenkning.pdf (дата обращения: 14.05.2019).

²⁴ L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. 2. behandling // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/BEH2—24/forhandling.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

²⁵ L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. 3. behandling // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/L43/BEH3—26/forhandling.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

²⁶ L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. Afstemning // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/143/26/17/afstemning.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

²⁷ L 43 Forslag til lov om ændring af lov om kontinentalsoklen. Afstemning // Folketinget. URL: <https://www.ft.dk/samling/20171/lovforslag/143/26/17/afstemning.htm> (дата обращения: 14.05.2019).

²⁸ Ibid.

Однако Правительство до сих пор находится в патовой ситуации: положительное или отрицательное решение может сказаться на отношениях как с РФ, так и с ФРГ, ЕС и США. Ситуацию осложняет то, что остальные страны, через территориальные воды или ИЭЗ которых будет проходить газопровод, дали свое разрешение на строительство²⁹. Правительство Л.Л. Расмусена продолжает вести политику, которую можно охарактеризовать, используя формулировку Т. Мэй: «No deal is better than a bad deal»³⁰. В целом это позволяет Дании избегать конфликтов со всеми заинтересованными сторонами, однако 10 августа 2018 года компания «Nord Stream 2 AG» подала новую заявку в Датское энергетическое агентство с описанием альтернативного маршрута прокладки участка газопровода в ИЭЗ Королевства Дании³¹. В таком случае Правительство Дании будет вынуждено руководствоваться только положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 года и выдавать разрешение/отклонять проект только на основании соответствия экологических параметров законодательству страны. Это, в свою очередь, означает, что Дания должна будет выдать разрешение, проиграв в собственной политической игре. Это немало обеспокоило упомянутого ранее депутата Сёрена Расмусена и Красно-зеленую коалицию. Министру Лиллехольту был направлен парламентский вопрос, суть которого сводится к следующему: есть ли у Дании какие-либо основания отклонить альтернативный маршрут трубопровода в ИЭЗ³². Министр ответил, что решение будет приниматься в соответствии с Конвенцией ООН и правилами Датского энергетического агентства, Фолькетинг и Правительство не смогут кардинально повлиять на это решение³³.

Двадцать шестого марта 2019 года Датское энергетическое агентство при рассмотрении заявки по северо-западному маршруту в ИЭЗ Дании вынесло решение о необходимости исследования возможности прокладки трубопровода в ИЭЗ к юго-востоку от острова³⁴. Семнадцатого апреля 2019 года «Nord Stream 2 AG» подала апелляцию в Апелляционный совет Дании о незаконности данного решения³⁵, однако 15 апреля 2019 года третья заявка с планами строительства трубопровода к юго-востоку от Борнхольма действительно была подана³⁶. На наш взгляд, датская

²⁹ *Permitting Overview* // Nord Stream 2 AG. URL: <https://www.nord-stream2.com/environment-permitting/permitting-and-consultation/> (дата обращения: 14.05.2019).

³⁰ *The government's negotiating objectives for exiting the EU: PM speech* // UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech> (дата обращения: 14.05.2019).

³¹ *Submission of Application and Environmental Impact Assessment for an Alternative Route in Denmark* // Nord Stream 2 AG. URL: <https://www.nord-stream2.com/media-info/news-events/submission-of-application-and-environmental-impact-assessment-for-an-alternative-route-in-denmark-104/> (дата обращения: 14.05.2019).

³² *Svar på spm. 314 om, hvorledes miljøaspektet kan anvendes ift. en eventuel dansk afvisning af den alternative linjeføring for Nord Stream 2, fra Energi-, forsynings- og klimaministeren* // Folketinget. URL: [https://www.eu.dk/samling/20171/kommissionsforslag/kom\(2017\)0320/bilag/12/index.htm](https://www.eu.dk/samling/20171/kommissionsforslag/kom(2017)0320/bilag/12/index.htm) (дата обращения: 14.05.2019).

³³ Ibid.

³⁴ Nord Stream 2 подала апелляцию на решение Датского энергетического агентства // *Nord Stream 2 AG*. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/dlia-pressy/novosti-i-meropriatiia/nord-stream-2-podala-apelliatsiiu-na-reshenie-datskogo-energeticheskogo-agentstva-124/> (дата обращения: 14.05.2019).

³⁵ Ibid.

³⁶ *Юго-восточный маршрут* // Nord Stream 2 AG. URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/permitting-denmark/yugo-vostochnyj-marshrut/> (дата обращения: 14.05.2019).

сторона не даст ни положительного, ни отрицательного ответа, пока не пройдут выборы (выборы в Фолькетинг назначены на 5 июня 2019 года)³⁷, так как любое решение может оказать неоднозначное влияние на результаты голосования³⁸.

Таким образом, можно отметить, что парламент использует более жесткую риторику по вопросу дипломатического курса в отношении России. Многоходовая внешнеполитическая игра с множеством комбинаций остается тактикой Правительства, не имеющего возможность совершать поспешные действия и вынужденного сохранять бездействие как основную стратегию, надеясь на поддержку ЕС, США или на изменение политической обстановки, в которой то или иное решение будет принято проще и выгоднее.

Заключение

Фолькетинг имеет довольно широкие политико-правовые основы участия в формировании внешней политики Королевства, хотя, безусловно, Правительство традиционно сохраняет за собой лидирующую позицию в процессе формулирования целей и задач внешних сношений Дании.

Права Фолькетинга на участие в принятии внешнеполитических решений и надзор за их выработкой и реализацией регламентируются на уровне Конституции страны. В Дании сформировались одни из наиболее эффективных механизмов участия законодателей в процессе принятия решений в сфере иностранных дел по сравнению с законодательными органами других государств мира.

Формы участия Фолькетинга во внешней политике Дании можно условно разделить на две группы: контроль за правительством в сфере внешней политике и участие во внешней политике страны. Парламентские делегации и межпарламентские обмены наряду с выборами делегатов в международные организации являются именно прямым участием парламента во внешней политике государства. Парламентская делегация так же, как и глава государства, и глава или член Правительства, представляет свою страну за рубежом, является выразителем позиции страны по тому или иному вопросу, участвует в выработке имиджа страны в странах мира, к тому же представляет собой один из способов межгосударственного сотрудничества и налаживания отношений, если к таковому не готовы органы исполнительной власти. Кроме того, нельзя не отметить роль таких постоянных комитетов Фолькетинга, как Комитет по международным делам и Комитет по делам Европы. В отличие от многих подобных им комитетов в парламентах других стран комитетам датского парламента удалось стать непосредственными участниками процесса формирования внешнеполитических решений, что делает Фолькетинг важным участником внешней политики Королевства.

Представление сфер внешнеполитического действия Фолькетинга с использованием модели концентрических кругов дает возможность увидеть степень значимости того или иного региона для Фолькетинга, а также проанализировать особенности влияния парламента на правительственный курс в изучаемом регионе. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высокой институционализа-

³⁷ *Folketingsvalg* // Statsministeriet. URL: http://www.stm.dk/_p_14811.html (дата обращения: 14.05.2019).

³⁸ Гипотеза была выдвинута авторами на момент подачи рукописи в редакцию. Дальнейшее развитие событий подтвердило данное предположение: 30 октября 2019 года Датское энергетическое агентство выдало разрешение на строительство газопровода, то есть почти через 5 месяцев после выборов и в контексте обострения датско-американских отношений по вопросу Гренландии.

ции и слаженности участия Фолькетинга в выстраивании отношений с общеевропейскими органами, что объясняется интегрированностью датских политических элит в общеевропейские элиты, понятностью и прогнозируемостью европейских процессов для датских парламентариев. Участие парламента в датско-российских отношениях отличается меньшей систематичностью и структурированностью, так как для более сложных и неоднозначных отношений с РФ у Фолькетинга порой не хватало дипломатического опыта и ресурсов для эффективного влияния на отношения между странами.

Список литературы

1. *Исаев М.А.* Основы конституционного права Дании. М., 2002.
2. *Могунова М.А.* Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001.
3. *Bramsen C.B.* Folketingets kontrol med regeringens udenrigspolitik // *Juristen og Økonomen*. 1981. № 2. P. 83—84.
4. *Jensen J.A.* Folketinget og udenrigspolitikken // *Nielsen G.T. (ed.)* Parlamentarismen — hvem tog magten? Aarhus, 2001. P. 117—146.
5. *Ross A.* Statsretlige Studier. København, 1977.
6. *Sjøqvist V.* Udenrigspolitik og parlamentarisme i Danmark // *Nær og fjern: samspillet mellem indre og ydre politik: studier tilegnet Sven Henningsen*. København, 1980. P. 57—74.
7. *Sørensen M.* Statsforfatningsret, 2. udgave, ved Peter Germer. København, 1973.
8. *Zahle H.* Dansk forfatningsret, 2. udgave. København, 1995.
9. *Arter D.* The Folketing and Denmark's European Policy: The Case of an Authorising Assembly? // *Norton P. (ed.)* National Parliaments and the European Union. L., 1996. P. 110—123.
10. *Jensen H.* Europaudvalget — et udvalg i Folketinget. Aarhus, 2003.
11. *Christensen M.B.* The Danish Folketing and EU Affairs: Is the Danish Model of Parliamentary Scrutiny Still Best Practice? // *Heffttler C., Neuhold C., Rozenberg O., Smith J. (eds.)* The Palgrave Handbook of National Parliaments and the European Union. Basingstoke, 2015. P. 275—289.
12. *Laursen F.* Denmark: in Pursuit of Influence and Legitimacy // *Wessels W., Maurer A., Mittag J. (eds.)* Fifteen into One? The European Union and its Member States. Manchester, 2003. P. 92—114.
13. *Riis P.* Europaudvalget — parlamentarisk kontrol og demokratiske dilemmaer // *Pedersen T. (ed.)* Europa for folket? EU og det danske demokrati. Aarhus, 2002. P. 133—144.
14. *Sousa M.M.* Learning in Denmark? The Case of Danish Parliamentary Control over European Union Policy // *Scandinavian Political Studies*. 2008. Vol. 31, № 4. P. 428—447.
15. *Fich O.* Markedsudvalget — dets styrke og svagheder // *Det udenrigspolitiske magasin*. 1993/1994. P. 59—69.
16. *Holzacker R.* Nationale parlamenter i den europeiske union. En model til komparativ vurdering af demokratiske kontrolbeføjelser // *Pedersen T. (ed.)* Europa for folket? EU og det danske demokrati. Aarhus, 2002. P. 83—107.
17. *Mendel F.* The Role of Parliament in Foreign Affairs in Denmark // *Cassese A. (ed.)*. Alphen aan den Rijn, 1980. P. 53—64.
18. *Travers D.* European Affairs Committees: The Influence of National Parliaments on European Policies. Brussels, 2002.
19. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48, № 2. P. 147—160.
20. *Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D.* The City. Chicago, 1925.
21. *Barber J.* South Africa's foreign policy 1945—1970. L., 1973.
22. *Kalniņš O., Cerūzis R.* Latvia Today: Keystone of the Baltic. Riga, 2005.
23. *Landsberg C.* The Concentric Circles of South Africa's Foreign Policy under Jacob Zuma // *India Quarterly*. 2014. Vol. 70, № 2. P. 153—172.
24. *Strøm K.* Minority Government and Majority Rule. Cambridge, 1990.

Об авторах

Оксана Владимировна Григорьева, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9896-892X>

Никита Олегович Плюснин, магистр международных отношений, кафедра европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.plyusnin@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0516-5985>

THE DANISH PARLIAMENT AS AN ACTOR OF DENMARK'S FOREIGN POLICY TOWARDS THE EU AND RUSSIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

O. V. Grigoreva

N. O. Plyusnin

Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

Received 20 March 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-5

© Grigoreva O.V., Plyusnin N.O., 2020

The growing number of participants in foreign policy decision-making calls for a study of the forces affecting the behaviour of states in the international arena. In contemporary states, parliaments are increasingly challenging the exclusive prerogatives of executive power in foreign and defence policy. Many experts stress that the powers of the Danish Parliament in these fields are among the most considerable in the world. The question is, however, whether these powers are exercised in the same manner towards different states and regions. This article aims to find out how the Danish Parliament contributes to the country's foreign policy towards the EU and Russia. The concentric circles model is employed to assess the level of the Danish Parliament's participation in the foreign policy of the Kingdom of Denmark in different regions of the world. The study conducts a comparative analysis of the evidence of the Parliament's influence on Denmark's relations with the EU, the EFTA, and Russia. The findings lead one to conclude that the Danish Parliament's participation in the country's foreign policy towards EU bodies is highly institutionalised and coherent, which can be explained by close integration of Danish political elites into European ones as well as by European processes being clear and predictable for Danish parliamentarians. The participation of the Parliament in Danish–Russian relations is less systematic and structured since the Danish Parliament sometimes lacks diplomatic experience and resources to influence more complex and ambiguous relations with the Russian Federation.

Keywords:

concentric circles model, the Kingdom of Denmark, the Danish Parliament, EU, Danish-Russian relations

---

To cite this article: Grigoreva, O. V., Plyusnin, N. O. 2020, The Danish Parliament as an actor of Denmark's foreign policy towards the EU and Russia: a comparative analysis, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 68–84.
doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-5.

References

1. Isaev, M.A. 2002, *Osnovy konstitutsionnogo prava Danii* [Basics of the Constitutional Law of Denmark], Moscow, Muravei. 344 p. (In Russ.).
2. Mogunova, M.A. 2001, *Skandinavskii parlamentarizm. Teoriya i praktika* [Scandinavian Parliamentarism in Theory and Practice], Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 191 p. (In Russ.).
3. Bramsen, C.B. 1981, Folketingets kontrol med regeringens udenrigspolitik, *Juristen og Økonomen*, no 2, p. 85–84.
4. Jensen, J.A. 2001, Folketinget og udenrigspolitikken. In: Nielsen, G.T. (ed.) *Parlamentarismen — hvem tog magten?* Aarhus, Aarhus Universitetsforlag, p. 117–146.
5. Ross, A. 1977, *Statsretlige Studier*, København, Nyt Nordisk Forlag, 203 p.
6. Sjøqvist, V. 1980, Udenrigspolitik og parlamentarisme i Danmark. In: *Nær og fjern: samspillet mellem indre og ydre politik: studier tilegnet Sven Henningsen*, København, Politiske Studier, p. 57–74.
7. Sørensen, M. 1973, *Statsforfatningsret*, 2. udgave, ved Peter Germer, København, Jurist- og Økonomforbundet, 454 p.
8. Zahle, H. 1995, *Dansk forfatningsret*, 2. udgave, København, Christian Ejlertsen's Forlag, 428 p.
9. Arter, D. 1996, The Folketing and Denmark's European Policy: The Case of an Authorising Assembly? In: Norton, P. (ed.) *National Parliaments and the European Union*, London, Frank Cass, p. 110–123.
10. Jensen, H. 2003, *Europaudvalget — et udvalg i Folketinget*, Aarhus, Aarhus Universitetsforlag.
11. Christensen, M.B. 2015, The Danish Folketing and EU Affairs: Is the Danish Model of Parliamentary Scrutiny Still Best Practice? In: Hefftlar, C., Neuhold, C., Rozenberg, O., Smith, J. (eds) *The Palgrave Handbook of National Parliaments and the European Union*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 275–289.
12. Laursen, F. 2003, Denmark: in Pursuit of Influence and Legitimacy. In: Wessels, W., Maurer, A., Mittag, J. (eds) *Fifteen into One? The European Union and its Member States*, Manchester, Manchester University Press, p. 92–114.
13. Riis, P. 2002, Europaudvalget — parlamentarisk kontrol og demokratiske dilemmaer. In: Pedersen, T. (ed.) *Europa for folket? EU og det danske demokrati*, Aarhus, Aarhus Universitetsforlag, p. 133–144.
14. Sousa, M.M. 2008, Learning in Denmark? The Case of Danish Parliamentary Control over European Union Policy, *Scandinavian Political Studies*, vol. 31, no. 4, p. 428–447.
15. Fich, O. 1993/1994, Markedsudvalget — dets styrke og svagheder, *Det udenrigspolitiske magasin*, p. 59–69.
16. Holzacker, R. 2002, Nationale parlamenter i den europeiske union. En model til komparativ vurdering af demokratiske kontrolbeføjelser. In: Pedersen, T. (ed.) *Europa for folket? EU og det danske demokrati*, Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, pp. 83–107.
17. Mendel, F. 1980, The Role of Parliament in Foreign Affairs in Denmark. In: Cassese, A. (ed.) *Parliamentary Control over Foreign Policy: Legal Essays*, Alphen aan den Rijn, Sijthoff & Noordhoff International Publishers BV, p. 53–64.
18. Travers, D. 2002, *European Affairs Committees: The Influence of National Parliaments on European Policies*, Brussels, European Centre for Parliamentary Research and Documentation (ECPRD), European Parliament.
19. DiMaggio, P.J., Powell, W.W. 1983, The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields, *American Sociological Review*, vol. 48, no. 2, p. 147–160.
20. Park, R.E., Burgess, E.W., McKenzie, R.D. 1925, *The City*, Chicago, Illinois, University of Chicago Press, 239 p.
21. Barber, J. 1973, *South Africa's foreign policy 1945–1970*, London, Oxford University Press, 325 p.
22. Kalniņš, O., Cerūzis, R. 2005, *Latvia Today: Keystone of the Baltic*, Riga, Latvijas institūts, 32 p.

23. Landsberg, C. 2014, The Concentric Circles of South Africa's Foreign Policy under Jacob Zum, *India Quarterly*, vol. 70, no. 2, p. 153–172.

24. Strøm, K. 1990, *Minority Government and Majority Rule*, Cambridge, Cambridge University Press, 304 p.

The authors

Dr Oksana V. Grigoreva, Associate Professor, European Studies Department,
Saint Petersburg State University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9896-892X>

E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com

Nikita O. Plyusnin, European Studies Department, Saint Petersburg State University,
Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0516-5985>

E-mail: n.plyusnin@spbu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И РИГИ

Д. В. Житин ^а

З. Кришьяне ^б

Г. Секи ^б

М. Берзиньш ^б

---

^а Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

^б Латвийский университет,
LV 1586, Латвия, Рига, бул. Райниса, 19

Поступила в редакцию 18.09.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-6

© Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г.,
Берзиньш М., 2020

Изучение пространственных различий социального состава населения городов Восточной Европы — важное направление современных исследований периода перехода от плановой экономики к рыночным отношениям. Предмет дискуссии при этом варьируется от определения теоретических основ исследования до сбора исходных данных и методов их обработки. Что касается первого аспекта, большинство исследований сегодня фокусируется на смешанной природе пространства постсоциалистических городов, вытекающей из характера их модернизации в условиях глобализации и экономической либерализации, что существенно изменяет заданную ранее модель их пространственного развития. В этой связи можно утверждать, что использование полимасштабного сравнительного подхода позволит по-новому взглянуть на различные модели пространственной дифференциации социального состава населения городов и его динамики в постсоветский период. Данное направление исследования становится все более актуальным благодаря росту территориальных диспропорций социально-экономического неравенства, наблюдаемого в бывших социалистических странах, а также в их отдельных регионах и городах.

В данной работе рассматривается социально-пространственная трансформация двух крупнейших постсоветских городов Балтийского региона — Санкт-Петербурга и Риги — после 1991 года. Важным результатом исследования является разработка методики многоуровневого анализа изменений городской среды постсоциалистических городов. Информация, полученная из данных переписей и регистров населения, позволяет рассчитать ряд показателей, характеризующих уровень социального благополучия в отдельных городских районах, и выявить имеющиеся территориальные различия.

Для цитирования: Житин Д. В., Кришьяне З., Секи Г., Берзиньш М. Пространственные различия социальной дифференциации в постсоветский период: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Риги // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 85–114. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-6.

Проведенный сравнительный анализ позволяет понять основные пространственные закономерности такой дифференциации, возникшей в постсоветский период, и определить основные принципы проведения дальнейших исследований в этом направлении.

Ключевые слова:

население, город, «спальные районы», субурбанизация, социальное благополучие, территориальные диспропорции, пространственная трансформация

Введение

Широко известно, что одной из основных тенденций в большинстве постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы является усиление поляризации социально-экономического неравенства, которое можно наблюдать на всех уровнях: от межрегионального до внутригородского [1; 2]. Пространственные различия лишь подчеркивают величину этого неравенства. С одной стороны, это выражается в растущем разрыве социально-экономических и демографических показателей между столичными регионами и провинцией, который достигает наиболее высокого уровня в периферийных областях, сильнее всех пострадавших от экономических преобразований 1990-х годов [3]. С другой стороны, социально-пространственная динамика в крупных городах приводит к росту различных форм территориальной сегментации на уровне отдельных районов.

Изучение пространственной динамики социальных преобразований — важное направление городских исследований. Эти исследования внесли существенный вклад в понимание причин разнообразия форм усилившейся пространственной сегментации территории городов, таких как сегрегация, джентрификация, суб- и деурбанизация. Большинство подобных исследований обычно имеет эмпирический характер и акцентирует внимание на специфических особенностях различных сторон развития пространства постсоциалистических городов. При этом часто упускается из виду полимасштабность происходящих изменений, имеющая решающее значение для формирования теоретико-концептуальных основ изучения трансформации городской среды [4; 5]. В последнее время появились работы, рассматривающие постсоветские города как гибридные пространства, трансформация которых определяется логикой неолиберализма и рыночных отношений, а не просто изменениями в русле унаследованной ранее парадигмы территориального развития [5].

Историографические работы последних трех десятилетий, несмотря имеющие различия, в основном сходятся во взглядах на советскую модель как на альтернативный проект современности, отличный от западно-капиталистического (см., например, [6]). Этот проект подразумевал особое архитектурное и городское планирование инфраструктуры [7]. Хотя между советским городским планированием и глобальными модернистскими тенденциями Запада было много общего, социалистическое городское пространство резко отличалось от капиталистического с точки зрения функций, структуры собственности и особенностей повседневной жизни [8]. Представляет интерес также изучение нелинейных результатов взаимодействия постсоциалистической рыночной экономики и унаследованного от советской эпохи характера организации городских территорий [9]. По мнению ряда экономгеографов и специалистов в области региональной экономики, это подразумевает необходимость многоуровневого анализа, в рамках которого городское пространство является гораздо большим, чем просто территория [10—12]. Так, О. Голубчиков [9] отмечает ограниченность изучения процессов социального расслоения на городском уровне набором статистических показателей, полученных по результатам переписей населения. При этом многие из этих показателей не в полной мере отражают действительную ситуацию в экономической и социальной сферах.

Данное исследование представляет собой попытку на основе имеющихся статистических данных рассмотреть особенности пространственных различий процесса социального расслоения в двух крупнейших бывших советских городах Балтийского региона.

Источники данных и методология исследования

Для понимания закономерностей социально-территориальной дифференциации на внутригородском уровне в Санкт-Петербурге и Риге используется сравнение связанных между собой показателей, рассчитанных на основе официальных статистических данных. Изучение пространственной дифференциации жилищных условий в обоих городах, ставшей наиболее наглядным проявлением растущего социального неравенства, направлено на то, чтобы под новым углом зрения взглянуть на постсоциалистический переходный период. Наше внимание ограничено административными границами Санкт-Петербурга и Риги с учетом их внутреннего территориального деления (статистические округа / муниципальные образования).

Территория Риги разделена на 58 статистических единиц (микрорайонов) и формировалась в три этапа, в процессе которых были созданы отдельные городские зоны, включающие в свой состав несколько микрорайонов. Исторические части «внутреннего» и «внешнего» города были сформированы еще до Второй мировой войны, и в настоящее время здесь проживают около 25 % жителей столицы. Исторически развитие этих городских зон происходило на рыночных принципах. Обе зоны остались вне основного интереса градостроителей советского периода, что привело к их физическому запустению и социальной деградации. Наиболее интенсивное строительство массового жилья в Риге началось после Второй мировой войны и продолжалось до окончания советского периода в 1991 году. Квартиры в построенных крупных жилых массивах распределялись централизованно среди квалифицированных рабочих (средний класс советского периода) и номенклатурных работников (высший класс в советской социальной структуре). Сегодня почти 75 % жителей Риги по-прежнему живут в жилищном фонде, построенном в советское время. В постсоветский период новое жилье возводилось и в центральной части города, но в большей степени — на городских окраинах. Районы панельных многоквартирных домов советского периода новые строительные проекты затронули в наименьшей степени. Новое жилье, построенное после 2000 года, является, как правило, самым дорогим и потому доступным лишь для наиболее состоятельных групп населения Риги.

Санкт-Петербург имеет похожую территориальную структуру. Город состоит из 18 крупных районов, которые делятся на 111 муниципалитетов¹. Как и в Риге, центральная часть Санкт-Петербурга представлена районами, застроенными преимущественно до начала XX века (20 муниципальных округов). Сегодня здесь проживают около 11 % населения Санкт-Петербурга. Этот моноцентрический город, своего рода «орех в скорлупе», существовал почти без изменений до середины XX века, постепенно «прорастая» осями жилых кварталов по нескольким направлениям, преимущественно на юг и на север [13]. Большая часть Санкт-Петербурга сегодня — это жилые районы советского периода, построенные в 1950—1980-е годы, в которых проживают почти $\frac{3}{4}$ всех горожан. Этот новый город, сформировавшийся к

¹ Большая часть муниципальных образований Санкт-Петербурга (81) именуется «округами», 21, расположенное на окраинах, — «поселками», и 9 сохранили историческое название «городов» (Красное Село, Кронштадт, Колпино, Пушкин, Павловск, Петродворец, Ломоносов, Сестрорецк, Зеленогорск).

концу 1980-х годов, не только многократно превышает по площади и по численности населения исторический центр Санкт-Петербурга, но и представляет собой ряд селитебных зон, в значительной степени изолированных как друг от друга, так и от исторического центра [14]. Лишь небольшое количество транспортных коридоров, проходящих между территориями заводов и фабрик, связывает центр Санкт-Петербурга и его «спальные районы». Окраины города — бывшие и современные дачные поселки (Репино, Комарово, Лисий Нос, Парголово, Стрельна и др.), а также поселки, возникшие вокруг дворцовых ансамблей XVIII века (Павловск, Пушкин, Ломоносов, Петродворец и др.) и заводов XIX — начала XX века (Сестрорецк, Колпино, Понтонный, Металлострой). Эти территории были административно переданы в состав Ленинграда (Санкт-Петербурга) еще в советское время. Сегодня эти небольшие в прошлом поселки становятся районами массовой жилищной застройки [15]. В этой, третьей, зоне проживают 16 % населения Санкт-Петербурга.

Наш подход к исследованию основан на сравнении двух групп индикаторов, отражающих социальную неоднородность городского пространства. Первая фиксирует среднюю концентрацию жителей, имеющих более высокий социально-экономический статус. Вторая группа индикаторов связана с оценкой стоимости жилой недвижимости как показателя привлекательности данной территории для проживания. В случае Риги источником данных для всех рассматриваемых показателей является последняя перепись населения 2011 года. Для Санкт-Петербурга используются различные источники информации: данные о социальных параметрах населения (в частности, об уровне образования) взяты из результатов переписи 2010 года, тогда как сведения о стоимости жилья основаны на оценках за 2016—2019 годы.

Исследование проводится в два этапа. На первом этапе в обоих городах рассматриваются территориальные различия показателей, характеризующих социально-экономический статус населения. Большая часть используемых статистических данных взята из национальных переписей и регистров населения 2010/2011 года. Стоимостные показатели, характеризующие привлекательность жилья в Санкт-Петербурге, установлены на основе оценок 2016—2019 годов. На втором этапе будет определена типология муниципалитетов в Санкт-Петербурге и микрорайонов в Риге по уровню их социального благополучия (табл. 1).

Таблица 1

Социально-экономические показатели, используемые в работе

Показатель	Санкт-Петербург	Рига
Доля лиц с высшим образованием (среди населения 20 лет и старше), 2010/2011 год, %	34,0	33,9
Доля лиц с ученой степенью (среди населения 25 лет старше), 2010/2011 год, %	1,8	0,8
Доля менеджеров и квалифицированных специалистов (среди экономически активного населения в возрасте 15 лет и старше), 2011 год, %	—	29,7
Доля предпринимателей (среди экономически активного населения), 2010/2011 год, %	4,4 ²	4,0
Стоимость одного м ² жилья, 2019 год, тыс. руб.	102,2	—
Налог на имущество на одного жителя, 2016 год, руб. в год	434	—
Доля населения, проживающего в новом жилье (построенном после 2000 года), 2011 год, %	—	4,9

² Предприниматели, имеющие наемных работников, составили 2,2 % экономически активного населения.

Поскольку данные переписей населения России и Латвии не содержат информацию о доходах домохозяйств или отдельных лиц, средняя концентрация более состоятельных жителей была рассчитана на основе сведений об их занятости и образовательном статусе, вопросы о которых в той или иной форме имеются в переписных листах. Что касается данных о занятости, то в случае Латвии мы опирались на Международную стандартную классификацию профессий (ISCO) в качестве основного показателя социально-экономического статуса. При этом руководители и специалисты представляли категории населения с наиболее высоким социальным статусом. Существует общее мнение, что ISCO точно отражает основные черты социального разделения в быстро трансформирующихся постсоциалистических странах [16]. Так как в российских переписях профессия и сферы занятости населения не учитываются, то для оценки социального статуса жителей Санкт-Петербурга использовался такой показатель, как доля в общей численности населения предпринимателей, имеющих наемных работников. (В Риге рассматривались все лица, зарегистрированные как предприниматели.) Уровень образования, который довольно часто рассматривается как показатель социально-экономического статуса (см., напр., [17]), также был использован для пространственного анализа социального расслоения. В частности, были рассмотрены доли лиц с высшим образованием и с ученой степенью³.

Что же касается показателей рыночной оценки стоимости жилья, то уже на этапе сбора информации стало ясно, что существуют большие различия в доступности этих данных для двух городов. Для Риги, как и для других городов Латвии, отсутствуют систематические сведения о стоимости земли и жилья в отдельных муниципалитетах. В то же время данные переписи населения Латвии содержат подробную и точную информацию о времени постройки каждого жилого дома. В Российской Федерации ситуация с данными о недвижимости противоположна латвийской. По этой причине для оценки комфортности городской среды Санкт-Петербурга и Риги использовались различные показатели. Для Санкт-Петербурга — это стоимость жилья за квадратный метр и средний налог на недвижимость, выплачиваемый каждым жителем. Для Риги главным индикатором престижности жилого микрорайона стал удельный вес населения, проживающего в домах, построенных в постсоветский период. Для столицы Латвии данный показатель является релевантным по двум причинам: во-первых, доля постсоветского жилья в микрорайоне показывает его привлекательность для застройщиков⁴, а во-вторых, он выступает в качестве косвенного индикатора процесса джентрификации на микроуровне. В частности, для Риги рассматривается жилье, построенное после 2000 года, когда все ранее начатые в конце советского периода проекты уже были завершены⁵.

Наряду с показателями, отражающими социально-экономическую сегментацию территории городов, использовались и данные об изменении численности населения муниципалитетов в межпереписной период. Авторы сознательно не рассматривали вопрос этнической дифференциации городского пространства, так как в отличие от полиэтничной Риги население Санкт-Петербурга имеет преимущественно моноэтнический характер. Только в последние десятилетия в Санкт-Петербурге появились первые признаки этнической сегрегации в связи с массовой миграцией в город граждан из государств СНГ [18].

³ В России это кандидаты и доктора наук.

⁴ Инвесторов в строительство коммерческой недвижимости.

⁵ Недостаток данного показателя заключается в том, что здесь не рассматриваются частные инвестиции в ремонт жилья, большая часть которых приходится на исторические здания в центральной части города.

Для иллюстрации пространственных различий используются картосхемы городов с муниципальным делением, где для каждой территориальной единицы показано процентное отклонение рассматриваемого показателя от среднего значения по городу.

Результаты

Санкт-Петербург

В конце советского периода население Санкт-Петербурга (тогда — Ленинграда) превысило 5 млн человек. Это произошло в конце 1989 года. Но уже в 1991 году в Санкт-Петербурге, как и в большинстве других крупных городов России, в результате естественной и миграционной убыли началось быстрое сокращение численности жителей [19]. Существуют различные оценки темпов депопуляции населения города в последнее десятилетие XX — первые годы XXI века. По данным статистического учета, к началу 2002 года население Санкт-Петербурга должно было составить менее 4 600 тыс. жителей. Но прошедшая в октябре того же года перепись населения уточнила количество горожан, которых оказалось почти на 100 тыс. больше, чем предполагалось ранее. Недоучет объемов миграционных перемещений был и остается серьезной проблемой достоверности данных о численности фактического населения в большинстве российских регионов.

С 2003 года население города начинает постепенно расти, сначала за счет притока мигрантов, а с 2012 года — и в результате естественного прироста (рис. 1). Правда, превышение смертности над рождаемостью в Санкт-Петербурге в последние годы составляет лишь 15—20 % общего прироста населения (рис. 2).

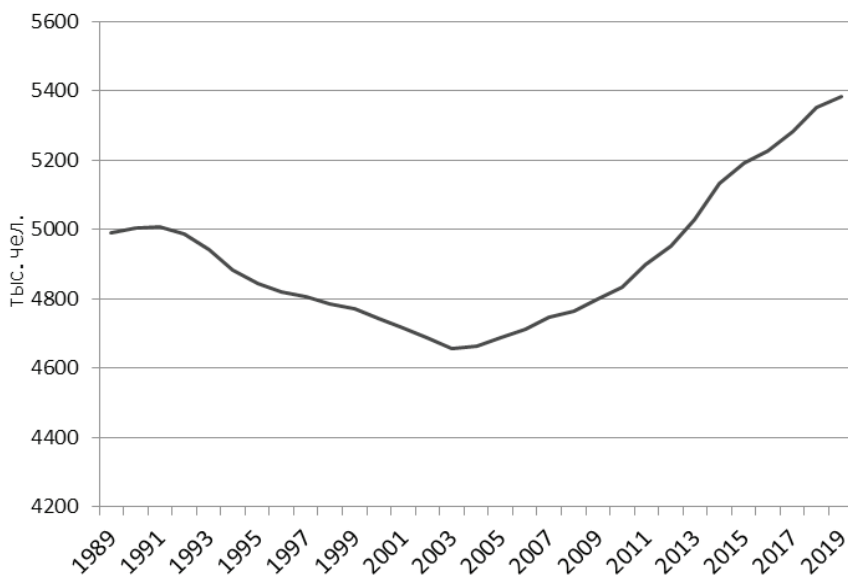

Рис. 1. Динамика численности населения Санкт-Петербурга в 1989—2019 годах, тыс. человек

В целом, с начала 2000 года количество жителей Санкт-Петербурга выросло на 15,6 %⁶, но темпы роста численности населения существенно варьировались в разных районах города.

⁶ Санкт-Петербург. 2018. Статистический сборник. Петростат. СПб., 2019. 100 с.

За последние три десятилетия в Санкт-Петербурге произошли существенные изменения в размещении населения. Наиболее быстро город начинает расти со второй половины 1960-х годов, когда начинается массовое строительство новых жилых кварталов за поясом промышленных предприятий⁷, окружавших старый Петербург начала XX века. Это приводит к фрагментации города, разделению его на центр и периферийные спальные районы. Каждый из этих районов связан с центром города одним-двумя транспортными коридорами. При этом связи между соседними спальными районами часто еще менее устойчивы, чем с центром.

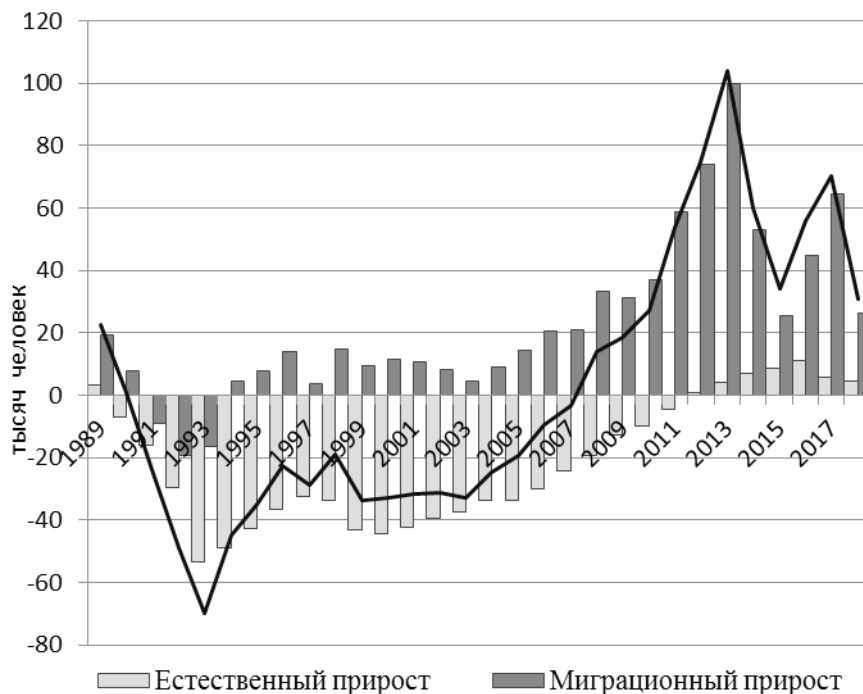

Рис. 2. Естественный и миграционный прирост населения Санкт-Петербурга в 1989–2019 годах, тыс. человек

За 16 лет, с 2003 по 2018 год, из 111 муниципалитетов Санкт-Петербурга в 34 численность населения увеличилась на 10–30 %, в 11 — на 30–50 %, в 10 — в 1,5–2 раза, в 3 (поселки Парголово (Выборгский район), Шушары, Александровская (Пушкинский район)) — более чем в 2 раза⁸.

За этот же период в 10 муниципальных образованиях (МО) города численность населения сократилась на 10–30 %, а в одном — МО «Дворцовый округ» (Центральный район) — на 34 %. В 42 муниципалитетах количество жителей с момента предпоследней переписи (октябрь 2002 года) изменилось (выросло/сократилось) в диапазоне 10 % (рис. 3).

⁷ Так называемой серой зоны города.

⁸ В поселках Парголово и Шушары, ставших в последние годы районами массовой жилой застройки, численность населения в 2003–2018 годах выросла более чем в 5 раз (Официальный сайт Росстата. База данных показателей муниципальных образований. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 10.09.2019)).

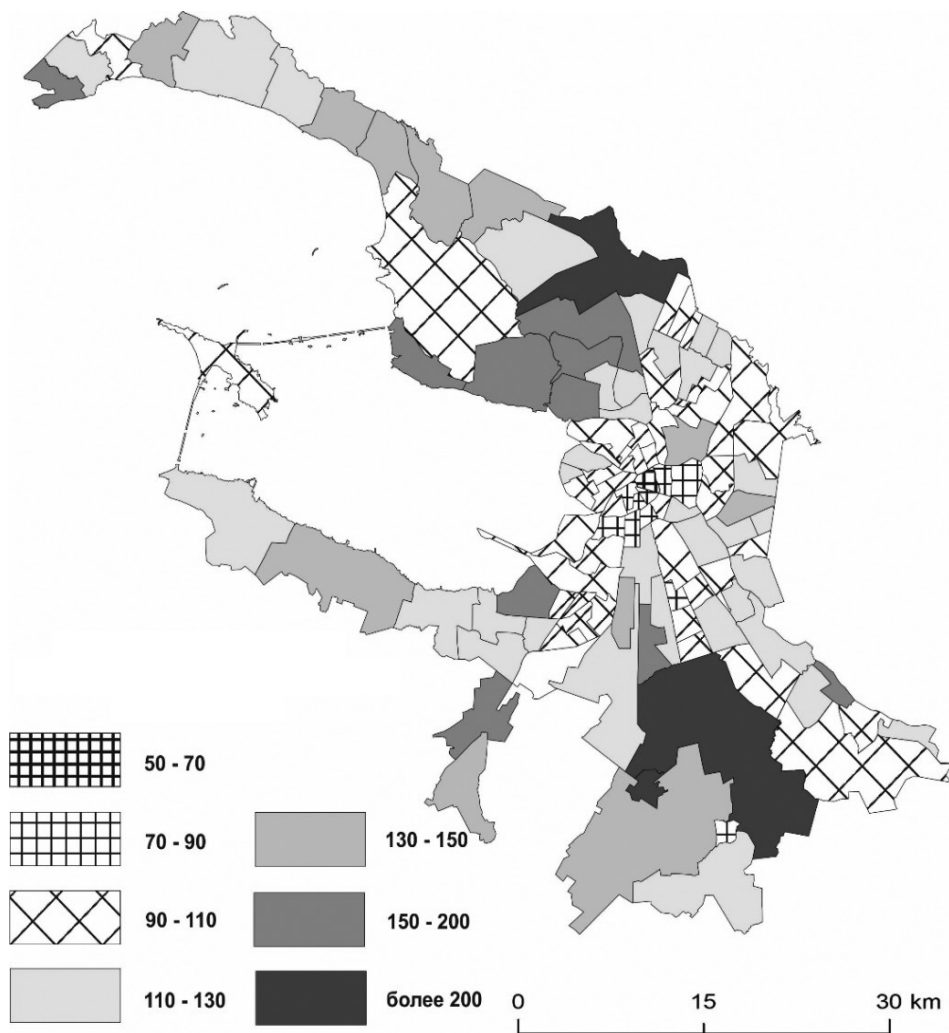

Рис. 3. Динамика численности населения по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга в 2002—2018 годах (2002 год = 100%), %

Следует отметить, что в динамике численности населения отдельных районов Санкт-Петербурга присутствует пространственная закономерность: большинство муниципалитетов, расположенных в историческом центре города, теряет население, тогда как пригородные территории становятся новыми спальными районами северной столицы и численность их жителей быстро растет. Недостаток территории под жилищную застройку в пределах административных границ города и его пространственная конфигурация обуславливают ускоренный рост населения муниципалитетов, расположенных на севере (Приморский и Выборгский районы) и юге (Пушкинский и Красносельский районы) Санкт-Петербурга. Происходит перераспределение населения из центральной, исторической части города в периферийные, окраинные районы.

Для всех крупных городов (и Санкт-Петербург не является исключением) характерна социальная неоднородность их территории. В советский период социальное неравенство тщательно маскировалось, но уже тогда в Ленинграде можно было выделить жилые кварталы с различным уровнем комфорта и, как следствие, с различным социальным составом населения. «Сталинки» — дома с улучшенной планировкой, построенные в 1930—1950-х годах, — имели значительно большую потребительскую стоимость, чем построенные в 1960—1970-х годах «хрущевки» и «брежневки». В 1990-е годы, с переходом к рыночным отношениям, территориальное разделение городских социумов стало приобретать характер дифференциации прежде всего по уровню дохода. Для большинства населения собственное жилье стало главным (а часто — и единственным) финансовым активом и индикатором уровня жизни [20].

Коммерческая стоимость жилья — очень важный, но не единственный показатель социального расслоения общества. Таких показателей достаточно много, но все они могут быть объединены в несколько групп, отражающих в совокупности уровень дохода, уровень образования, род занятий (профессия), соответствие определенным нормам поведения.

К сожалению, доступная для анализа статистика, характеризующая уровень жизни населения по всем 111 муниципалитетам Санкт-Петербурга, имеет очень ограниченный перечень показателей. Причем некоторые из этих показателей фиксируют ситуацию только во время проведения переписей населения, последняя из которых была в октябре 2010 года.

Тем не менее рассмотрим показатели, характеризующие качественные различия социального состава населения Санкт-Петербурга в территориальном разрезе, и попробуем выявить наиболее и наименее благополучные районы (муниципалитеты) города.

Среди доступных для пространственного анализа показателей социального расслоения населения Санкт-Петербурга были выбраны следующие: 1) коммерческая стоимость одного квадратного метра жилья; 2) налог на недвижимое имущество физических лиц в расчете на одного жителя муниципального образования; 3) удельный вес предпринимателей, имеющих наемных работников; 4) удельный вес лиц с высшим образованием; 5) удельный вес лиц, имеющих ученую степень.

Стоимость жилья. Источником данных о стоимости жилья в муниципалитетах Санкт-Петербурга является база ЦИАН⁹ — крупнейшего в России агентства недвижимости. По данным ЦИАН, стоимость жилья в начале 2019 года варьировалась по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга¹⁰ от 62 до 247 тыс. рублей за 1 м² (рис. 4).

Наиболее дорогое жилье расположено в историческом центре города: в Центральном, Адмиралтейском и Петроградском районах. Наиболее фешенебельным районом Санкт-Петербурга является МО «Дворцовый округ» (Центральный район), занимающее территорию между Дворцовой набережной Невы и началом Невского проспекта. Сегодня средняя стоимость 1 м² жилья составляет здесь почти 250 тыс. рублей (около 3,5 тыс. евро). Более 200 тыс. рублей

⁹ ЦИАН — база недвижимости. URL: <https://www.cian.ru/> (дата обращения: 19.06.2019).

¹⁰ Отсутствуют данные о стоимости жилья по 12 МО Санкт-Петербурга: пригородным поселкам Выборгского, Приморского, Курортного, Колпинского и Пушкинского районов.

за 1 м² — стоимость жилья в МО «Чкаловское» (Петроградский район), занимающее в том числе и территорию Крестовского острова — любимого места отдыха петербуржцев. Сегодня эта территория активно застраивается жилыми комплексами «премиум-класса», которые по стоимости квадратного метра недвижимости уже почти сравнялись с домами, расположенными вокруг главной улицы города — Невского проспекта.

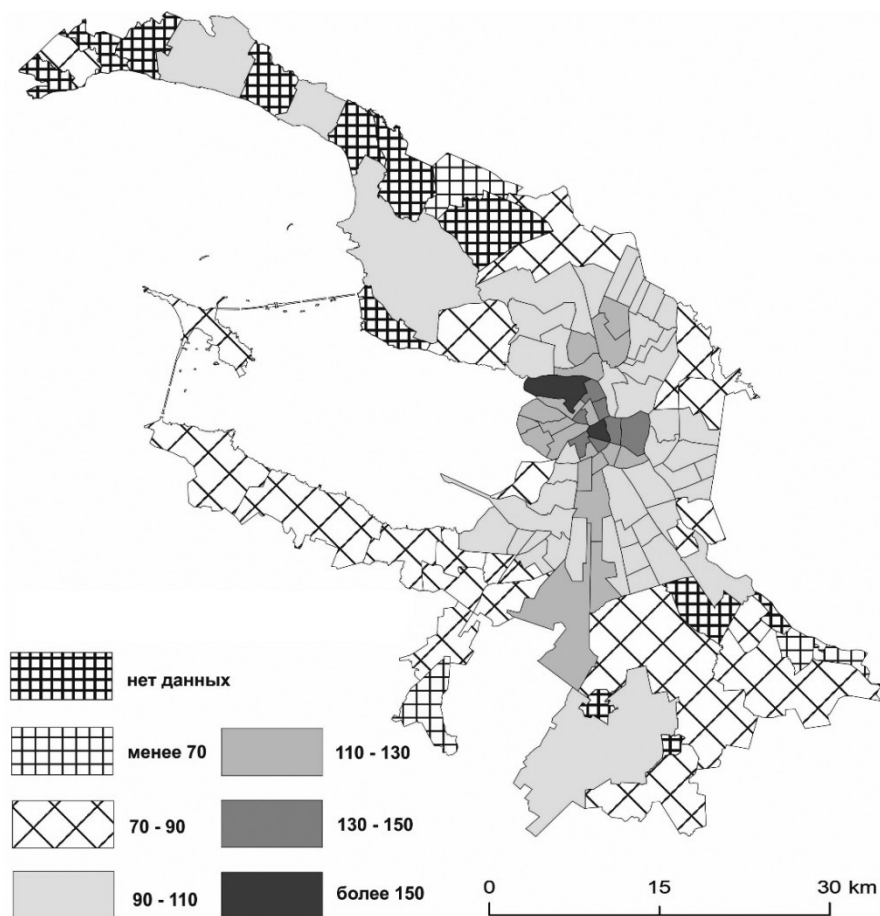

Рис. 4. Стоимость 1 м² жилья по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга, 2019 год, тыс. рублей

Наиболее дешевое жилье расположено в индустриальных пригородах Санкт-Петербурга, преимущественно в его южных районах. В поселках Песочное (Курортный район), Понтонное, Саперное (оба — в Колпинском районе), МО «Город Красное Село» (Красносельский район) стоимость 1 м² жилья в начале 2019 года не превышала 70 тыс. рублей (менее 1,0 тыс. евро). На рисунке 4 хорошо виден центр-периферийный характер распределения стоимости жилья в Санкт-Петербурге, с выделением оси дорогого жилья по направлению с юга на север.

Налог на недвижимое имущество. Большую часть недвижимого имущества граждан составляют жилые помещения (квартиры, дома), в которых они прожи-

вают. Налог поступает в муниципальный бюджет, и сведения об этом имеются в Базе данных показателей муниципальных образований (БДПМО). Размер налога в расчете на одного жителя является еще одним показателем стоимости жилья и, как следствие, уровня благосостояния жителей Санкт-Петербурга. В 2016 году¹¹ налог на имущество на одного человека составил в среднем по Санкт-Петербургу 434 рубля в год, изменяясь в 20-кратном диапазоне (от 50 до 2000 рублей)¹².

Наибольший размер налога на недвижимость наблюдается в муниципальных образованиях центральной части города: «Смольнинское», № 78, «Дворцовый округ» (все — в Центральном районе), «Чкаловское», «Петровское», «Аптекарский остров» (все — в Петроградском районе) и в ряде поселков Курортного района (Комарово, Репино, Солнечное, Ушково, Молодежное). В этих муниципалитетах значение налога в расчете на одного жителя в 2—5 раз больше среднего значения по Санкт-Петербургу (рис. 5).

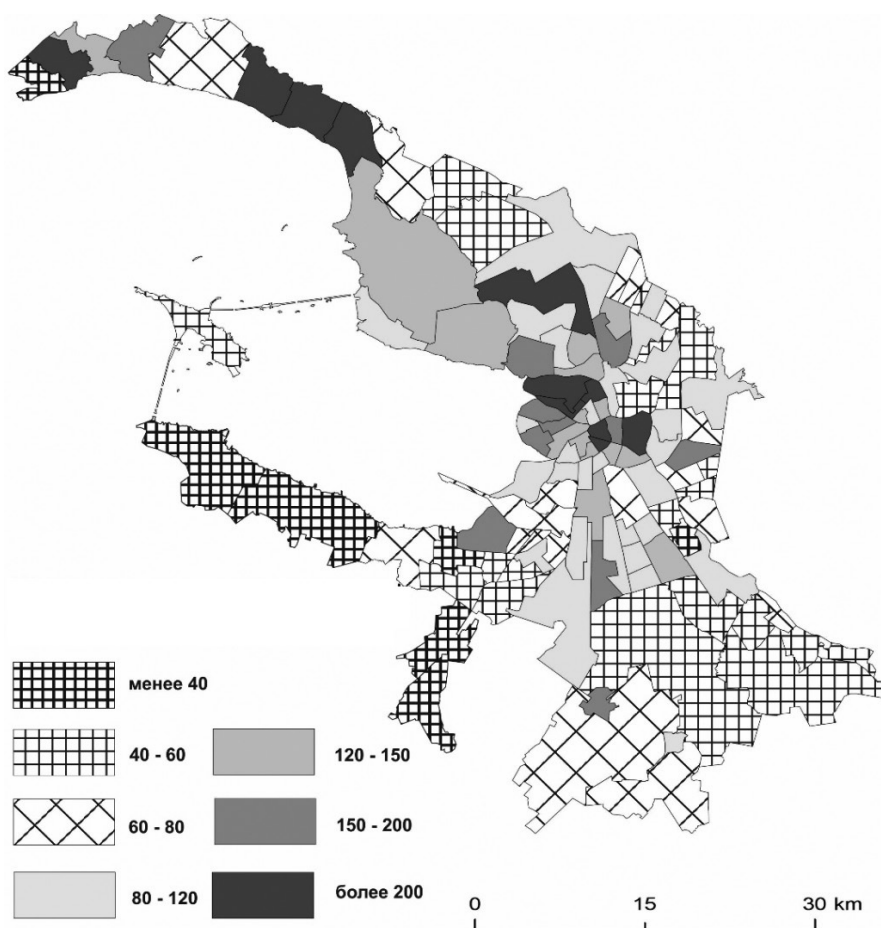

Рис. 5. Налог на имущество в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга, 2016 год, %

¹¹ Последние имеющиеся в открытом доступе данные о налогах, собранных муниципалитетами Санкт-Петербурга.

¹² База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 10.09.2019).

Повышенной стоимостью недвижимости отличаются и муниципалитеты, активно застраивавшиеся в последнее десятилетие: МО № 65, «Коломяги» (оба — Приморский район), «Южно-Приморский» (Красносельский), «Звездное» (Московский), «Правобережный» (Красногвардейский), «Поселок Александровская» (Пушкинский).

Самые низкие налоги на недвижимость платят жители муниципальных округов, расположенных в старых «спальных» районах Санкт-Петербурга, которые застраивались в 1960—1980 годах. В большинстве МО Колпинского, Красносельского, Петродворцового, Калининского, Невского районов и в Кронштадте данный показатель в 1,5—3,0 раза меньше среднего значения по городу. В этой связи особенно выделяются муниципалитеты Красносельского района — «Сосновая поляна» и «Горелово», где налоговые платежи за недвижимое имущество в 3,5—4,5 раза меньше среднего значения.

Удельный вес предпринимателей. Распределение владельцев собственного бизнеса по территории Санкт-Петербурга также характеризуется высокой степенью неравномерности. По данным переписи населения 2010 года 4,4 % экономически активного населения Санкт-Петербурга были предпринимателями, но только половина из них (2,2 %) имела наемных работников. Наибольший удельный вес работодателей — в 2—3 раза больше среднего значения по городу — отмечен в пригородных поселках Усть-Ижора (Колпинский район), Репино, Солнечное, Комарово (все — в Курортном районе). Наибольшая доля лиц, нанимающих работников, была отмечена в поселке Александровская Пушкинского района. Здесь к данной категории относится почти 10 % занятого населения. Среди районов многоквартирной застройки, расположенных непосредственно в Санкт-Петербурге, более чем двукратное превышение удельного веса предпринимателей наблюдается в историческом центре — в муниципальных округах Петроградского (МО «Аптекарский остров»), Центрального (МО «Дворцовый округ») и Василеостровского (МО «Остров Декабристов») районов¹³.

В 11 муниципальных округах, расположенных преимущественно в южных районах Санкт-Петербурга, доля предпринимателей минимальна и не превышает 1,3 %. В целом наблюдается довольно большое совпадение между расселением предпринимателей и размером уплачиваемого налога на имущество (коэффициент корреляции между этими показателями составляет 0,544) (рис. 6).

Удельный вес лиц с высшим образованием. Один из наиболее значимых показателей социальной структуры общества — уровень образования. Санкт-Петербург, исторически являвшийся крупнейшим центром культуры и образования в России, часто именуемый культурной столицей страны, отличается высоким удельным весом лиц, имеющих высшее образование. По результатам переписи населения 2010 года 38 %¹⁴ населения города старше 20 лет имело высшее образование. По данному показателю Санкт-Петербург занимает 2-е место среди регионов России, уступая только Москве (42,4 %)¹⁵.

¹³ Экономическая активность населения Санкт-Петербурга. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : стат. сб. : в 2 ч. / Петростат. СПб., 2013. Ч. 2.

¹⁴ Среди лиц, ответивших на вопрос об уровне образования.

¹⁵ По данным переписи населения 2010 года, удельный вес населения, имеющего высшее образование, в возрасте 20 лет и старше составлял в среднем по России 23,8 % (Всероссийская перепись населения 2010 года : в 11 т. Т. 3. Образование. Население по возрастным группам, полу и уровню образования по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.09.2019)).

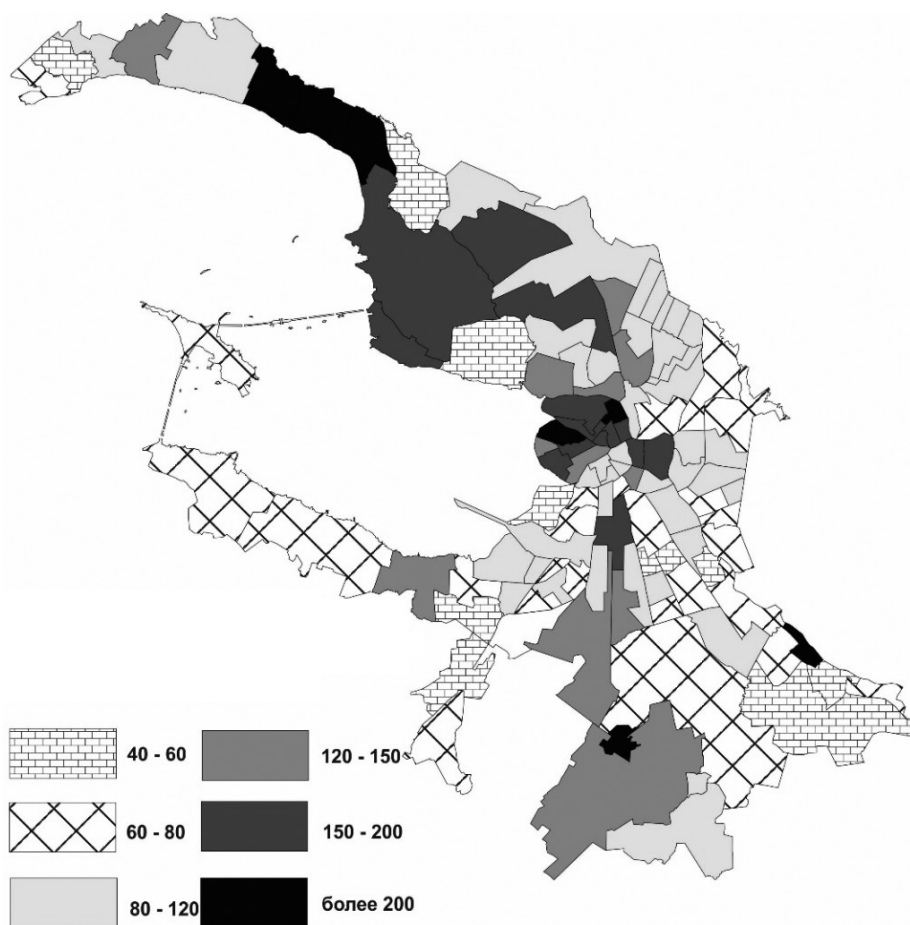

Рис. 6. Удельный вес предпринимателей, использующих труд наемных работников, по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга, 2010 год (среднее значение по Санкт-Петербургу = 100), %

Распределение лиц с высшим образованием по территории Санкт-Петербурга отличается крайней неравномерностью. Наиболее высокая концентрация данной категории жителей наблюдается в центральных районах города. В Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга их доля в общей численности населения старше 20 лет составляет почти 39 %, в Петроградском и Центральном районах — более 46 %. При этом в отдельных муниципальных округах, таких как «Аптекарский остров» (Петроградский район), «Дворцовый округ» (Центральный район), имеет высшее образование более половины взрослого населения¹⁶. В некоторых пригородных муниципалитетах Санкт-Петербурга процент людей с высшим образованием так же высок — «Поселок Комарово» (Курортный район) (51,8 %), «Поселок Тярлево» (Пушкинский район) (49,4 %)¹⁷ (рис. 7).

¹⁶ Здесь и далее удельный вес лиц с высшим образованием рассчитывается среди населения в возрасте старше 20 лет.

¹⁷ *Население Санкт-Петербурга по возрасту и уровню образования. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года на территории Санкт-Петербурга* : стат. сб. : в 2 ч. / Петростат. СПб., 2012. Ч. 1.

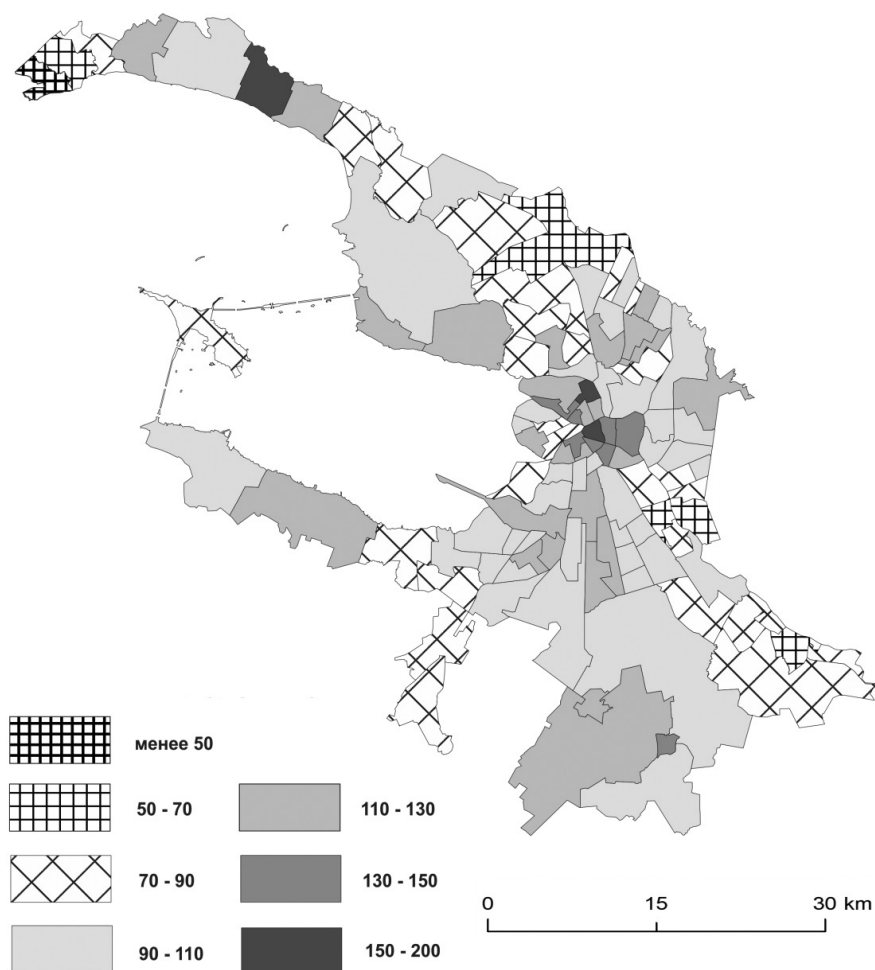

Рис. 7. Лица с высшим образованием по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга, 2010 год (среднее значение по Санкт-Петербургу = 100), %

Для таких районов города, как Московский и Пушкинский, также характерен более высокий удельный вес лиц с высшим образованием (в среднем по 40 %).

В то же время в крупнейших «спальных» районах Санкт-Петербурга — Приморском и Невском, а также в Кронштадте и в индустриальном пригородном Колпинском районе наблюдается наименьшая доля лиц с высшим образованием. В 2010 году данный показатель в этих районах варьировался в диапазоне от 26,4 до 29,8 %, что на 13—23 % ниже среднего значения по городу. Наиболее низкий уровень образования был отмечен в небольших муниципальных образованиях Курортного и Колпинского районов — поселках Смолячково, Молодежном, Понтонном, расположенных на наибольшем удалении от центра Санкт-Петербурга. Удельный вес лиц с высшим образованием в этих муниципалитетах был на $\frac{1}{3}$ меньше, чем в среднем по городу.

Рассматривая пространственные различия в уровне образования жителей Санкт-Петербурга, необходимо обратить внимание на то, что переход от районов (муниципалитетов) с высоким значением данного показателя к территориям с низким удельным весом лиц, закончивших вуз, происходит достаточно резко. Это может быть связано с началом процесса социальной сегрегации населения города, приобретающего территориальный характер.

Впрочем, пространственная неравномерность уровня образования в пределах Санкт-Петербурга может иметь и демографическое объяснение, так как данная характеристика тесно связана с возрастной структурой населения. При среднем значении доли лиц с высшим образованием среди всего населения города старше 20 лет в 38 %, для возрастной когорты 25—29 лет данный показатель в 2010 году был 45,7 %. При этом в возрастной группе 50—54 года он составлял 33,4 %, а среди населения старше 70 лет — только 24,5 %. Таким образом, чем старше возрастная группа, тем ниже в ней удельный вес лиц с высшим образованием. Сегодня для жителей Петербурга (как и других регионов России) высшее образование переходит в категорию обязательного и становится в большей степени характеристикой не профессионального, а социального статуса человека. В этой связи высокий уровень доли лиц с высшим образованием территориально коррелирует с наличием более молодого, а потому и более образованного (по формальным признакам) населения.

Удельный вес лиц, имеющих ученую степень. Сегодня, когда высшее образование становится хотя и не обязательным, но, по факту, всеобщим, удельный вес лиц, его имеющих, уже не может считаться важным индикатором социального расслоения общества. Поэтому кроме отмеченного ранее территориального распределения населения, имеющего высшее образование, следует рассмотреть расселение лиц, имеющих ученую степень¹⁸ (рис. 8). Эти сведения, как и вся информация об уровне образования, собираются во время переписи населения¹⁹.

По данным последней переписи населения (2010), в Санкт-Петербурге проживали 56,1 тыс. кандидатов и 12,9 тыс. докторов наук. Среди возрастной группы населения старше 25 лет²⁰ в среднем по городу лица с ученой степенью составляли 18,4 %. Наиболее высокая концентрация данной категории лиц наблюдалась в муниципальных образованиях Петроградского и Центрального районов города. Здесь на 1000 жителей старше 25 лет приходилось в среднем 34—45 кандидатов и докторов наук.

Большой удельный вес лиц, имеющих ученую степень, наблюдается также в ряде муниципальных округов Адмиралтейского (МО «Сенной округ», МО «Адмиралтейский округ»), Василеостровского (МО «Гавань», МО «Морской»), Выборгского (МО «Светлановское», МО «Сампсониевское»), Калининского (МО «Академическое», МО «Гражданка») и Московского (МО «Московская застава», МО «Звездное») районов. Высокая концентрация ученых традиционно характерна для таких поселков Курортного района Санкт-Петербурга, как Комарово и Репино, а также для города Пушкина²¹. В то же время для муниципальных образований Колпинского, Красносельского, Невского и Фрунзенского районов характерен очень небольшой удельный вес жителей, имеющих ученую степень.

Сопоставление пяти приведенных выше показателей позволяет составить рейтинг муниципалитетов Санкт-Петербурга по уровню социального благополучия. Для этого расставим ранги муниципалитетов по каждому из показателей в порядке убывания их значения. Для четырех показателей (налог на недвижимость; удель-

¹⁸ В данном случае имеется в виду степени кандидата наук и доктора наук.

¹⁹ *Население Санкт-Петербурга по возрасту и уровню образования. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года на территории Санкт-Петербурга* : стат. сб. : в 2 ч. / Петростат. СПб., 2012. Ч. 1.

²⁰ Учитывая продолжительность ступеней среднего и высшего образования в Российской Федерации, получить ученую степень в возрасте моложе 25 лет практически невозможно. По данным переписи населения 2010 года, среди жителей Санкт-Петербурга моложе 25 лет лиц, имеющих ученую степень, не зафиксировано.

²¹ Муниципальное образование «Город Пушкин».

ный вес предпринимателей, имеющих наемных работников; доля лиц с высшим образованием; доля лиц с ученой степенью) значение ранга будет изменяться от 1 до 111, для одного (стоимость жилья) — от 1 до 99, так как по 12 муниципалитетам Санкт-Петербурга данные о коммерческой стоимости 1 м² жилья отсутствуют. Полученные ранги суммируются, и затем вычисляется среднее значение ранга²².

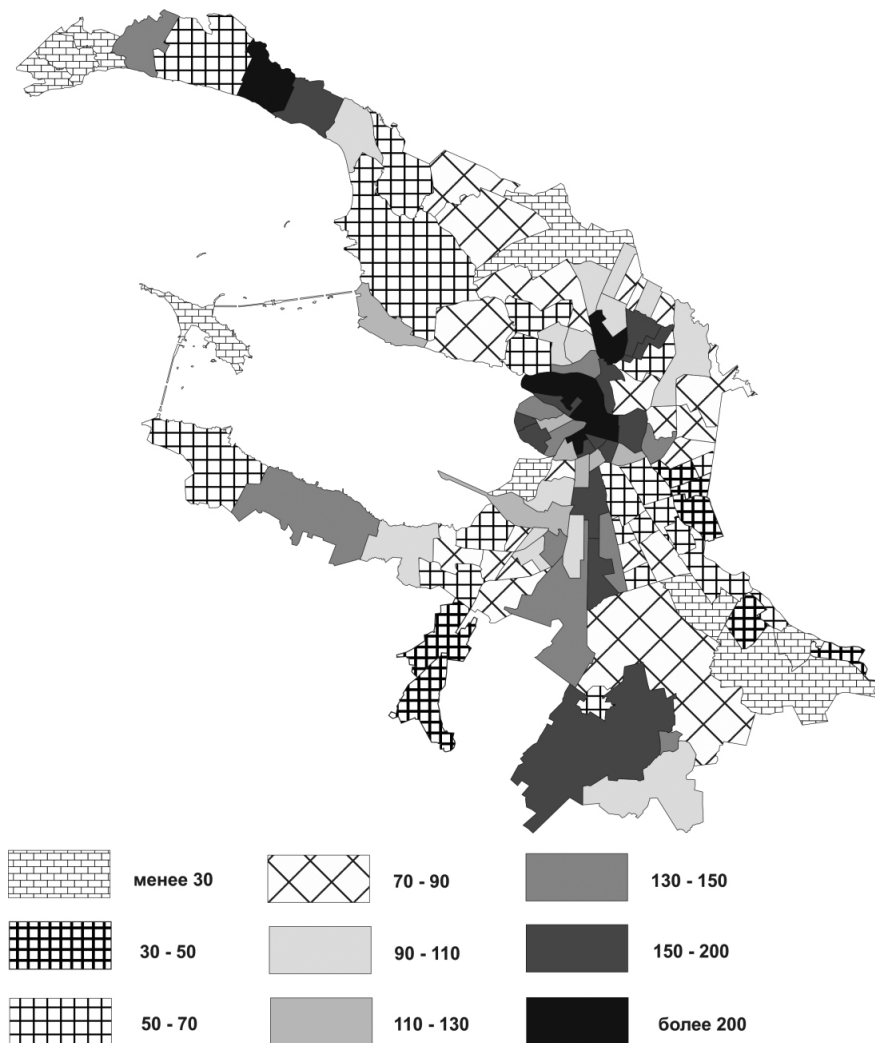

Рис. 8. Распределение лиц с ученой степенью по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга (среднее значение по Санкт-Петербургу = 100), 2010 год, %

Минимальное значение полученного показателя (назовем его средним рангом социального благополучия — СРСБ) присуще самым социально благополучным муниципалитетам города. И наоборот, максимальное значение ранга характерно для районов с наиболее низким уровнем жизни. В теории СРСБ муниципалитетов Санкт-Петербурга может изменяться от 1 до 111, де-факто его диапазон несколько уже — от 2,6 (МО «Дворцовый округ» Центрального района) до 107,3 (МО «Поселок Смолячково» Курортного района) (рис. 9).

²² Для 99 МО Санкт-Петербурга сумма рангов делится на пять, а для 12 МО — на четыре.

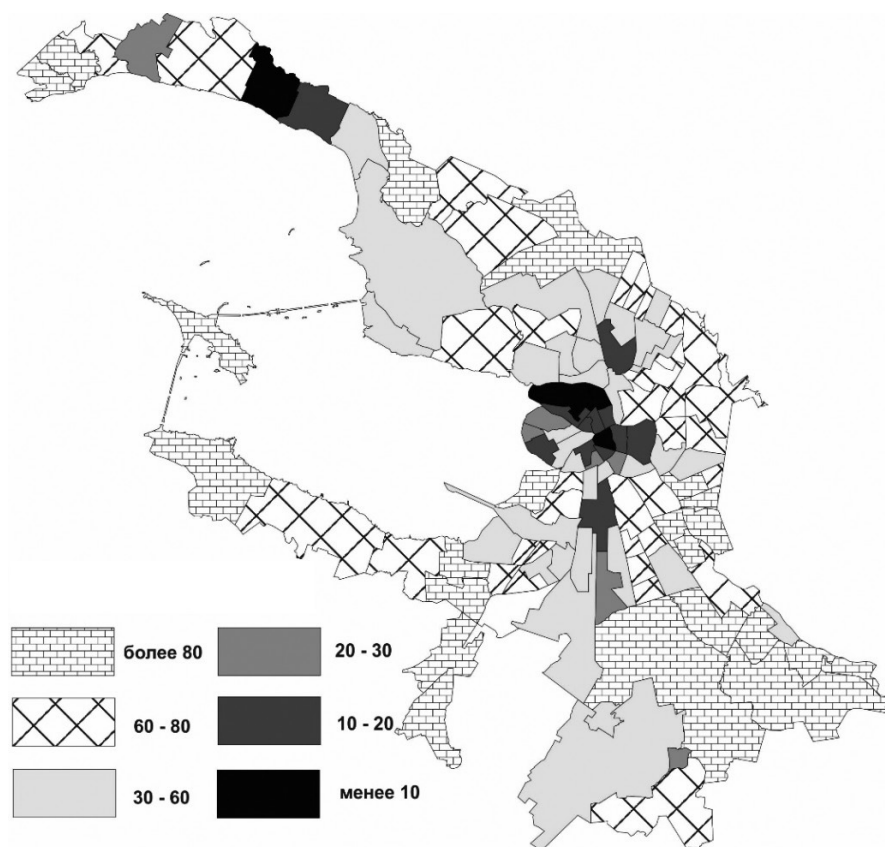

Рис. 9. Средний ранг социального благополучия по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга

Самые благополучные муниципалитеты Санкт-Петербурга расположены в центре города — в Петроградском и Центральном районах. К наиболее уважаемым территориям относятся также муниципальные округа «Московская Застава» (Московский район), «Светлановское» (Выборгский район), «Адмиралтейский округ» (Адмиралтейский район), «Гавань» (Василеостровский район) и расположенные в Курортном районе поселки Комарово и Репино.

Худшие показатели по уровню социального благополучия имеют муниципалитеты южной части города: Колпинского, Невского, Красносельского, Петродворцового районов и Кронштадта. На рисунке 9 хорошо видно, что наметившаяся к настоящему времени социальная сегрегация Санкт-Петербурга имеет четкую пространственную локализацию — «бедные» и «богатые» муниципалитеты группируются в различных частях города.

Рига

В начале 2019 года Рига — столица и крупнейший город Латвии — насчитывала 632,6 тыс. жителей, или почти половину всего городского населения страны. С начала 1990-х годов в Риге происходило постепенное сокращение численности населения (рис. 10). Этому способствовали естественная убыль населения и отрицательное сальдо внутренней и внешней миграции. Последняя резко усилилась в 2000-х годах, после вступления Латвии в ЕС (рис. 11).

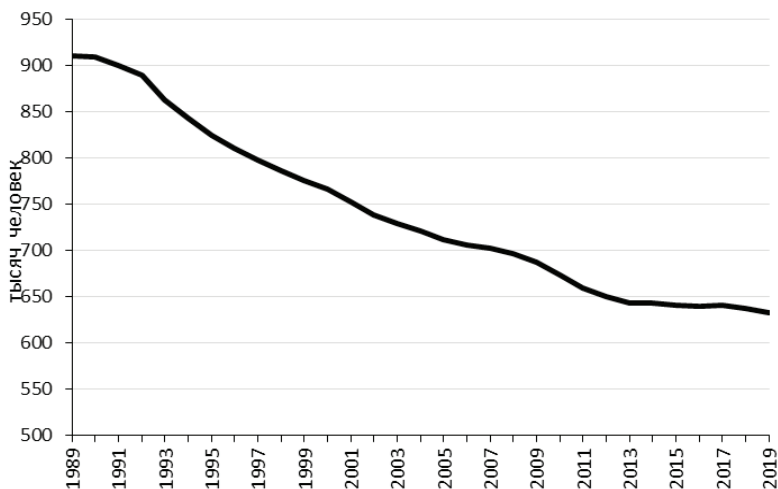

Рис. 10. Динамика численности населения Риги в 1989—2018 годах, тыс. человек

Таким образом, за последние три десятилетия население Риги быстро сокращалось — с 1989 по 2018 год уменьшилось почти на $\frac{1}{3}$ (в 1989 году в Риге проживало 915,1 тыс. человек)²⁵. Постсоциалистический переход привел к существенным изменениям в распределении населения между различными частями города. Наиболее быстро снижалась численность населения в историческом центре Риги. Этот процесс ускорился после 2000 года. Крупные жилые массивы («спальные районы»), построенные в советский период, также теряли свое население, но более низкими темпами. И лишь в пригородных районах Риги, где началось строительство новых, преимущественно малоэтажных жилых комплексов, в этот период наблюдается рост численности населения. Это относится как к районам нового коттеджного строительства, так и к исторически престижным дачным пригородам, таким как Межапаркс и Вецаки. Среди районов, расположенных в центральной части города, рост численности населения наблюдался лишь в одном — Скансте. Это обусловлено его удачным расположением, что стало причиной реализации на его территории ряда крупномасштабных проектов строительства нового жилья (рис. 12).

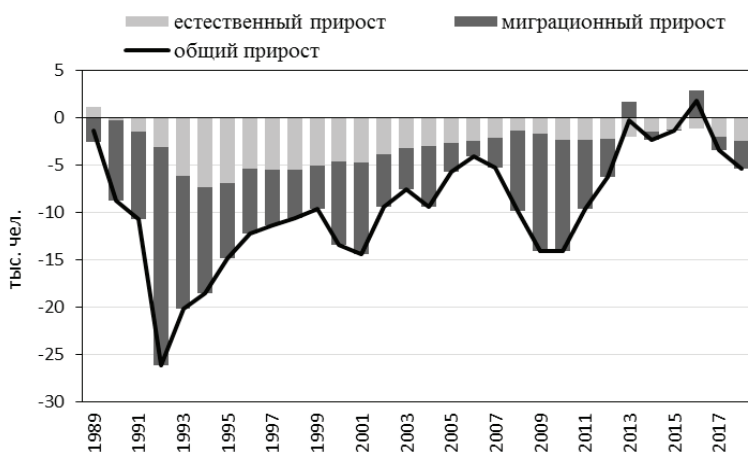

Рис. 11. Естественный и миграционный прирост населения Риги в 1989—2018 годах, тыс. человек

²⁵ Central Statistical Bureau of Latvia. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistika/db> (дата обращения: 03.09.2019).

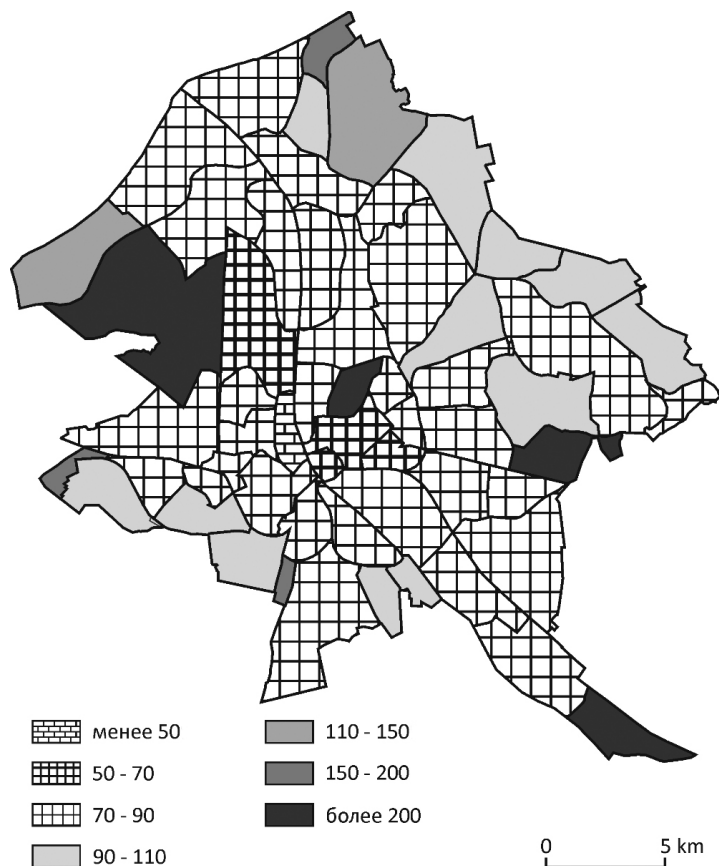

Рис. 12. Динамика численности населения в жилых районах Риги в 2000—2018 годах (2000 год = 100%), %

Среднее значение доли лиц с высшим образованием среди населения старше 15 лет составляет в Риге 32,1%. Наибольшего значения данный показатель достигает в Старом городе (49,1%), наименьшего — в районе Спилве (4,1%), расположенном на окраине Риги. Более высокая, чем в среднем по городу, концентрация лиц с высшим образованием наблюдается в самых престижных микрорайонах исторического центра, а также в некоторых микрорайонах массового жилищного строительства конца советского периода (вторая половина 1980-х годов), таких как Золитуде и Пурвциемс. Наиболее низкая доля лиц с высшим образованием — в микрорайонах советского периода (Кенгарагс, Даугагрива), построенных в более ранний период (1960—1970-е), а также в некоторых окраинных районах Риги, имеющих «полусельский» характер застройки (рис. 13).

Доля лиц с ученой степенью среди людей старше 25 лет в среднем по Риге составляет 8%, достигая максимума в пригородном районе Клейсти (32%). В некоторых микрорайонах с небольшой численностью населения данная категория лиц не проживает. Более высокий, чем в среднем по городу, удельный вес лиц с ученой степенью наблюдается и в ряде других наиболее престижных районов Риги, в то время как в микрорайонах советского периода данный показатель имеет небольшое значение, особенно в расположенных на окраинах города (рис. 14).

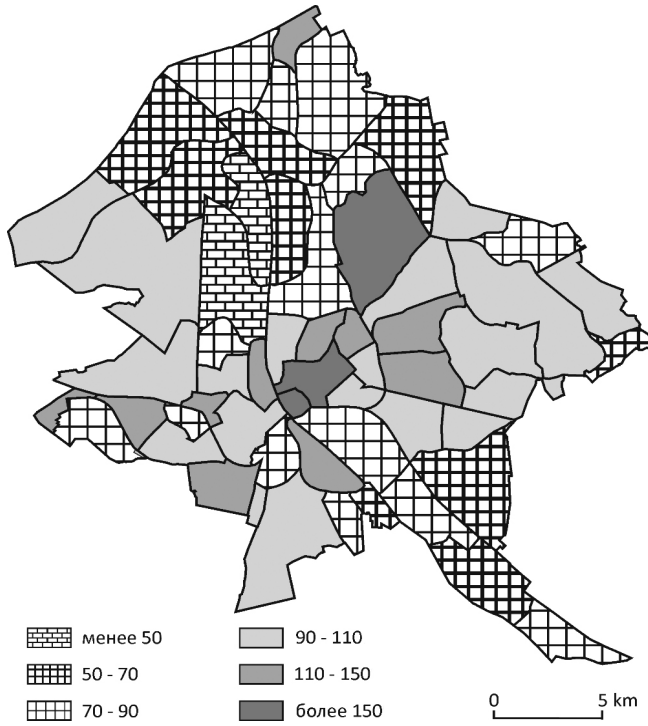

Рис. 13. Распределение лиц с высшим образованием среди населения в возрасте 20 лет и старше, 2011 год (среднее значение по Риге = 100%), %

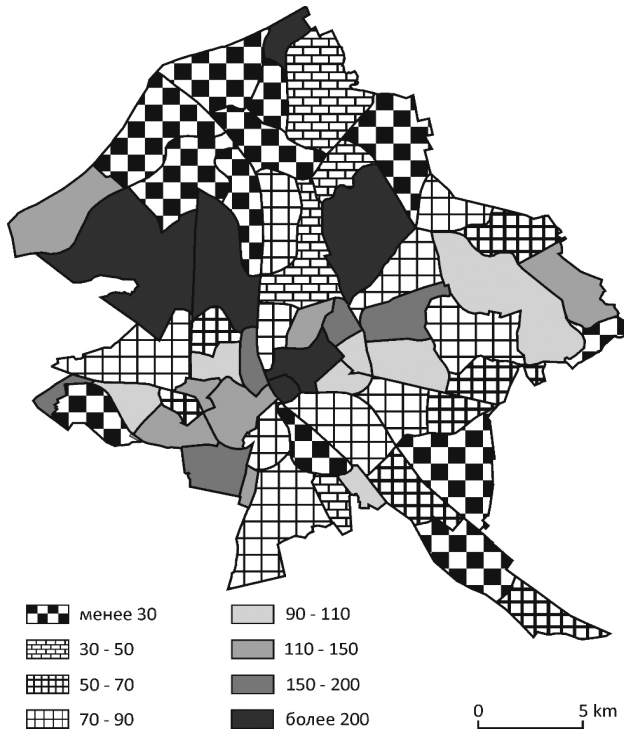

Рис. 14. Распределение лиц с ученой степенью среди населения в возрасте 25 лет и старше, 2011 год (среднее значение по Риге = 100%), %

Среди населения города старше 15 лет удельный вес менеджеров и специалистов составляет в среднем 29,7%. Среди районов Риги наибольшее значение данного показателя отмечено в Межапарксе (50,6%) — самом престижном историческом районе за пределами исторического центра. Наименьшая доля менеджеров и специалистов проживает в микрорайоне Спилве (3,9%) (рис. 15).

В целом более высокие значения данного показателя наблюдаются в центре города, в жилых микрорайонах позднего советского периода и в некоторых наиболее престижных пригородах, характеризующихся ростом численности населения в постсоветский период.

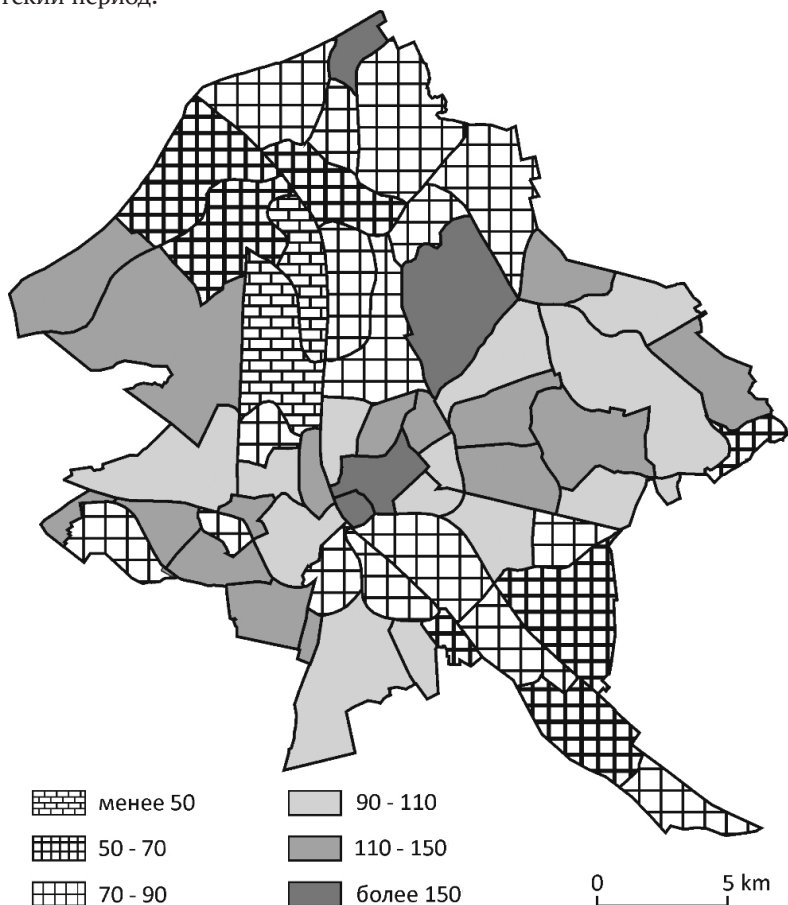

Рис 15. Распределение менеджеров и специалистов среди экономически активного населения в возрасте 15 лет и старше, 2011 год (среднее значение по Риге = 100%), %

Средняя доля предпринимателей среди экономически активного населения Риги (в возрасте старше 15 лет) составляет 4,0%. Наиболее высокого значения данный показатель достигает в микрорайоне Мукупуурвс (13,5%), относящемся к «внешнему городу». Следует отметить, что распределение предпринимателей по районам Риги в значительной степени совпадает с распределением менеджеров и специалистов. При этом более высокая доля данной категории жителей в ряде районов «внешнего города» обусловлена строительством здесь нового жилья в постсоветский период (рис. 16).

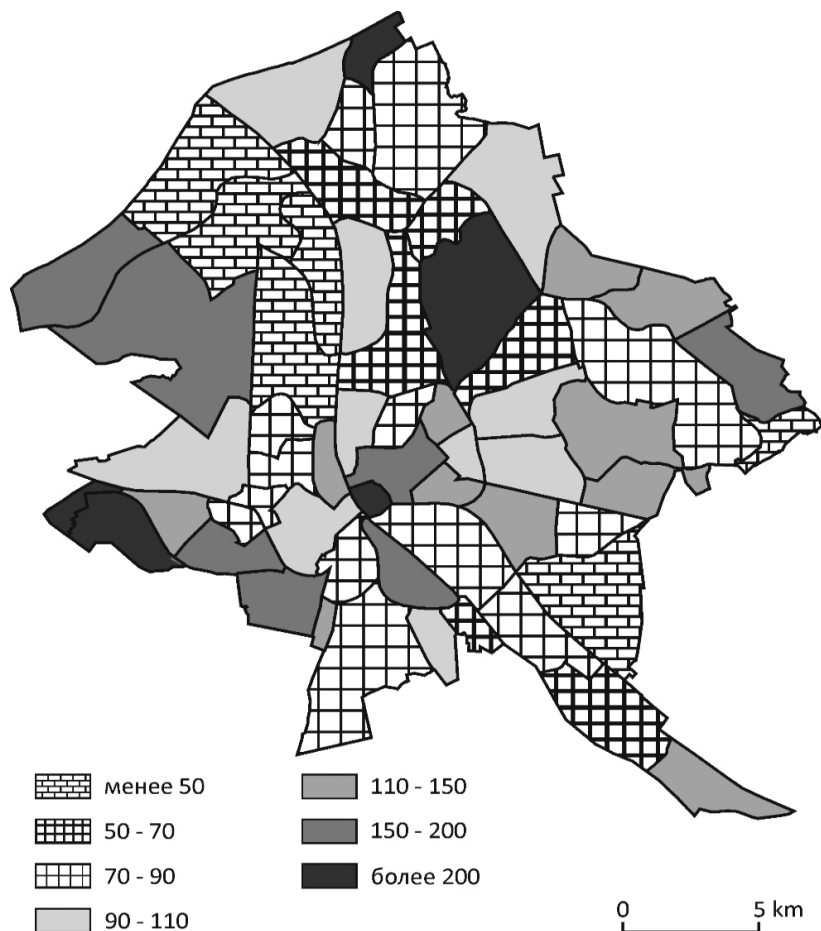

Рис. 16. Распределение предпринимателей среди экономически активного населения в возрасте 15 лет и старше, 2011 год (среднее значение по Риге = 100%), %

Несмотря на некоторые различия, все приведенные выше рисунки иллюстрируют довольно сходные тенденции: жители с высоким социальным статусом, как правило, сконцентрированы во «внутреннем городе», в исторически престижных районах «внешнего города» и в новых пригородных поселках, получивших ускоренное развитие в последние два десятилетия. Лишь несколько районов массовой жилищной застройки советского периода с большой привлекательностью по причине выгодного транспортного положения и развитой инфраструктуры имеют значительную концентрацию лиц с высоким социальным статусом.

Рейтинг микрорайонов Риги по уровню социального благополучия, рассчитанный по совокупности ранее рассмотренных показателей, демонстрирует, что к наиболее престижным районам латвийской столицы относятся кварталы исторического центра («внутреннего города») и некоторые досоветские кварталы «внешнего города», такие как Межапарк и Вецаки. Социально благополучной жилой территорией Риги является и ряд «спальных районов», построенных в конце советского периода и расположенных в восточной и западной частях города. Эти районы характеризуются ростом численности населения после 2000 года. Районы с наименьшим уровнем социального благополучия расположены преимущественно в южной и северной частях города. Они представлены кварталами, постро-

енными в 1960—1970-х годах, и отличаются низким качеством жилья и плохой инфраструктурой. К таким территориям можно отнести и микрорайон Маскавас, характеризующийся отсутствием инвестиций в реконструкцию и развитие. Представленный жилыми домами как советского, так и досоветского периода постройки, этот микрорайон отличается наиболее низким уровнем социального благополучия среди районов центральной части Риги (рис. 17).

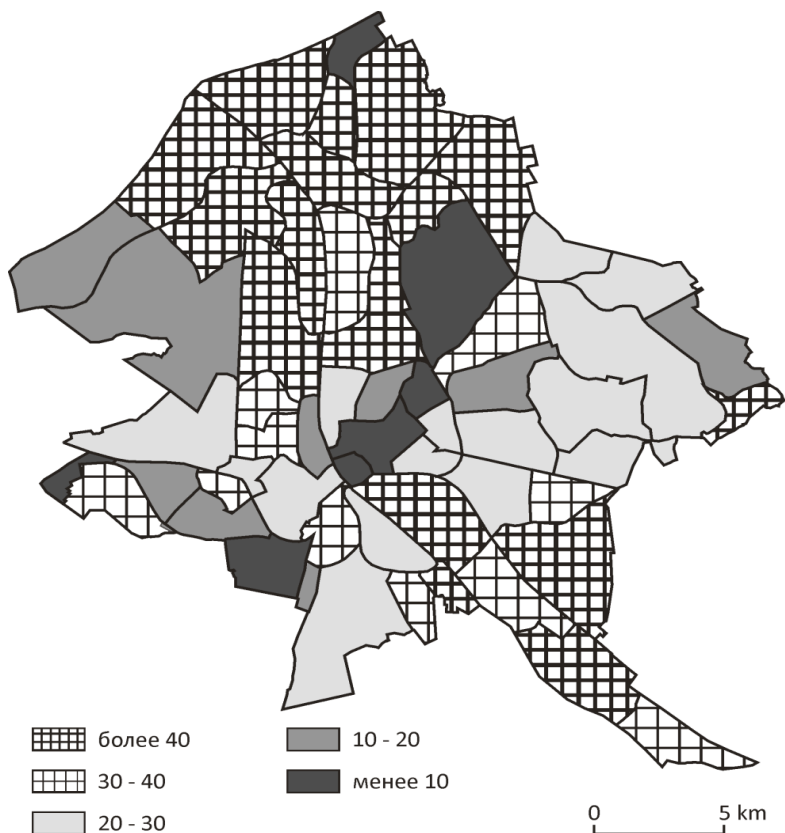

Рис. 17. Средний ранг социального благополучия в жилых районах Риги, 2011 год

Выводы

Наше исследование было направлено на сравнение пространственных тенденций демографического развития и социальной сегментации на муниципальном уровне в постсоветских Санкт-Петербурге и Риге на основе анализа имеющихся количественных данных, отражающих социальный статус жителей и привлекательность жилья.

В целом модели постсоветской пространственной сегментации в этих двух городах демонстрируют значительное сходство, несмотря на то что Санкт-Петербург и Рига имеют различные демографические и географические характеристики, а также свои исторические особенности формирования городской среды. Но в обоих случаях очевидно, что после советского периода происходит социально-экономическая модернизация городских территорий с высокой архитектурной ценностью (досоветский центр города) и/или престижных пригородных поселков. С другой стороны, можно наблюдать различие в спросе на жилье советского времени по-

стройки. Так, «сталинки» в целом высоко ценятся в обоих городах из-за высокого качества строительства и больших размеров квартир. Но этот тип жилых домов, широко распространенный в Санкт-Петербурге, довольно редко встречается в Риге, где возведение такого жилья началось только в 1946 году. Что касается массового жилищного строительства домов «эконом-класса», начавшегося после 1954 года, которые имеют сегодня большое количество проблем в техническом обслуживании, то в отношении данного типа жилья в обоих городах имеются некоторые различия. Так, в Санкт-Петербурге практически все спальные районы, построенные в 1960—1980-е годы, имеют низкую привлекательность, тогда как в Риге ситуация в кварталах с таким жильем не столь однозначна. Некоторые микрорайоны столицы Латвии, построенные в конце советского периода (вторая половина 1980-х годов) отличаются хорошей планировкой, большим размером квартир, выгодным транспортным положением, поэтому имеют высокую привлекательность для жителей города [21]. Спрос на жилье, возведенное в постсоветский период, также имеет различия в Санкт-Петербурге и в Риге. В Санкт-Петербурге больше распространены многоэтажные жилые комплексы, тогда как в Риге новое жилищное строительство, ориентированное на средний класс, характеризуется низкой плотностью застройки и высокой обеспеченностью зелеными насаждениями. (В Санкт-Петербурге такой тип современного жилья относится к «премиум-классу».) В целом можно сказать, что феномен субурбанизации в Риге, где новые пригороды за пределами спальных районов почти исключительно состоят из частных домов или малоэтажного жилья, демонстрирует более ярко выраженную социальную однородность, чем в Санкт-Петербурге.

Другими словами, социальная дифференциация проявляется в первую очередь в пространственной сегрегации жителей по уровню доходов и социально-экономическому статусу. Обеспеченные горожане концентрируются как в историческом ядре обоих городов, так и в наиболее престижных пригородных районах. Но процесс социальной поляризации имеет более сложный характер и затрагивает все части рассматриваемых городов, включая и спальные районы советского периода (Рига), и прибрежные дачные поселки (Санкт-Петербург). В качестве примера можно привести интенсивное жилищное строительство и высокий удельный вес предпринимателей в районах Риги, имеющих средний уровень социального благополучия, а также быстрый рост численности населения в северных районах Санкт-Петербурга с не самыми обеспеченными жителями.

Проведенный ранее пространственный анализ состава населения Риги показал, что социально-экономическая поляризация за пределами центральной части города, имевшая в 1991 году незначительный характер, в 2011 году была уже широко распространена [22]. Появление среди микрорайонов города социально более благополучных могло быть связано как с ростом благосостояния его населения, так и с миграционным притоком более состоятельных жителей. Но чтобы понять реальную динамику данного процесса и его особенности, необходим более детальный анализ состава населения на микроуровне. В этой связи данные о направленности частных инвестиций и развитии рынка недвижимости не менее важны, чем информация о профессиональной структуре трудовых ресурсов. Так, слабое финансирование из фондов ЕС и отсутствие инвестиций в реконструкцию домов, возведенных в Риге в советский период, приводят к тому, что горожане, относящиеся к среднему классу, предпочитают вкладывать средства в строительство нового жилья вместо ремонта существующего. В результате реализация новых строительных проектов для более состоятельных жителей приводит к поляризации городского пространства, появлению сегрегации на уровне микрорайонов и изменению качества жизни всего населения (см., например, [23]).

Сопоставление пяти рассмотренных выше индикаторов социального благополучия муниципалитетов Санкт-Петербурга позволяет говорить об их взаимосвязи. С помощью корреляционного анализа была выявлена высокая степень взаимной зависимости между большинством рассматриваемых показателей. Так, коэффициент корреляции Пирсона между стоимостью жилья и удельным весом лиц с ученой степенью, рассчитанный по 111 муниципальным образованиям города, составил 0,813; между стоимостью жилья и удельным весом предпринимателей, имеющих наемных работников, — 0,707; между стоимостью жилья и уплаченным налогом на имущество в расчете на одного жителя — 0,739 (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент корреляции Пирсона для показателей социальной дифференциации городского пространства Санкт-Петербурга

Показатель	Коэффициент корреляции				
	1	2	3	4	5
Стоимость жилья (1)	×	0,739	0,707	0,714	0,813
Налог на недвижимое имущество физических лиц (2)	0,739	×	0,544	0,467	0,535
Доля предпринимателей, имеющих наемных работников (3)	0,707	0,544	×	0,430	0,518
Доля лиц с высшим образованием (4)	0,714	0,467	0,430	×	0,848
Доля лиц с ученой степенью (5)	0,813	0,535	0,518	0,848	×

Похожая ситуация наблюдается и в Риге, где наиболее высокая зависимость существует между распределением по территории города лиц с высшим образованием и местом жительства менеджеров и высококвалифицированных специалистов. Коэффициент корреляции Пирсона между этими показателями составляет 0,947. Значительное совпадение присутствует и между местом жительства менеджеров и специалистов, с одной стороны, и предпринимателей, с другой (коэффициент корреляции = 0,727); между лицами с высшим образованием и предпринимателями (0,626); между лицами с ученой степенью и менеджерами (0,636) (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициент корреляции Пирсона для показателей социальной дифференциации городского пространства Риги

Показатель	Коэффициент корреляции				
	1	2	3	4	5
Доля лиц с высшим образованием (1)	×	0,564	0,947	0,609	-0,012
Доля лиц с ученой степенью (2)	0,564	×	0,631	0,396	-0,054
Доля менеджеров и специалистов (3)	0,947	0,631	×	0,727	0,001
Доля предпринимателей (4)	0,609	0,396	0,727	×	0,029
Динамика численности населения Риги в 2000—2018 годах (5)	-0,012	-0,054	0,001	0,029	×

По итогам проведенного исследования можно сделать два вывода. Первый заключается в сходстве пространственных тенденций социальной сегментации в Санкт-Петербурге и Риге на уровне муниципалитетов (микрорайонов). Имеющиеся различия, связанные с особенностями демографической структуры и историей формирования систем городского расселения, не влияют на характер территориальной дифференциации, обусловленной сходными параметрами, динамикой и логикой социально-экономического и пространственного развития. Следует отметить, что два города также характеризуются некоторым историческим совпадением, в частности сильным влиянием досоветской урбанизации, чего нет в большинстве промышленных городов, сформировавшихся в советский период [24]. Было бы полезно провести сравнительное исследование, охватывающее различные типы городов на постсоветском пространстве, для изучения их различий с точки зрения исторического развития и организации городского пространства. Тем не менее сходства, выявленные в результате проведенного анализа, дают основания говорить об общих для всех постсоветских городов процессах переходного периода.

Второй вывод заключается в том, что проведенный анализ социальных различий доказал, что хотя он и является очень важным инструментом исследования, но при этом явно недостаточен, чтобы дать исчерпывающее представление о пространственных особенностях трансформации городской среды. С одной стороны, для этого необходимо сравнение стратегий городского планирования (а также документов национального уровня по пространственному развитию), чтобы понять, в какой мере идеология и политические приоритеты влияют на наблюдаемые процессы социальной дифференциации в постсоветских городах. С другой — полученные результаты задают направление для дальнейших исследований сегментирования городского пространства и процессов социальной сегрегации на внутрирайонном уровне. В этом отношении данная работа может рассматриваться как вклад в дискуссию о перспективах полимасштабных исследований постсоциалистических городов.

Список литературы

1. Lang T. Socio-economic and political responses to regional polarisation and socio-spatial peripheralisation in Central and Eastern Europe: a research agenda // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2015. Vol. 64, № 3. P. 171 — 185. doi: 10.15201/hungeobull.64.3.2.
2. Pickles J., Smith, A. (Eds.). *Theorising Transition. The Political Economy of Post-Communist Transformations*. Taylor and Francis, 1998.
3. Anokhin A.A., Zhitin D.V., Lachininsky S.S. *Urban Russia and Globalization: Problems, Challenges and Opportunities* // *Urban and Urbanization*. Sofia, 2014. P. 722 — 731.
4. Grubbauer M., Kusiak J. (eds.). *Chasing Warsaw. Socio-Material Dynamics of Urban Change since 1990*. Frankfurt o/M, 2012.
5. Golubchikov O., Badyna A., Makhrova A. The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring // *Urban Studies*. 2014. Vol. 51, № 4. P. 617 — 633.
6. Kotkin S. *Magnetic mountain. Stalinism as civilization*. Berkeley, 1997.
7. Humphrey C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2005. Vol. 11, № 1. P. 39 — 58.
8. Bocharnikova D., Harris S.E. Second World Urbanity: Infrastructures of Utopia and Really Existing Socialism // *Journal of Urban History*. 2018. Vol. 44, № 1. P. 3 — 8.
9. Golubchikov O. The urbanization of transition: ideology and the urban experience // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57, № 4—5. P. 607 — 623. doi: 10.1080/15387216.2016.1248461.
10. Soja E. The city and spatial justice // *Spatial justice*. 2009. URL: <https://relocal.eu/wp-content/uploads/sites/8/2016/10/JSSJ1-1en4.pdf> (дата обращения: 01.04.2019).

11. *Hadjimichalis C.* Non-Economic Factors in Economic Geography and in 'New Regionalism': A Sympathetic Critique // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2006, Vol. 30, № 3. P. 690—704. doi: 10.1111/j.1468—2427.2006.00683.x.
12. *Овсибян М.В.* Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации // *Проблемы развития территории*. 2018. № 4. С. 72—86.
13. *Anokhin A.A., Lachininsky S.S., Zhitin D.V. et al.* Post-Soviet Urban Environment: The Experience of St. Petersburg // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7, № 3. P. 249—258.
14. *Красовская О.В., Косарев А.В., Фролкина В.В.* Перспективы развития Санкт-Петербургской агломерации // *Вестник. Зодчий*. 21 век. 2016. № 3. С. 18—25.
15. *Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Трансформация системы расселения пригородной зоны Санкт-Петербурга и развитие Санкт-Петербургской агломерации // *Геология, геоэкология, эволюционная география: монография / под ред. Е.М. Нестерова, В.А. Снытко*. СПб., 2018. С. 284—287.
16. *Marciniczak S., Tammaru T., Novák J. et al.* Patterns of socioeconomic segregation in the capital cities of fast-track reforming postsocialist countries // *Annals of the Association of American Geographers*. 2015. Vol. 105, № 1. P. 183—202.
17. *Hatz G., Kohlbacher J., Reeger U.* Socio-economic segregation in Vienna. A social-oriented approach to urban planning and housing // *Socioeconomic segregation in European capital cities / T. Tammaru, S. Marciniczak, M. van Ham, S. Musterd (eds.)*. N.Y., 2016. P. 105—134.
18. *Zhitin D.V., Krasnov A.I.* Territorial Concentration of Ethnic Groups in St. Petersburg // *Regional Research of Russia*. 2015. Vol. 5, № 4. P. 349—357.
19. *Анохин А.А., Житин Д.В., Краснов А.И., Лачининский С.С.* Современные тенденции динамики численности населения городов России // *Вестник СПбГУ*. Сер. 7. 2014. Вып. 4. С. 167—179.
20. *Житин Д.В.* Пространственная обусловленность социального расслоения населения Санкт-Петербурга // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2015. № 1 (4). С. 85—102.
21. *Krisjane Z., Berzins M., Sechi G., Krumins J.* Residential Change and Socio-demographic Challenges for Large Housing Estates in Riga, Latvia // *Housing Estates in the Baltic Countries: The Legacy of Central Planning in Estonia, Latvia, and Lithuania*. Springer International Publishing / D. Hess, T. Tammaru (eds.). Springer, Cham, 2019. P. 225—245. doi: 10.1007/978-3-030-23392-1_11.
22. *Krisjane Z., Berzins M., Kratovits K.* Occupation and ethnicity: patterns of residential segregation in Riga two decades after socialism // *Socioeconomic segregation in European capital cities / T. Tammaru, S. Marciniczak, M. van Ham, S. Musterd (eds.)*. N.Y., 2016, P. 287—312.
23. *Hirt S.* Whatever happened to the (post)socialist city? // *Cities*. 2013. Vol. 32, Suppl. 1. P. 29—38. doi: 10.1016/j.cities.2013.04.010.
24. *Frost I.* Exploring varieties of (post)Soviet urbanization: reconciling the general and particular in post-socialist urban studies // *Europa Regional*. 2018 (2017). Vol. 25, № 2. P. 2—14.

Об авторах

Дмитрий Викторович Житин, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.zhitin@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3810-9138>

Зайга Кришьяне, доктор географических наук, профессор, Латвийский Университет, Латвия.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

<http://orcid.org/0000-0002-3422-1958>

Гвидо Секи, доктор наук, доцент-исследователь, Латвийский Университет, Латвия.

E-mail: g.sechi@lu.lv

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9775-9085>

Марис Берзиньш, доктор наук, доцент, Латвийский Университет, Латвия.

E-mail: maris.berzins@lu.lv

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5773-3307>

SOCIO-SPATIAL DIFFERENTIATION IN TRANSITION: A PRELIMINARY COMPARATIVE ANALYSIS OF POST- SOVIET ST PETERSBURG AND RIGA

D. V. Zhitin^a

Z. Krisjane^b

G. Sechi^b

M. Berzins^b

---

^a Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034

^b University of Latvia
19 Raina boulevard, Riga, Latvia, LV-1050

Received 18 September 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-6

© Zhitin D. V., Sechi G., Krisjane Z.,
Berzins M., 2020

Research into the socio-spatial dynamics in Central European cities is an important area of contemporary transition studies. Open issues in this domain range from defining a theoretical framework to data availability and methodological approaches. As to the former aspect, recent literature focuses on the hybrid nature of the post-socialist urban space, which underwent modernization in the conditions of globalization and economic liberalization; the earlier model of spatial development changed dramatically as a result. The multi-scalar and comparative approaches may shed new light on the complex patterns of urban socio-spatial differentiation and its post-Soviet dynamics. Growing regional socio-economic imbalances observed in the former socialist states are lending new urgency to this area of research. This study employs a comparative approach to investigate post-1991 socio-spatial transformations in St Petersburg and Riga — the two largest post-Soviet urban centres in the Baltic Sea region. An important result of the research is a methodology for multi-level analysis of changes in the urban environment of post-socialist cities. Data from post-1991 national censuses and population registers are used to calculate measures of social well-being in urban districts as well as to identify territorial imbalances. Comparative analysis makes it possible to trace the spatial patterns of post-Soviet differentiation and set out guidelines for further research in the area.

Keywords:

population, city, dormitory districts, suburbanization, social well-being, territorial imbalances, spatial transformation

References

1. Lang, T. 2015, Socio-economic and political responses to regional polarisation and socio-spatial peripheralisation in Central and Eastern Europe: a research agenda, *Hungarian Geographical Bulletin*, vol. 64, no. 3, p. 171—185.
2. Pickles, J., Smith, A. (eds.) 1998, *Theorising Transition. The Political Economy of Post-Communist Transformations*, Taylor and Francis.
3. Anokhin, A.A., Zhitin, D.V., Lachininskii, S.S. 2014, Urban Russia and Globalization: Problems, Challenges and Opportunities. In: *Urban and Urbanization*, St. Kliment Ohridski University Press, Sofia, p. 722—731.
4. Grubbauer, M., Kusiak, J. (eds.) 2012, *Chasing Warsaw. Socio-Material Dynamics of Urban Change since 1990*, Campus Verlag GmbH, Frankfurt-on-Main.
5. Golubchikov, O., Badya, A., Makhrova, A. 2014, The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring, *Urban Studies*, vol. 51, no. 4, p. 617—633, March.
6. Kotkin, S. 1997, *Magnetic mountain. Stalinism as civilization*, Berkeley, University of California Press.
7. Humphrey, C. 2005, Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination, *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 11, no. 1, March, p.39—58.
8. Bocharnikova, D., Harris, S.E. 2018, Second World Urbanity: Infrastructures of Utopia and Really Existing Socialism, *Journal of Urban History*, vol. 44, no. 1, p. 3—8.
9. Golubchikov, O. 2016, The urbanization of transition: ideology and the urban experience, *Eurasian Geography and Economics*. doi: 10.1080/15387216.2016.1248461.
10. Soja, E. 2009, The city and spatial justice. *Spatial justice*, no.1, September.
11. Hadjimichalis, C. 2006, Non-Economic Factors in Economic Geography and in 'New Regionalism': A Sympathetic Critique, *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 30, no. 3, September, p. 690—704.
12. Ovsipyan, M.V. 2018, Problems of development of the St. Petersburg agglomeration, *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], vol. 4 (96), p. 72—86 (in Russ.).
13. Anokhin, A.A., Lachininsky, S.S., Zhitin, D.V., Shendrik, A.V., Mezhevich, N.M., Krasnv, A.I. 2017, Post-Soviet Urban Environment: The Experience of St. Petersburg, *Regional Research of Russia*, vol. 7, no. 3, p. 249—258.
14. Krasovskaya, O.V., Kosarev, A.V., Frolkina, V.V. 2016, Prospects for the development of the St. Petersburg agglomeration, *Vestnik. Zodchij. 21 vek* [Bulletin. Architect. 21 century], no 3 (60), p. 18—25 (in Russ.).
15. Martynov, V.L., Sazonova, I.E. 2018, Transformation of the settlement system of the sub-urban area of St. Petersburg and the development of the St. Petersburg agglomeration, In: Nesterov, E.M., Snytko, V.A. *Geologiya, geoekologiya, evolyucionnaya geografiya* [Geology, geology, evolutionary geography], St. Petersburg, p. 284—287 (in Russ.).
16. Marcińczak, S., Tammaru, T., Novák, J., Gentile, M., Kovács, Z., Temelová, J., Valatka, V., Kährik, A., Szabó, B. 2015, Patterns of socioeconomic segregation in the capital cities of fast-track reforming postsocialist countries, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 105, no. 1, p. 183—202.
17. Hatz, G., Kohlbacher, J., Reeger, U. 2016, Socio-economic segregation in Vienna. A social-oriented approach to urban planning and housing. In: Tammaru, T., Marcińczak, S., van Ham, M., Musterd, S. (eds.) *Socioeconomic segregation in European capital cities. East meets west*, Routledge, New York, p. 105—134.
18. Zhitin, D.V., Krasnov, A.I. 2015, Territorial Concentration of Ethnic Groups in St. Petersburg, *Regional Research of Russia*, Vol. 5, no. 4, p. 349—357.
19. Anokhin, A.A., Zhitin, D.V., Krasnov, A.I., Lachininskii, S.S. 2014, Current trends in the population of Russian cities, *Vestnik SPbGU. Seriya 7* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 7.], no. 4, p. 167—179 (in Russ.).
20. Zhitin, D.V. 2015, Spatial conditionality of the social stratification of the population of St. Petersburg, *Soczialno-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assocziaczii rossijskih geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers-social scientists], no 1 (4), p. 85—102 (in Russ.).

21. Krisjane, Z., Berzins, M., Sechi, G., Krumins, J. 2019, Residential Change and Socio-demographic Challenges for Large Housing Estates in Riga, Latvia. In: Hess, D., Tammaru, T. (eds.) *Housing Estates in the Baltic Countries: The Legacy of Central Planning in Estonia, Latvia, and Lithuania*, Springer International Publishing (in print).

22. Krisjane, Z., Berzins, M., Kratočivs, K. 2016, Occupation and ethnicity: patterns of residential segregation in Riga two decades after socialism. In: Tammaru, T., Marcinczak, S., van Ham, M., Musterd, S. (eds.) *Socioeconomic segregation in European capital cities. East meets west*, Routledge, New York, p. 287—312.

23. Hirt, S. 2013, Whatever happened to the (post)socialist city? *Cities*, no. 32, p.29—38.

24. Frost, I. 2018, Exploring varieties of (post)Soviet urbanization: reconciling the general and particular in post-socialist urban studies, *Europa Regional*, vol. 25.2017, no. 2, p. 2—14.

The authors

Dr Dmitrii V. Zhitin, Associate Professor, Saint Petersburg State University. Russia.

E-mail: d.zhitin@spbu.ru; zhitin_dv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3810-9138>

Prof. Zaiga Krisjane, Full Professor, University of Latvia, Latvia.

E-mail: zaiga.krisjane@lu.lv

Dr Guido Sechi, Assistant Professor, University of Latvia, Latvia.

E-mail: g.sechi@lu.lv

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9775-9085>

Dr Maris Berzins, Associate Professor, University of Latvia, Latvia.

E-mail: maris.berzins@lu.lv

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5773-3307>

МИГРАЦИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: ПРОГНОЗ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

И. Г. Дежина^а
С. Э. Солдатова^б
С. Е. Ушакова^б

^а Сколковский институт науки и технологий,
121205, Россия, Москва, Большой бул., 30/1

^б Российский научно-исследовательский институт экономики,
политики, права в научно-технической сфере,
127254, Россия, Москва, ул. Добролюбова, 20а

Поступила в редакцию 22.04.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-7

© Дежина И. Г., Солдатова С. Э.,
Ушакова С. Е., 2020

Актуальность представленного исследования определяется необходимостью наращивания кадрового потенциала российской науки, а также потребностями пространственного развития страны, в особенности ее приграничных территорий. Его цель состоит в проверке двух гипотез: о сокращении в ближайшие годы оттока исследователей из науки и о факторах, влияющих на численность исследовательских кадров в Российской Федерации и в российской части Балтийского региона. В качестве таких факторов были определены размер оплаты труда и условия профессиональной деятельности ученых. Методология исследования включает анализ зарубежных и отечественных источников по проблемам миграции научных кадров и построение моделей двух типов для оценки связей и прогноза динамики исследователей с выделением показателей внешнего миграционного оттока. Модели первого типа характеризуют связь между численностью исследователей и условиями научной деятельности и оплаты труда. Они представляют собой модели векторной авторегрессии, созданные в программной среде R с применением статистических временных рядов. Модели второго типа, направленные на получение перспективных оценок численности исследователей и показателей миграции, сформированы с использованием прогнозных функций Excel. В результате исследования ключевая гипотеза о замедлении сокращения численности исследователей не подтвердилась для России в целом и для Санкт-Петербурга. Таким образом, принимаемые государством меры по сохранению кадрового потенциала науки недостаточны для предотвращения сокращения численности исследователей, в том числе эмиграции, в ближайшем будущем. Статья содержит конкретные предложения по реформированию системы оплаты научного труда, направленные на перелом этой негативной тенденции.

Ключевые слова:

миграция научных кадров, оплата научного труда, условия научного труда, Россия, Балтийский регион, модель векторной авторегрессии, прогноз численности исследовательских кадров, реформы

В настоящее время в России растет актуальность проблемы привлечения в науку талантливой молодежи, проявляющей интерес к научным исследованиям, а также удержания уже зрелых, сложившихся ученых. Национальный проект (НП) «Наука»

Для цитирования: Дежина И. Г., Солдатова С. Э., Ушакова С. Е. Миграция научных кадров Балтийского региона: прогноз и факторы влияния // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 115–131. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-7.

направлен на решение этой задачи. В рамках утвержденного в 2018 году НП «Наука» в задачи государственной политики в научно-технической сфере входит создание в России комфортных условий для ведущих мировых ученых, в том числе и из стран — технологических лидеров — и для роста результативности российской науки. Эта проблематика выделена в самостоятельную федеральную программу в рамках НП.

Второй фактор, на который обращено растущее внимание, — это пространственное развитие России. Приграничные регионы занимают в этом контексте особое место. С точки зрения развития науки барьеры перетока кадров в этих регионах ниже, поэтому при отсутствии налаженной циркуляции есть риск сравнительно высокого оттока научных кадров за рубеж. Сочетанием этих двух проблем — наращивания кадрового потенциала и пространственного развития территорий — обусловлена актуальность данного исследования.

Постановка проблемы и основные гипотезы

В более широком контексте нас интересуют факторы, влияющие на динамику численности научных сотрудников в Российской Федерации в целом и в сегменте субъектов РФ, относящихся к Балтийскому региону. Интерес к динамике численности научных кадров в российской части Балтийского региона обусловлен, в частности, противоречием между заметным положительным приростом населения прибалтийских территорий России в целом, связанным с влиянием миграции, и негативной динамикой общей численности научных кадров с 2014 года. В целом для экономики страны 2014 год стал переломным в связи с изменением геополитических условий, что отразилось и на сфере науки. Кроме того, начал сказываться эффект реализации Указа Президента РФ № 597 в части приближения к целевому уровню соотношения оплаты труда научных сотрудников и оплаты труда, сложившейся в целом в экономике¹. На практике эти решения в ряде случаев приводили к сокращению штатной численности научных сотрудников.

Специалисты характеризуют два прибалтийских региона РФ — Калининградскую и Ленинградскую области — как международные «коридоры развития» и отмечают значимый положительный прирост населения в них, основной вклад в который вносит миграционный прирост [1].

На фоне благоприятных демографических условий в российском сегменте Балтийского региона наблюдается общее сокращение численности наиболее квалифицированной категории занятых в научном секторе — исследователей (табл. 1).

Таблица 1

Численность исследователей в субъектах РФ, относящихся к Балтийскому региону, тыс. чел.²

Субъект РФ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Калининградская область	0,62	0,67	0,67	0,67	0,68	0,72	0,73	0,69	0,78
Ленинградская область	2,54	2,59	2,61	2,44	2,87	2,84	2,81	2,80	2,22
Санкт-Петербург	43,56	44,68	45,50	43,93	43,32	42,96	40,93	40,39	36,51
<i>Всего</i>	46,72	47,94	48,79	47,05	46,87	46,52	44,46	43,88	39,51

¹ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : указ президента РФ от 07.05.2012 № 597. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Наука и инновации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 21.06.2019).

Общее снижение численности исследователей в российской части Балтийского региона не исключает наличия в ней зон относительного благополучия. В Калининградской области количество исследователей увеличилось к 2018 году по сравнению с 2010 годом почти на 25 %, а по сравнению с 2013-м — на 15 %. Данная динамика объясняется участием ведущей организации, осуществляющей научные исследования в регионе, — Балтийского федерального университета имени И. Канта — в реализации масштабных проектов, направленных на развитие научного потенциала. Речь идет о «Программе развития БФУ им. И. Канта» и о «Проекте 5—100».

Динамика численности исследователей в Ленинградской области демонстрирует неустойчивость. Если к 2017 году в сравнении с 2010-м количественный состав данной категории вырос на 10,2 %, то по итогам 2018 года он заметно сократился. Стабильное сокращение количества исследователей, начиная с 2013 года, наблюдается в Санкт-Петербурге. Оно и оказывает основное влияние на изменение численности исследователей в российской части Балтийского региона. Очевидно, что этот общий тренд определяется факторами, типичными для российской науки в целом.

Изучению количественных и структурных изменений занятости в российской науке на постсоветском этапе ее развития посвящены аналитические разработки Института статистических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ. Согласно данным последнего обзора, на интервале 1995—2017 годов количество исследователей в Российской Федерации уменьшилось с 518 690 человек в 1995 году до 359 793 в 2017 году³. Оценочно отток кадров происходит преимущественно в другие секторы экономики, хотя точных данных о масштабах научной эмиграции нет.

На государственном уровне в России в настоящее время не ведется статистического учета уезжающих на постоянное место жительства и по контрактам [2, с. 8], не осуществляется мониторинг уезжающих и возвращающихся ученых-соотечественников [3, с. 135]. Поэтому можно опираться только на выборочные исследования, а их данные дают большой разброс мнений. Тем не менее оценки сходятся в том, что основной отток кадров происходит внутри страны, а внешняя эмиграция составляет незначительный процент [4]. Даже в середине 1990-х годов, когда отток кадров был высоким и за рубежом были значительно более благоприятные условия трудоустройства, внешний отток кадров составлял около 5 % от общей численности уходящих из науки исследователей [5]. Характерно, что в составе регионов-лидеров по интеллектуальной миграции за рубеж ученые, изучающие данную проблематику, называют Санкт-Петербург и Ленинградскую область.

Среди регионов, принимающих основную долю российских ученых, некоторые авторы указывают Западную Европу (42,4 % ученых-мигрантов из России). Страны Скандинавии принимают 5,2 % и 1,1 % — страны Восточной Европы [6]. Есть и альтернативные оценки, согласно которым основные страны эмиграции — США, Германия и Франция. На эти три страны приходился отток более половины российских исследователей, согласно данным Центра исследований и статистики науки [7]. Именно эти данные следует считать наиболее достоверными, так как они были получены в ходе всероссийского исследования масштабов оттока исследовательских кадров. Таким образом, в отношении Балтийского региона может быть принята гипотеза, что приграничные страны являются промежуточным пунктом перемещения. Хотя, как свидетельствуют зарубежные авторы, в начале 2000-х годов ученые из России активно закреплялись на исследовательских позициях в институтах и вузах стран Восточной Европы и Германии [8].

³ *Индикаторы науки: 2019* : стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. Л. Дьяченко [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2019. С. 42.

О влиянии научной миграции на страны исхода и страны назначения мигрантов написано немало. Обзор теоретических подходов к оценке последствий миграции для принимающей стороны представлен А.В. Лялиной [9]. Точки зрения некоторых исследователей сходятся в том, что воздействие миграционных процессов неоднозначно и чревато проблемами как для посылающей, так и для принимающей стороны [10—13].

Свое объяснение направлений миграционных потоков в Балтийском регионе и потоков научной миграции как их части предложил Рауль Рамос [14]. В результате его исследования установлено, что основным источником миграционного потока в ЕС являются страны европейского соседства (включая Россию). Оценка гравитационной модели Рамоса показала, что наиболее статистически значимыми факторами миграции являются расстояние, наличие территориального «примыкания» стран происхождения и назначения, а также различия в среднедушевом ВВП.

В условиях сокращающегося естественного прироста населения в странах ЕС, а также отмечаемой исследователями миграции собственных научных кадров из балтийских европейских стран в США, Великобританию [15, с. 31], источником увеличения численности этой профессиональной категории становится научная миграция, в том числе и из сопряженных стран. Для балтийских стран ЕС таким источником отчасти являются прибалтийские регионы Российской Федерации.

Данные о численности научных работников в странах ЕС, которые содержатся в отчетах Евростата⁴, показывают ее стабильное увеличение в 2008—2018 годах. Подгруппа показателей, характеризующих численность научных сотрудников в балтийских странах ЕС — Германии, Дании, Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Швеции и Финляндии, также соответствует этой тенденции.

Сопоставим динамику индекса роста численности научных сотрудников, рассчитанного как соотношение численности научных сотрудников в текущем году к численности в предшествующем году, в балтийских странах ЕС и прибалтийских регионах Российской Федерации в 2011—2017 годах (рис.).

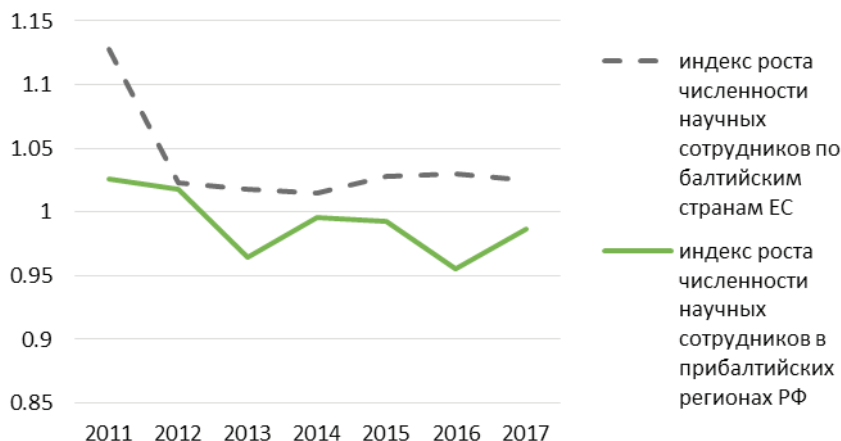

Рис. Индексы роста численности научных сотрудников в Балтийском регионе

График на рисунке показывает уменьшение индекса роста численности научных сотрудников в прибалтийских странах ЕС, что соотносится с тем, что произошло насыщение сферы науки этих стран эмигрантами. Таким образом, возможности абсорбции эмигрантов европейской наукой снижаются.

⁴ Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 21.06.2019).

По свидетельству В. Ю. Леденевой, непосредственной причиной интеллектуальной миграции, разновидностью которой выступает миграция научных кадров, выступают «противоречия между уровнем развития личности, ее потребностями и возможностями, с одной стороны, и условиями их удовлетворения — с другой» [16, с. 108]. Исследователь выделяет два подхода к определению главных мотивов миграции научных кадров. Первый исходит из приоритета реализации профессиональных интересов ученого, а второй — из стремления к лучшим жизненным условиям, к расширению и укреплению индивидуальной экономической безопасности.

Мнения зарубежных исследователей о причинах научной миграции разделились. Одни полагают, что на современном этапе роль общепрофессиональных и экономических мотивов к миграции ученого сильно переоценена. С. Штерн, в частности, доказывает на эмпирическом материале, что ученые «по призванию» готовы доплачивать за то, чтобы оставаться в науке, занимая вакансии в коммерческих компаниях [17]. Преувеличенное внимание, с точки зрения некоторых авторов, уделяется и мотивам, обусловленным стадией жизненного цикла [18; 19]. На первый план выходят мотивы, связанные с проведением исследований, — потребность в преодолении когнитивных и ресурсных ограничений, в тесном личном контакте с коллегами по проекту, в коллаборации [20].

Но ряд зарубежных авторов придерживается более традиционного подхода к объяснению причин миграции ученых. Миграционное поведение «звезд науки», как выясняется, находится под заметным воздействием экономических факторов, в числе важнейших из которых — уровень налогов в стране пребывания или назначения [21]. Обострение кризисных явлений в экономике по-прежнему оказывает ощутимое влияние на направление потоков научной миграции [22—24]. Стадия жизненного цикла исследователя и в современных условиях выступает значимым фактором научной миграции [25].

В целом для стран догоняющего развития, к которым принадлежит и Россия, экономические факторы, включая заработную плату, находятся на первом месте среди мотивов к эмиграции.

Анализ публикаций позволяет сделать предположение, что повышение оплаты труда в стране происхождения потенциального мигранта может оказывать как сдерживающее, так и стимулирующее воздействие. Последнее наблюдается в тех случаях, когда главным стимулом к миграции является поиск среды и условий для профессионального развития. В таком случае рост оплаты труда помогает компенсировать материальные издержки миграции. Как свидетельствует Р. Рамос, принятие решения о миграции основано на оценке ожидаемых выгод и издержек миграции (обусловленных расстоянием или неблагоприятной миграционной политикой) [26]. В таком же ключе рассуждают и другие авторы, разделяющие подобный подход [27; 28].

В данном исследовании мы решали следующие основные задачи: 1) выявление характера связи между численностью российских научных сотрудников, относящихся к категории исследователей, и условиями оплаты их труда, а также собственно научной деятельности; 2) построение прогноза численности исследователей с выделением показателей миграционного оттока. Указанные взаимосвязи рассматриваются на примере трех субъектов Российской Федерации, выступающих составной частью Балтийского региона, — Калининградской области, Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Выбор географических рамок исследования обусловлен тем, что миграционное поведение научных работников, проживающих на территории российской Балтики, определяется как общими для отечественной науки, так и специфическими для Балтийского региона факторами. К числу последних относится географическая близость к странам ЕС и использование российскими мобильными учеными данных территорий в качестве транзитной площадки для дальнейшего пространственного перемещения в сторону зарубежных стран.

Понятие Балтийского региона, и его российской части в том числе, в данном исследовании ограничено европейскими странами и российскими территориями, непосредственно примыкающими к Балтийскому морю. Это связано с тем, что, как утверждают российские исследователи, во внешнюю миграцию более активно вовлечены жители приграничных и прибрежных регионов и стран с наличием морских портов [29].

Предварительно были сформулированы три основные гипотезы:

1) на динамику численности исследователей в РФ могут оказывать значимое влияние условия, при которых обеспечивается приближение к целевому уровню в соотношении средней оплаты труда научных сотрудников со средней фактически сложившейся в экономике заработной платой,

2) вторым значимым фактором, влияющим на динамику численности исследователей, является результативность научных организаций и вузов, косвенно характеризующая научную среду, в которой работают ученые,

3) уровень оттока исследователей из сферы науки будет небольшим, поскольку среди ученых среднего и старшего возраста ситуация стабилизировалась и является достаточно устойчивой. Желаящие эмигрировать или уйти из науки уже это осуществили. Для молодых исследователей в рамках НП и других федеральных инициатив создаются и будут расширяться меры по их привлечению и закреплению в науке.

Инструменты и данные

Исследователи отмечают проблемные аспекты формирования статистической базы данных, характеризующих объемы общей внешней миграции из России и в особенности миграции научных кадров [29; 30]. Систематический же сбор данных о «выталкивающих» и «притягивающих» факторах миграции российских научных кадров отсутствует. По этой проблематике, как отмечалось выше, имеются отдельные исследования, проводившиеся на ограниченных выборках. Данные, полученные в ходе таких выборочных исследований, не могут использоваться для построения количественных многофакторных моделей, удовлетворяющих критериям статистической значимости.

Анализ зарубежных публикаций последнего десятилетия показал практически полное отсутствие попыток моделирования миграции, основанного на учете «выталкивающих» и «притягивающих» факторов. Так, в 2009 году иранскими исследователями построена модель системной динамики, характеризующая долгосрочное воздействие эмиграции ученых на экономику и общество Ирана. Однако разработчики были вынуждены ограничиться макетом структуры накопителей, потоков и связей, поскольку, по их собственному признанию, насытить модель количественными параметрами не представляется возможным в силу отсутствия ключевых данных [31]. В 2011 году румынскими исследователями создана эконометрическая модель с использованием бинарных переменных по результатам опроса 589 румынских мигрантов. В модели изучалось влияние индивидуальных факторов, включая занятость, семейное положение, культурные предпочтения и прочие, на принятие решения о возврате на родину [32]. Разрабатывались также гравитационные модели миграции [14].

Из перечисленных выше подходов к моделированию только подход системной динамики смог бы помочь определить практически реализуемые меры воздействия на процессы внешней миграции при условии, что модель оказалась бы работающей.

Вместе с тем в системе статистического учета РФ на протяжении длительного периода времени аккумулируются данные о численности исследователей, которые представлены также в региональном разрезе. Соответствующие временные ряды имеют начальной точкой отсчета 1995 год. На их основе возможно построение статистически значимых трендовых моделей, описывающих динамику численности исследователей в ретроспективе и позволяющих получать обоснованные прогнозные оценки в будущем. Если к прогнозным показателям изменения численности исследователей, полученным с помощью трендовых моделей, применить экспертные оценки доли внешней миграции в сокращении российских научных кадров, то можно вычислить величину внешней миграции. Если величину внешней миграции умножить на экспертные оценки долей балтийских стран ЕС в приеме входящего потока ученых-мигрантов из России, то можно оценить количество российских ученых-мигрантов, направляющихся в страны Балтийского региона. Описанный алгоритм был использован в данном исследовании.

Анализ факторов, влияющих на численность научных работников в Российской Федерации и потенциально способных выступать в роли «выталкивающих», приводящих к внутренней или внешней миграции, проводился иным методом и на более коротком временном интервале. Набор факторов, влияющих на численность исследователей, был ограничен управляемыми условиями и параметрами деятельности ученого, которые поддаются непосредственному регулированию со стороны государственных органов власти, поскольку принятие управляющих решений на государственном уровне подкрепляется сбором соответствующей регулярной статистики. Выбор временного интервала в данном случае определялся моментом начала сбора данных, который датируется 2012—2013 годами. Численность исследователей определялась по данным Росстата на интервале 2012—2017 годов. Для предварительной оценки численности научных сотрудников в РФ в 2018 году была использована оперативная информация, предоставленная Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ о темпе прироста средней численности научных сотрудников в 2018 году. Данные Росстата и информация НИУ-ВШЭ представлены в региональном разрезе, поэтому из всего описанного массива были выделены показатели по прибалтийским регионам России — Калининградской и Ленинградской областям, а также Санкт-Петербургу. Динамика численности исследователей в РФ не является устойчивой, периоды снижения и увеличения количества научных сотрудников сменяли друг друга. С 2015 года наблюдается уменьшение числа исследователей в РФ. Необходимо отметить, что стабильное снижение численности научных сотрудников в прибалтийских регионах нашей страны началось после 2013 года.

Данные о соотношении средней заработной платы научных сотрудников в РФ и средней заработной платы, сложившейся в экономике, в 2012—2017 годов представлены в сборнике Института статистических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ⁵. Для оценки соотношения за 2018 год использована оперативная информация Института статистических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ. Невзирая на то что показатель соотношения средней заработной платы научных сотрудников со средней по региону по отдельным годам периода показывал разнонаправленную динамику, в целом в рассматриваемый период он демонстрирует рост.

Показатели результативности труда сотрудников научных организаций и вузов РФ оценивались по количеству публикаций, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования Scopus и Web of Science, также представленных в названном выше сборнике⁶. Оценка за 2018 год получена с использованием линейной прогнозной функции Excel.

⁵ *Индикаторы науки: 2019...* С. 111.

⁶ Там же. С. 218—219.

Аналогичные показатели по прибалтийским регионам РФ оценивались по данным, предоставляемым Федеральной системой мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (ФСМНО). Соответствующая статистика доступна за 2013—2017 годы. Оценка за 2018 год получена с использованием линейной прогнозной функции Excel.

На протяжении всего рассматриваемого интервала времени статистика фиксировала уверенный рост показателей результативности как по стране в целом, так и по прибалтийским субъектам РФ.

Анализ распределения прироста численности научных сотрудников осуществлялся на основе экспертных оценок: 1) внешний миграционный отток, как было отмечено ранее, оценивается в размере 5 % от сокращения численности исследователей; 2) доли стран ЕС, относящихся к Балтийскому региону или примыкающих к нему, в приеме входящего потока российских ученых-мигрантов согласно оценкам составляют в сумме 23,8 %: а) Германия — 17,5 %; Скандинавия — 5,2 %; Восточная Европа — 1,1 % [6, р. 333, 335].

Методика исследования

Влияние на численность российских научных сотрудников, относящихся к категории исследователей, условий, определяющих оплату их труда, а также условий для собственно научной деятельности характеризовалось на основе модели векторной авторегрессии (VAR, Vector AutoRegression). Данная модель была построена и реализована в программной среде R. Прогнозирование численности научных сотрудников осуществлялось с использованием прогнозных функций Excel.

Векторная авторегрессия — модель динамики нескольких временных рядов, в которой текущие значения этих рядов зависят от их прошлых значений. Для моделирования зависимости в систему были загружены три временных ряда: а) численность исследователей; б) количество публикаций российских авторов, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования; в) соотношение средней заработной платы научных сотрудников и средней заработной платы, сложившейся в экономике.

В результате были получены зависимости численности научных сотрудников (Y_t) от ее предшествующего значения (Y_{t-1}), а также предшествующих значений числа публикаций (X_{t-1}) и соотношения средней заработной платы научных сотрудников и средней заработной платы, сложившейся в экономике (Z_{t-1}). Характер этих зависимостей таков:

1) в Российской Федерации в целом:

$$Y_t = 1,4353Y_{t-1} - 0,2676X_{t-1} - 2484Z_{t-1} + 164508; \quad (1)$$

2) в российской части Балтийского региона:

$$Y_t = 0,7183Y_{t-1} - 0,0053X_{t-1} - 105Z_{t-1} + 28339. \quad (2)$$

В рамках моделирования были выполнены тесты на адекватность и точность модели, предусмотренные программной документацией пакета R, которые свидетельствуют о применимости модели по критериям выполненных проверок.

Построенные зависимости указывают на наличие отрицательной связи между «зарплатным» показателем и показателем численности исследователей. По-видимому, здесь может сказываться влияние практики достижения целевых показателей по соотношению оплаты труда научных сотрудников и оплаты труда,

сложившейся в целом в экономике. Анализ, проведенный РИЭПП в отношении динамики фонда начисленной заработной платы научных работников в 2013—2017 годах, выявил следующее. В 2017 году общая величина фонда начисленной заработной платы научных сотрудников составила 54,8% от уровня 2013 года. В то же время, как показали расчеты Института статистических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ, среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками, в 2013—2017 годах выросла на 37%⁷. Очевидно, повышение средней оплаты труда научных сотрудников при сокращении суммарной величины фонда оплаты труда достигается за счет сокращения их штатной численности.

Как следует из формул (1) и (2), численность научных сотрудников на рассматриваемом временном интервале положительным образом зависит от своего предшествующего значения, но испытывает отрицательное воздействие оставшихся двух факторов. И это типично как для страны в целом, так и для Балтийского региона. Представленные модели лишь фиксируют воздействие на численность исследователей условий, сложившихся в практике управления заработной платой и численностью исследователей в РФ, поэтому мы не используем их при построении прогнозов.

Функции Excel, использованные при прогнозировании, позволяют гибко учитывать повышательные и понижающие колебания показателей временного ряда, получать статистически точные характеристики тренда и строить на этой основе прогнозы. Динамика численности исследователей на перспективу ближайших трех лет была смоделирована с применением данного инструмента. Тип прогнозной функции выбирался в каждом конкретном случае по критерию адекватности описания временного ряда.

Результаты

С помощью степенной прогнозной функции Excel была осуществлена оценка изменения численности исследователей для страны в целом. Для получения более достоверной картины в основу прогнозной модели положен расширенный временной ряд, начинающийся в 1995 году. Данный ряд реконструирован по данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ-ВШЭ⁸. Однако из этого ряда исключена оценка показателя за 2018 год, представленная в оперативной информации, поскольку она является предварительной и подлежащей уточнению. Прогноз содержит ретроспективный показатель за 2018 год, также рассчитанный с использованием степенной функции, и три показателя на перспективу ближайших трех лет. Показатели численности исследователей и их абсолютные изменения для России в целом представлены в таблице 2. В этой же таблице приведены оценки годовой внешней миграции, полученные как произведение отрицательного прироста численности исследователей на долю внешнего миграционного оттока (5%). Оценка миграции российских исследователей в балтийские страны ЕС получена как произведение показателя внешней миграции исследователей из РФ на суммарную долю Германии, Скандинавии и Восточной Европы в приеме входящего потока российских ученых-мигрантов (23,8%).

⁷ *Индикаторы науки: 2019...* С. 111.

⁸ Там же. С. 42.

Таблица 2

**Прогноз численности и миграции российских исследователей
в 2019–2021 годах, чел.**

Год	Численность исследователей, полученная на основе степенной прогнозной функции	Изменение численности исследователей в РФ	Прогноз внешней миграции исследователей из РФ	Миграция российских исследователей в балтийские страны ЕС
2017	359 800	—	—	—
2018*	358 678	- 1122	- 56	- 13
2019	356 824	- 1855	- 93	- 22
2020	355 051	- 1773	- 89	- 21
2021	353 353	- 1698	- 85	- 20

*Ретроспективный прогнозный показатель.

При построении прогнозов численности исследователей по прибалтийским субъектам РФ были проведены предварительные оценки адекватности описания показателей временных рядов в различных комбинациях агрегирования показателей (по трем регионам и по двум регионам из трех) и с использованием различных видов регрессий. Выяснилось, что наиболее адекватное описание динамики численности исследователей достигается при раздельном рассмотрении временного ряда Санкт-Петербурга и временного ряда агрегированных показателей Калининградской и Ленинградской областей. Прогнозные показатели численности исследователей и их абсолютные изменения по Калининградской и Ленинградской областям представлены в таблице 3. В этой же таблице приведены оценки годовой внешней миграции.

Таблица 3

**Численность и миграция исследователей
в Калининградской и Ленинградской областях в 2019–2021 годах, чел.**

Год	Численность исследователей, полученная на основе полиномиальной прогнозной функции	Изменение численности исследователей в двух прибалтийских субъектах РФ	Прогноз внешней миграции исследователей из двух прибалтийских субъектов РФ	Миграция исследователей из двух прибалтийских субъектов РФ в балтийские страны ЕС
2018	3003	—	—	—
2019	2502	- 502	- 25	- 6
2020	2275	- 227	- 11	- 3
2021	3007	732	—	—

Таким образом, прогноз показывает тенденцию к волнообразному изменению численности и замедлению миграции научных кадров высшей квалификации из двух российских субъектов Балтийского региона в его зарубежный сегмент.

Прогнозные показатели численности исследователей и их абсолютные изменения по Санкт-Петербургу представлены в таблице 4. В этой же таблице указаны оценки годовой внешней миграции.

Таблица 4

**Численность и миграция исследователей
в Санкт-Петербурге в 2019–2021 годах, чел.**

Год	Численность исследователей, полученная на основе полиномиальной прогнозной функции	Изменение численности исследователей в Санкт-Петербурге	Прогноз внешней миграции исследователей из Санкт-Петербурга	Миграция исследователей из Санкт-Петербурга в балтийские страны ЕС
2018	36 508	—	—	—
2019	34 229	- 2279	- 114	- 27
2020	31 022	- 3207	- 160	- 38
2021	27 388	- 3635	- 182	- 43

Прогноз показывает тенденцию к усилению снижения численности исследователей в Санкт-Петербурге, а также к росту миграции из него.

Разумеется, данные расчеты выполняют функцию предупреждения, а не строгого предсказания. Они характеризуют возможные последствия сохранения наблюдавшихся в прошлом тенденций.

Дискуссия и выводы

Сформулированные исследовательские гипотезы подтвердились только частично.

Гипотеза 1 подтвердилась с помощью модели VAR как на уровне РФ в целом, так и на уровне российской части Балтийского региона. Действительно, из формулы (1) следует, что на каждый процент увеличения соотношения средней оплаты труда научных сотрудников со средней фактически сложившейся в экономике заработной платой в предшествующем периоде при условии, что достижение целевого показателя реализуется охарактеризованными ранее методами, приходилось бы сокращение числа исследователей в текущем периоде в количестве 2484 человек. Аналогичный показатель в формуле (2) для Балтийского региона составляет 105 человек. Следует отметить, что «выталкивает» исследователей из сферы науки оптимизация численности кадров, которая проходит как в научных организациях, так и в университетах.

Гипотеза 2 также нашла свое подтверждение в модели VAR. Из формулы (1) следует, что в среднем каждые 3–4 дополнительные публикации, появившиеся в предшествующем периоде, приводят к потере для российской науки одного исследователя в текущем периоде. Аналогичный показатель, вытекающий из формулы (2), для Балтийского региона составляет 189 публикаций. Таким образом, принуждение к публикациям оказывается заметным «выталкивающим» из науки фактором на уровне РФ, но существенно менее значимым в Балтийском регионе.

Гипотеза 3 о замедлении оттока кадров из науки, как показали прогнозные модели, не оправдалась на уровне РФ и Санкт-Петербурга. Однако следует отметить умеренно-оптимистичные оценки изменения численности исследователей, которые содержатся в прогнозе по Калининградской и Ленинградской областям.

С целью сохранения численности российских исследователей необходимо рассмотреть вопрос об оплате их труда в более широком контексте, охватывающем как характеристику специфических механизмов оплаты труда в российской науке, так и альтернативы трудоустройства ученых в коммерческом секторе.

Научные исследования показывают наличие положительной корреляции между уровнем заработной платы научных сотрудников и их результативностью в той стране, в которой они получают зарплату. Так, например, изучение данных 145 корейских университетов и колледжей выявило положительную зависимость между количеством научных публикаций в международных журналах и уровнем заработной платы научных сотрудников [33]. Однако существуют и опровержения этому. Например, изучение данных по одному из крупнейших норвежских университетов показало слабую корреляцию между качественными научными публикациями научных сотрудников и уровнем их заработной платы [34]. Тем не менее это может свидетельствовать о том, что в норвежском университете стимулирующие надбавки за публикации не вносят весомого вклада в формирование оклада научного сотрудника по сравнению с базовой частью оклада. В России же до сих пор существует проблема низкой базовой части оклада научного сотрудника. Несмотря на то что ФАНО России упразднено Указом Президента РФ от 15.05.2018 г. № 215⁹, многие ведущие научные организации и вузы до сих пор используют в своих Положениях об оплате труда шкалу минимальных окладов научных работников, рекомендуемую в действующем приказе ФАНО России от 15 апреля 2016 г. № 16н¹⁰. Минимальный размер оклада можно расценивать как базовый гарантированный оклад, он не выглядит привлекательным для потенциальных научных сотрудников на фоне среднего уровня заработной платы, сложившегося в коммерческом секторе для квалифицированных сотрудников. В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597¹¹ уровень заработной платы научных сотрудников существенно вырос. По данным Росстата, в 2017 году превышение заработной платы научных сотрудников по отношению к средней заработной плате в соответствующем регионе в целом по Российской Федерации составило 183,5 %. Тем не менее при формировании оклада научного сотрудника во многих организациях до сих пор большая часть приходится на стимулирующие выплаты, то есть не на гарантированную часть заработной платы, что не способствует привлечению в науку молодых кадров и поддержанию численности исследователей на должном уровне.

Привлекательность перехода российских исследователей в коммерческий сектор поддерживается сохраняющимся разрывом в уровнях оплаты труда научных сотрудников в организациях, ведущих научные исследования, и сотрудников на аналогичных позициях (аналитик, менеджер) в коммерческих организациях. Согласно оценкам экспертов, медианный уровень оплаты труда по отраслям коммерческого сектора в 2017 году на позиции аналитика составлял от 60 000 до 200 000 рублей в месяц, а на позиции менеджера — от 90 000 до 600 000 рублей в месяц [35]. Среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками, в 2017 году была 48 833,6 рублей в месяц¹².

⁹ *О структуре федеральных органов исполнительной власти* : указ Президента РФ от 15.05.2018 № 215 (ред. от 26.02.2019) // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 21, ст. 2981.

¹⁰ *Об утверждении Примерного положения об оплате труда работников федеральных государственных бюджетных и автономных учреждений сферы научных исследований и разработок, подведомственных Федеральному агентству научных организаций* : приказ ФАНО России от 15.04.2016 № 16н. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ *О мероприятиях по реализации государственной социальной политики* : указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 // *Собрание законодательства РФ*. 2012. № 19, ст. 2334.

¹² *Индикаторы науки: 2019...* С. 111.

Не следует также игнорировать определенную вероятность тренда на усиление миграции среди перспективных российских исследователей, причиной которого является специфика мотивов миграционного поведения ученых как профессиональной группы. Как отмечено в [36], притягивающие факторы, такие как разумные оклады, важны для объяснения трудовой мобильности в целом, но не мотивов миграции исследователей. Исследовательская среда, структура профессиональных вознаграждений, конкурентный доступ к программам финансирования и к оборудованию могут быть более важными для отдельных ученых.

В целом полученные результаты подтверждают важность более широкого и комплексного подхода к определению способов достижения целей, предусмотренных НП «Наука» в части сохранения и увеличения численности исследователей в РФ, включая приграничные регионы.

Статья подготовлена по результатам исследовательской работы в рамках государственного задания ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (РИЭПП) на 2020 г. Проект «Аналитическое и методическое сопровождение мероприятий по совершенствованию функционирования системы эффективного контракта в научно-технической сфере».

Список литературы

1. Кузнецова Т.Ю. Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза // Балтийский регион. 2018. № 3. С. 41—57.
2. Дежина И.Г., Кузнецов Е.Н., Коробков А.В., Васильев Н.В. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы и др. М., 2015.
3. Дежина И.Г. Русскоязычная научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией // Социология науки и технологий. 2016. № 1. С. 134—149.
4. Latova N.V., Savinkov V.I. The Influence of Academic Migration on the Intellectual Potential of Russia // European Journal of Education. 2012. Vol. 47, № 1. P. 64—76.
5. Китова Г.А., Кузнецова Т.Е., Кузнецов Б.В. Мобильность научных кадров в России: масштабы, структура, последствия // Проблемы прогнозирования. 1995. № 4—5. С. 41—56.
6. Korobkov A.V., Zaionchkovskaia Zh.A. Russian brain drain: Myths v. reality // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45, № 3—4. P. 327—341.
7. Некипелова Е.Ф. Эмиграция и профессиональная деятельность российских ученых за рубежом. М., 1998.
8. Jöns H. Transnational mobility and the spaces of knowledge production: a comparison of global patterns, motivations and collaborations in different academic fields // Social Geography. 2007. № 2. P. 97—114.
9. Лялина А.В. Теоретические подходы к моделированию последствий трудовой миграции для принимающей мигрантов территории // Региональные исследования. 2016. № 2. С. 66—71.
10. The International Mobility of Talent and Innovation: New Evidence and Policy Implications / С. Fink, Е. Miguelez (eds.). Cambridge, 2017. P. 1—24. doi: 10.1017/9781316795774.002.
11. Hillebrand V. Factors for Long-Term Mobility of European Information Researchers // Information-Wissenschaft und Praxis. 2018. Vol. 69, № 2—3. P. 129—135.
12. Koksharov V.A., Agarkov G.A. International scientific migration: Progress or a threat to Russia's scientific and technological security // Economy of Region. 2018. Vol.14, № 1. P. 243—252.
13. Morley L., Alexiadou N., Garaz S. et al. Internationalisation and migrant academics: the hidden narratives of mobility // Higher Education. 2018. Vol. 76, № 3. P. 537—554.
14. Ramos R., Suriñach J. A gravity model of migration between the ENC and the EU // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2017. Vol.108, № 1. С. 21—35.
15. Интеллектуальная миграция в современном мире / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2014.

16. Леденева В.Ю. Интеллектуальная миграция: мировые и российские тенденции // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 106—113.
17. Stern S. Do scientists pay to be scientists? // Management Science. 2004. Vol. 50, № 6. P. 835—853.
18. Oliver L., Ackers H. From Flexicurity to Flexsecquality? The Impact of the Fixed-Term Contract Provisions on Employment in Science Research // International Studies of Management & Organization. Vol. 37, № 1. Organizing Science. P. 53—79.
19. Stephan P.E. The economics of science // Handbook of the economics of innovation. 2010. Vol. 1. P. 217—273.
20. Katz J.S., Martin B.R. What is research collaboration? // Research Policy. 1997. Vol. 26, № 1. P. 1—18.
21. Moretti E., Wilson D.J. The effect of state taxes on the geographical location of top earners: Evidence from star scientists // American Economic Review. 2017. Vol. 107, № 7. P. 1858—1903.
22. High-skilled migration: Drivers and policies / M. Czaika (ed.). Oxford, 2018.
23. Ganga R., Silva J.P., Gomez R. et al. Portuguese Scientists' Migration: a study on the 2008 crisis aftermath // International Migration. 2016. Vol. 54, № 6. P. 43—55.
24. Ganga R., Silva J.P., Vaz H. et al. From Portugal to Europe: A micro-level sociology of scientific migration in times of eurozone crisis // International Migration. 2018. Vol. 9, № 35. P. 9—37.
25. Netz N., Jaksztat S. Explaining Scientists' Plans for International Mobility from a Life Course Perspective // Research in Higher Education. 2017. Vol. 58, № 5. P. 497—519.
26. Ramos R. Gravity models: A tool for migration analysis // IZA World of Labor. 2016, Vol. 239. P. 1—10. doi: 10.15185/izawol.239.
27. Grogger J., Hanson G.H. Income maximization and the selection and sorting of international migrants // Journal of Development Economics. 2011. Vol. 95, № 1. P. 42—57.
28. Ortega F., Peri G. The effect of income and immigration policies on international migration // Migration Studies. 2013. Vol. 1, № 1. P. 47—74.
29. Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 499—509.
30. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка умов» // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24—35.
31. Parvizian J.S., Khademolqorani M., Tabatabaei H.A. System Dynamics Modeling of Emigration and Brain Drain: The Case of Iran // Proceedings of the 27th International Conference of the System Dynamics Society. Albuquerque, USA, 2009.
32. Predosanu G., Zamfir A.M., Militaru E. et al. Econometric modeling of return migration intentions // Proceeding ASM 11 Proceedings of the conference in Applied mathematics, simulation, modelling. Corfu Island, Greece, 2011. P. 187—190.
33. Jin J.C., Cho J.R. Faculty salary at Korean universities: Does publication Matter? // Asia Pacific Education Review. 2015. Vol. 16, № 3. P. 343—351.
34. Sandnes F.E. Do Norwegian academics who publish more earn higher salaries? // Scientometrics. 2018. Vol. 115, № 1. P. 263—281.
35. Егорова А. Где сколько платят? Зарплаты в России: обзор за 2017 год. URL: https://fless.pro/salary_guide_russia_2017_ru (дата обращения: 21.06.2019).
36. Børing P., Kieron F., Gagliardi D. et al. International mobility: Findings from a survey of researchers in the EU // Science and Public Policy. 2015. Vol. 42, iss. 6. P. 811—826. doi: 10.1093/scipol/scv006.

Об авторах

Ирина Геннадиевна Дежина, доктор экономических наук, руководитель Департамента научно-технологического развития, Сколковский институт науки и технологий, Россия.

E-mail: i.dezhina@skoltech.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3402-3433>

Светлана Эдуардовна Солдатова, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора анализа инструментов поддержки молодых исследователей, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики, права в научно-технической сфере, Россия.

E-mail: s.soldatova@riep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1752-8445>

Светлана Евгеньевна Ушакова, кандидат экономических наук, заведующая заведующая сектором анализа инструментов поддержки молодых исследователей, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики, права в научно-технической сфере, Россия.

E-mail: ushakova@riep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0617-9617>

MIGRATION OF RESEARCHERS IN THE BALTIC REGION: A FORECAST AND FACTORS

I. G. Dezhina^a

S. E. Soldatova^b

S. E. Ushakova^b

---

^a Skolkovo Institute of Science and Technology
30/1 Bolshoy Boulevard Russia, Moscow, Russia, 121205

^b Russian Research Institute of Economics,
Politics and Law in Science and Technology
20a, Dobrolubova St., Moscow, Russia, 127254

Received 22 April 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-7

© Dezhina I. G., Soldatova S. E.,
Ushakova S. E., 2020

The importance of this research relates to the need for increasing the human capital of Russian science and for assisting the spatial development of the country, particularly, its border areas. This study tests several hypotheses. The first one holds that the outflow of researchers will reduce over the next few years. Others concern factors affecting the number of researchers in the Russian Federation in general and its Baltic part in particular. These factors include salaries and workplace environment. Methodologically, the study draws on Russian and international sources on the migration of researchers and builds models of two types to trace connections and to produce forecasts, while calculating the emigration rate. The models of the first type describe how the amount of salary and workplace conditions affect the number of researchers. These are vector autoregression models built in the R software environment, using statistical time series. The models of the second type use Excel forecast function to carry out prospective evaluations of the number of researchers and migration rates. The study did not confirm the hypothesis that the reduction in the number of researchers was slowing down in Russia and St Petersburg in particular. Thus, the state measures aimed to preserve the human capital of national science will be insufficient to prevent either a decline in the number of researchers or their emigration in the near future. The article provides concrete recommendations for reforming the system of remuneration in research to reverse the negative trend.

Keywords:

emigration of researchers, salaries in research, academic workplace environment, Russia, Baltic region, vector autoregression model, research staff forecast, reforms

References

1. Kuznetsova, T. Yu. 2018, Population change in the neighbouring regions of Russia and the European Union countries, *Balt. Reg.*, vol.10, no. 3, p. 41—57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3.
2. Dezhina, I.G., Kuznetsov, E.N. et al. 2015, *Razvitie sotrudnichestva s russkoyazychnoi nauchnoi diasporoi: opyt, problemy, perspektivy* [Development of cooperation with Russian scientific diasporas: experience, problems, perspectives], Moscow, 104 p. (In Russ.)
3. Dezhina, I.G. 2016, Russian scientific diaspora: experience and prospects of cooperation with Russia, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of science and technology], no. 1. p. 134—149 (In Russ.).
4. Latova, N.V., Savinkov, V.I. 2012, The Influence of Academic Migration on the Intellectual Potential of Russia, *European Journal of Education*, vol. 47, no. 1, p. 64—76.
5. Kitova, G.A., Kuznetsova, T.E., Kuznetsov, B.V. 1995, The mobility of research personnel in Russia: the scope, structure, and effects, *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting], no. 4—5, p. 41—56 (In Russ.).
6. Korobkov, A.V., Zaionchkovskaia, Zh.A. 2012, Russian brain drain: Myths v. reality, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, no. 3—4, p. 327—341.
7. Nekipelova, E.F. 1998, *Emigratsiya i professional'naya deyatelnost' rossiiskikh uchenykh za rubezhom* [Emigration and the professional activity of Russian scientists abroad], Moscow, 100 p. (In Russ.)
8. Jöns, H. 2007, Transnational mobility and the spaces of knowledge production: a comparison of global patterns, motivations and collaborations in different academic fields, *Social Geography*, no. 2, p. 97—114.
9. Lyalina, A.V. 2016, Theoretical approaches to modeling the effects of labour migration to host migrants territory, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2, p. 66—71 (In Russ.).
10. Fink, C., Miguelez, E. 2017, 'Introduction' in C. Fink, E. Miguelez (eds.), *The International Mobility of Talent and Innovation: New Evidence and Policy Implications (Intellectual Property, Innovation and Economic Development)*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 1—24. doi: 10.1017/9781316795774.002.
11. Hillebrand, V. 2018, Factors for Long-Term Mobility of European Information Researchers, *Information-Wissenschaft und Praxis*, vol. 69, no. 2—3, p. 129—135.
12. Koksharov, V.A., Agarkov, G.A. 2018, International scientific migration: Progress or a threat to Russia's scientific and technological security, *Economy of Region*, vol.14, no. 1, p. 243—252.
13. Morley, L., Alexiadou, N., Garaz, S., González-Monteaquedo, J., Taba, M. 2018, Internationalisation and migrant academics: the hidden narratives of mobility, *Higher Education*, vol. 76, no. 3, p. 537—554.
14. Ramos, R., Suriñach, J. 2017, A gravity model of migration between the ENC and the EU, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol.108, no. 1, p. 21—35.
15. Lebedeva, M.M. (ed.) 2014, *Intellektual'naya migratsiya v sovremennom mire* [Intellectual migration in the modern world], Moscow, 253 p. (In Russ.).
16. Ledeneva, V. Yu. 2014, Intellectual migration: global and domestic trends, *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], no. 2, p. 106—113 (In Russ.).
17. Stern, S. 2004, Do scientists pay to be scientists? *Management Science*, vol. 50, no. 6, p. 835—853.
18. Oliver, L., Ackers, H. 2007, From Flexicurity to Flexsecurity? The Impact of the Fixed-Term Contract Provisions on Employment in Science Research, *International Studies of Management & Organization*, vol. 37, no. 1, p. 53—79.
19. Stephan, P.E. 2010, The economics of science. In: Hall, B.H., Rosenberg, N. (eds.) *Handbook of the economics of innovation*, vol. 1, Amsterdam, p. 217—273.
20. Katz, J.S., Martin, B.R. 1997, What is research collaboration? *Research Policy*, vol. 26, no. 1, p. 1—18.
21. Moretti, E., Wilson, D.J. 2017, The effect of state taxes on the geographical location of top earners: Evidence from star scientists, *American Economic Review*, vol. 107, no. 7, p. 1858—1903.
22. Czaika, M. 2018, High skilled migration: Introduction and synopsis. In: Czaika, M. (ed.) *High-skilled migration: Drivers and policies*, Oxford University Press, p. 1—19.

23. Ganga, R. et al. 2016, Portuguese Scientists' Migration: a study on the 2008 crisis aftermath, *International Migration*, vol. 54, no. 6, p. 43—55.
24. Ganga R. et al. 2018, From Portugal to Europe: A micro-level sociology of scientific migration in times of eurozone crisis, *International Migration*, vol. 9, no. 35, p. 9—37.
25. Netz, N., Jaksztat, S. 2017, Explaining Scientists' Plans for International Mobility from a Life Course Perspective, *Research in Higher Education*, vol. 58, no. 5, p. 497—519.
26. Ramos, R. 2016, Gravity models: A tool for migration analysis, *IZA World of Labor*, vol. 239, p. 1—10. doi: 10.15185/izawol.239.
27. Grogger, J., Hanson, G.H. 2011, Income maximization and the selection and sorting of international migrants, *Journal of Development Economics*, vol. 95, no. 1, p. 42—57.
28. Ortega, F., Peri, G. 2013, The effect of income and immigration policies on international migration, *Migration Studies*, vol. 1, no. 1, p. 47—74.
29. Iontsev, V.A., Ryazantsev, S.V., Iontseva, S.V. 2016, New trends and forms of emigration from Russia, *Ekonomika regiona* [Economy of Region], no. 12, vol. 2, p. 499—509. doi:10.17059/2016-2-15 (In Russ.).
30. Ryazantsev, S.V., Pis'mennaya, E.E. 2013, Emigration of scientists from Russia: "circulation" or "brain drain", *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no 4, p. 24—35 (In Russ.).
31. Parvizian, J.S., Khademolqorani, M., Tabatabaei, H.A. 2009, System Dynamics Modeling of Emigration and Brain Drain: The Case of Iran, *Proceedings of the 27th International Conference of the System Dynamics Society*, July 26—30, Albuquerque, USA.
32. Predosanu, G., Zamfir, A.M., Militaru, E., Mocanu, C., Vasile, G. 2011, Econometric modeling of return migration intentions, *Proceeding ASM 11 Proceedings of the conference in Applied mathematics, simulation, modelling*, Corfu Island, Greece, July 14—16, 2011, p. 187—190.
33. Jin, J.C., Cho, J.R. 2015, Faculty salary at Korean universities: Does publication Matter? *Asia Pacific Education Review*, vol. 16, no. 3, p. 343—351.
34. Sandnes, F.E. 2018, Do Norwegian academics who publish more earn higher salaries? *Scientometrics*, vol. 115, no. 1, p. 263—281.
35. Egorova, A. 2017, Where how much pay? Wages in Russia: an overview for the year 2017, *Fless*, available at: https://fless.pro/salary_guide_russia_2017_ru (accessed 21 June 2019) (In Russ.).
36. Børing, P. et al. 2015, International mobility: Findings from a survey of researchers in the EU, *Science and Public Policy*, p. 1—16. doi: 10.1093/scipol/scv006.

The authors

Prof. Irina G. Dezhina, Head of the Division of Science and Technology Development, Skolkovo Institute of Science and Technology, Russia.

E-mail: i.dezhina@skoltech.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3402-3433>

Dr Svetlana E. Soldatova, Associate Professor, Senior Researcher, Young Researchers Support Tools Analysis Sector, Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science and Technology, Russia.

E-mail: s.soldatova@riep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1752-8445>

Dr Svetlana E. Ushakova, Head of the Young Researchers Support Tools Analysis Sector, Russian Research Institute for Economics, Politics and Law in Science and Technology, Russia.

E-mail: ushakova@riep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0617-9617>

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФЕРА НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ПРИГРАНИЧЬЕ

А. С. Михайлов^а

Я. А. Вендт^б

И. Ю. Пекер^а

А. А. Михайлова^а

^а Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

^б Гданьский университет,
80–309, Польша, Гданьск, ул. Яна Багиньски, 4

Поступила в редакцию 05.09.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-8

© Михайлов А. С., Вендт Я. А., Пекер И. Ю.,
Михайлова А. А., 2020

Знания выступают ключевым конкурентным преимуществом современной экономики, отражая неравномерное территориальное распределение с концентрацией в городах и городских агломерациях. Приграничное положение формирует выраженные особенности регионального инновационного развития. С учетом благоприятного институционального контекста, можно утверждать, что близость границ усиливает трансграничное сотрудничество и интеграцию между прилегающими регионами. Несмотря на то что частые социальные трансграничные контакты хорошо задокументированы в научной литературе, влияние границы на более интенсивный трансфер знаний еще предстоит проверить. Исследование посвящено анализу моделей интеграции знаний между приграничными регионами Запада России и сопредельными странами. Территориальный охват исследования включает шесть регионов Северо-Западного федерального округа: Республику Карелию, Калининградскую, Ленинградскую, Мурманскую, Псковскую области, Санкт-Петербург, пять регионов Центрального федерального округа: Белгородскую, Брянскую, Воронежскую, Курскую, Смоленскую области, а также один регион Южного федерального округа — Ростовскую область. Методология основана на оценке интенсивности сотрудничества в области исследований с использованием международной реферативной базы данных «Скопус». Результаты исследования свидетельствуют о различном уровне «трансграничности» научно-исследовательского сотрудничества приграничных регионов России.

Ключевые слова:

приграничный регион, пограничье, трансфер знаний, трансграничное сотрудничество, Балтийский регион, публикационная активность

Введение

В научной литературе представлены два противоположных взгляда относительно инновационного развития приграничных территорий и их роли в контексте национальной инновационной системы (НИС). С одной стороны, приграничные регионы зачастую считаются периферийными (и даже маргинальными) не только в географическом плане, но и относительно своего социально-экономического и инновацион-

Для цитирования: Михайлов А. С., Вендт Я. А., Пекер И. Ю., Михайлова А. А. Пространственно-временные закономерности трансфера научных знаний в приграничье // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 132–155. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-8.

ного развития [1–7]. Значительная часть как зарубежных [2; 8], так и отечественных [9–10] исследований по региональной дивергенции подтверждает асимметричное распределение инновационного потенциала, относя приграничье к подтипу «периферия, догоняющие, депрессивные или отстающие регионы». В порубежных территориях отмечаются слабое развитие научно-технологической, инновационной и сопутствующей инфраструктуры [11–12], низкая плотность инновационно-активных организаций [13–15], ограниченный кадровый потенциал [16–17], узкий внутренний рынок сбыта [18], нестабильная институциональная среда [19], высокая зависимость от геополитических и макроэкономических колебаний [20–21], что делает их более ориентированными на производство инкрементальных (вторичных, сопутствующих) инноваций. Представленные результаты свидетельствуют об ограниченности территориального капитала данных регионов и могут служить индикатором их невысокого уровня воздействия на инновационный ландшафт страны.

С другой стороны, приграничные регионы выступают естественными контактными зонами, взаимодействуя с элементами территориальной социально-экономической и инновационной системы сопредельных государств, и могут рассматриваться в качестве стратегических коридоров развития. В частности, А.П. Клемешев и Г.М. Федоров [22–23] отмечают значимую роль пограничья в формировании двусторонних (Россия — ЕС) международных инновационных потоков. Контактная функция государственной границы проявляется в интенсивности перемещения материальных благ (товаров, услуг, капитала), людей и соответствующего интеллектуального капитала (знания, культур, компетенций) и имеет большое значение в поддержании международных связей [24]. Склонность прилегающих регионов двух стран к наличию социокультурной близости и институциональной общности создает благотворную среду для формирования устойчивой межстрановой кооперации и повышает способность к «усвоению» полученного знания с его дальнейшим тиражированием вглубь страны (с учетом необходимой адаптации к национальным условиям) [25]. Усиление интеграционных процессов примыкающих регионов по обе стороны границы позволяет достигнуть необходимой критической массы участников инновационного процесса для обеспечения конкурентоспособного уровня как в масштабах НИС каждой из стран, так и на глобальном уровне. На сегодняшний день ученые отмечают целый ряд успешных примеров трансграничной регионализации инновационных систем приграничных регионов европейских стран, включая трансграничные кластеры: Эресунн между Данией и Швецией [26–29], Биодолина Эльзас между Францией, Германией и Швейцарией [30] и другие. Трансграничная регионализация, согласно [31–32], выступает приоритетной стратегической задачей развития региональной инновационной системы (РИС) приграничных территорий, поскольку это позволит кардинально трансформировать сложившуюся траекторию развития и изменить баланс в центр-периферийной модели генерации инноваций.

Двойственность объективных результатов научных исследований не позволяет дать однозначный ответ о месте и роли приграничных регионов в развитии НИС. В частности, ученые отмечают необходимость выработки иного подхода к оценке инновационной активности окраинных территорий, отличного от индикаторов критической массы, плотности сети и других, характерных для изучения центральных регионов [33]. Авторы данной статьи ставили цель провести комплексную оценку интенсивности трансграничной кооперации Западного порубежья России в научно-исследовательской сфере. Детальная фокусировка на одном из компонентов РИС позволила в полной мере раскрыть степень вовлеченности местных акторов в межстрановое сетевое сотрудничество, охарактеризовать уровень качества результатов совместной интеллектуальной деятельности и оценить степень локализации взаимодействующих сторон, выявив роль географического фактора в распределении наукоемких видов деятельности. Отдельное внимание уделено потенциалу

интенсификации трансграничной кооперации и интеграции через оценку одностороннего использования научных разработок зарубежными коллегами. Значительная «незадействованность» потенциала научно-исследовательской компоненты РИС сопредельных государств российскими приграничными регионами выступает ключевой гипотезой исследования.

Обзор литературы

Интернационализация научно-исследовательской деятельности выступает следствием нарастающей тенденции на усложнение инновационного процесса и сокращение сроков проведения исследований и разработок, что во многом продиктовано сокращением жизненного цикла конечной продукции, в том числе периода коммерциализации разработок. В условиях открытого рынка и широкой информированности о потенциале возможных контрагентов возрастает роль эффективного управления интеграционными процессами, направленными на поиск и внедрение комплементарных «ценностных предложений» [34—36]. Наличие современной высокотехнологичной инфраструктуры (включая лабораторную и опытно-экспериментальную базу), высококвалифицированных кадров и потенциала их воспроизводства, выдающихся результатов интеллектуальной и предпринимательской деятельности может способствовать укреплению трансграничной кооперации в исследовательской сфере. Уровень *заинтересованности* зарубежных партнеров в налаживании сотрудничества с региональными акторами напрямую увязан с предполагаемым синергетическим эффектом, позволяющим говорить о значительном повышении результативности деятельности. Несмотря на близкое расположение, научно-исследовательский сектор РИС приграничных регионов может иметь разную направленность, не позволяющую обеспечить взаимодополняемость ключевых направлений стратегического развития [37—38]. Вместе с тем абсолютная сопоставимость, отражаемая в наличии идентичной материально-технической базы, в схожих компетенциях, нерешенных проблемах и др., снижает заинтересованность в сотрудничестве. Формирование научно-исследовательской коллаборации субъектов приграничного региона также предполагает нахождение на сходном уровне развития в представленном спектре комплементарных компетенций (в том числе в разрезе дисциплинарной микроспециализации), а также соответствие тематики и общей парадигмы реализуемой интеллектуальной деятельности. Согласно [39], сходство применяемых подходов и технологий позволяет обеспечить трансфер знаний между участниками взаимодействий. У. Коэн и Д. Левинталь [40] отмечают, что успех сотрудничества во многом зависит от способности сторон воспринять получаемую информацию, особую ценность в которой имеют «невяные знания», передаваемые в процессе прямого межличностного взаимодействия: опыт, навыки, умения, способности, «хитрости», тонкости процесса. В данном случае доверие к результатам критично в решении наладить сотрудничество, что ставит вопрос качества текущих результатов интеллектуальной деятельности и их перспективности для имплементации в совместных проектах во главу угла.

Уровень качества в научно-исследовательской сфере неизменно связан с трудно измеримой категорией академической репутации¹. Вместе с тем дополнительным общепризнанным критерием качества выступает статус научных изданий, в которых обнародованы результаты научно-исследовательских работ сотрудников

¹ В двух из трех ключевых международных рейтингов университетов — QS World university ranking и Times Higher Education World university ranking — используются опросы научно-педагогических работников для выявления наиболее авторитетных научно-образовательных учреждений.

рассматриваемых учреждений. В международной реферативной базе «Сеть науки» (Web of Science) это показатель «импакт-фактор» (Impact factor), в базе «Скопус» (Scopus) — CiteScore². Целый ряд исследований подтвердил закономерность более высокого качества результатов, полученных в международной кооперации [41—43]. Однако с расширением географии сети сотрудничества возрастают издержки поддержания контактов на должном уровне постоянства. Как отмечается в работах А. Торре [44—45], информационно-коммуникационные технологии лишь частично покрывают потребность в межличностной коммуникации, не заменяя ее полноценно. Временная близость, достигаемая на совместных рабочих встречах, круглых столах, конференциях и т.д., не позволяет обеспечить должного уровня вовлеченности, необходимого в коллаборациях в инновационной сфере (в том числе в генерации нового фундаментального знания). В связи с этим лишь результаты качества, существенно превышающие средние значения, позволяют говорить о целесообразности (рентабельности) осуществляемых инвестиций в развитие сети сотрудничества (финансовые, временные, интеллектуальные, трудовые и др.).

Степень *вовлеченности* широкого круга стейкхолдеров по обе стороны границы в совместный процесс генерации знания характеризует развитость сетевых связей. Устойчивость трансграничной РИС (ТРИС) гарантируется пулом разнообразных взаимодействующих сторон, заинтересованных в поддержании длительного сотрудничества с перспективой передачи части значимых (равнозначных) функций зарубежным партнерам, в том числе по реализации лабораторных исследований, проектированию и дизайну, разработке программного обеспечения и др. Достижение критической массы членов сети трансграничной кооперации способствует выработке согласованной, а в будущем — единой, стратегии развития. Как правило, она включает инвестиционную политику, инициацию перспективных проектов, гармонизацию технологических стандартов и операционных процессов, в том числе квалификационные требования: КРП, условия труда и др. Доля вовлеченных исследователей в сетевую кооперацию отражает приоритетность данного вектора сотрудничества, следовательно, и направлено на его развитие. Значимым фактором выступает создание благоприятной институциональной среды, направленной на упрощение трансграничных контактов, включая визовый режим, модернизацию дорожной сети и инфраструктуры пограничных переходов, развитие сети пассажирского сообщения и др. Поскольку доверие отмечается в качестве неотъемлемого условия коллаборации в сфере НИОКР [46—47], развитие социокультурных проектов и функционирование совместных общественных организаций играет значимую роль в становлении ТРИС. Существенным препятствием служит институциональный контекст, в первую очередь формируемый геополитической обстановкой. Наличие или отсутствие благоприятной среды для реализации двусторонних контактов между регионами сопредельных государств определяет легкость сотрудничества, которая выступает естественной формой развития приграничных территорий.

Географическая близость способствует поддержанию частых социальных контактов между членами научно-исследовательской подсистемы ТРИС. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о различной плотности внутрисетевых связей в зависимости от степени территориальной удаленности [48]. *Локализация*, а впоследствии и кластеризация формируют благоприятный фон для взаимного коллективного обучения и «перелива знаний» благодаря неформальному межличностному общению [49—53]. Близкое местоположение играет важную роль

---

² Impact factor (Web Of Science) показывает, сколько раз в среднем процитирована каждая опубликованная в журнале статья в течение двух последующих лет после выхода. Показатель CiteScore (Scopus) является производным от Impact factor, однако CiteScore рассчитывается по трехлетнему окну цитирования.

в интенсификации неформальных связей [52; 54], становлении доверительных отношений и чувства причастности [50—52], облегчении доступа к различным типам знаний и обмену информацией [55], а также в сплоченности единомышленников и формировании общей идентичности [53].

Методологические особенности исследования

Методика исследования основана на подходах современной наукометрии и предполагает анализ большого массива библиометрических данных, что дает возможность получить представления о динамике трансграничной научно-исследовательской кооперации. Область исследования охватывала 12 субъектов Западного порубежья России, включая 6 в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО): Республика Карелия, Калининградская, Ленинградская, Мурманская и Псковская области, Санкт-Петербург; 5 в Центральном федеральном округе (ЦФО): Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Смоленская области; 1 в Южном федеральном округе (ЮФО) — Ростовская область. Рассматриваемые регионы сгруппированы с учетом парных трансграничных связей с западными приграничными регионами сопредельных государств (Беларусь, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Украина, Финляндия, Эстония):

1) по СЗФО:

- Республика Карелия (Финляндия);
- Калининградская область (Польша, Литва);
- Ленинградская область (Финляндия, Эстония);
- Мурманская область (Финляндия, Норвегия);
- Псковская область (Беларусь, Латвия, Эстония);
- Санкт-Петербург (Финляндия, Эстония) — Санкт-Петербургская агломерация включена в перечень в качестве активного участника трансграничных связей;

2) по ЦФО:

- Белгородская область (Украина);
- Брянская область (Беларусь, Украина);
- Воронежская область (Украина);
- Курская область (Украина);
- Смоленская область (Беларусь);

3) по ЮФО: Ростовская область (Украина).

Источником библиометрических данных для последующего анализа выступила крупнейшая международная реферативная база данных «Скопус», индексирующая результаты интеллектуальной деятельности, опубликованные в более чем 5000 издательствах по всему миру (включая крупнейшие издательства Elsevier, Springer-Nature, Wiley, Taylor & Francis, Sage и др.). Используемые в анализе данные охватывают шестилетний период (2013—2018). Перечень рассматриваемых показателей содержит число опубликованных работ, выполненных в международном соавторстве; суммарную численность авторских коллективов и уровень цитируемости научных работ, в том числе с учетом средневзвешенного уровня цитируемости в рамках предметной области — FWCI. Последний показатель позволяет сопоставлять качество опубликованных работ в различных отраслях знания.

Поиск изданных научных публикаций произведен в «Скопус» с использованием следующей структуры поискового запроса в расширенном поиске (на примере парной связи «Калининградская область РФ — Польша»):

“AFFILCOUNTRY (Russia*) AND AFFILCITY (“Kaliningrad”) OR AFFILCITY (“Bagra-tionovsk”) OR AFFILCITY (“Guryevsk”) OR AFFILCITY (“Gusev”) OR AFFILCITY (“Zelenog-radsk”) OR (AF-ID (“Immanuel Kant Baltic Federal University” 60031254) OR AF-ID (“Kaliningrad

State Technical University” 60018744)) AND (LIMIT-TO (PUBYEAR, 2018) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2017) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2016) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2015) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2014) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2013)) AND (LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, “Poland”)).

В поисковом запросе для каждого региона России учтены все города, в которых были зафиксированы публикации, а также наименования всех ключевых научно-образовательных организаций. Полученный пул публикаций экспортирован в аналитический инструмент SciVal с целью детального анализа зарубежных организаций, с которыми зафиксировано сотрудничество исследователей российского региона. В перечень анализируемых индикаторов также входит тип организации (институт академии наук, университет, коммерческая организация, иное), регион и город, в котором располагается учреждение.

Методология обработки данных включает три этапа.

Первый этап: на основе существующей сети научно-исследовательского сотрудничества формируется схема сложившейся межрегиональной кооперации с выделением интенсивности связей в приграничной зоне. С этой целью строятся сетевые связи между городами, интенсивность которых характеризуется объемом выполненных в соавторстве публикаций и суммарной численностью авторских коллективов.

Второй этап: на основе анализа работ, цитирующих научные результаты российских ученых, определяются потенциальные каналы сотрудничества. На данном этапе в анализ включены научные организации, с которыми не производились совместные исследования за отчетный период, однако они выступают бенефициарами результатов интеллектуальной деятельности российских авторов.

Третий этап: формируется индекс трансграничности научно-исследовательского сотрудничества. Расчет индекса производится с учетом четырех субиндексов.

Субиндекс 1. Вовлеченность. Данный индекс строится на основе следующих показателей: X1. Отношение количества авторов совместных публикаций из приграничной страны к количеству научных организаций этой страны, указанных в аффилиации опубликованных работ. X2. Доля совместных публикаций с субъектом РФ в общем количестве публикаций научных организаций приграничной страны, с которыми у научных организаций субъекта РФ есть минимум одна совместная публикация.

Субиндекс 2. Заинтересованность. Данный индекс строится на основе следующих показателей: X3. Отношение количества цитирований публикаций субъекта РФ исследователями приграничной страны к количеству публикаций, изданных научными организациями приграничной страны. X4. Отношение количества исследователей из приграничной страны, которые процитировали публикации субъекта РФ, к общему количеству исследователей цитирующих организаций приграничной страны.

Субиндекс 3. Качество. Данный индекс строится на основе следующих показателей: X5. Отношение количества цитирований к количеству совместных публикаций субъекта РФ с исследователями приграничной страны (Citations per paper). X6. Средний показатель FWCI (взвешенный индекс цитирования для предметной области) для совместных публикаций субъекта РФ и приграничной страны.

Субиндекс 4. Локализация. Данный индекс строится на основе следующих показателей: X7. Доля городов в которых расположены научные организации соавторов приграничной страны, к общему количеству городов приграничья, в которых есть вузы. X8. Доля научных организаций соавторов приграничной страны к общему количеству научных организаций приграничной страны.

Нормирование показателей производится методом линейного масштабирования с целью приведения всех расчетных величин к единому масштабу в интервале [0; 1], где 0 — минимальное, а 1 — максимальное значение признака. Формула нормирования исходных данных для показателей, характеризующих положительный признак:

$$Z_{ij} = \frac{a_{ij} - a_j^{\min}}{a_j^{\max} - a_j^{\min}}, \text{ при условии, что } a_j^{\max} \neq a_j^{\min},$$

где Z_{ij} — нормированное значение j -показателя для i -региона;

a_{ij} — значение j -показателя i -региона;

$a_j^{\max}$ — максимальное значение j -показателя;

$a_j^{\min}$ — минимальное значение j -показателя.

Расчет субиндексов и интегрального индекса производится методом средней арифметической:

$$\bar{Z}_{ij} = \frac{\sum_{j=1}^n Z_{ij}}{n},$$

где $\bar{Z}_{ij}$ — значение интегрального индекса;

Z_{ij} — нормированное значение j -показателя для i -региона;

n — общее количество показателей (в рассматриваемом случае для субиндексов $n = 2$ и для интегрального индекса $n = 4$).

Валидация рассматриваемых показателей в рамках выделенных субиндексов приведена в ряде исследований экономико-географической тематики, в том числе выполненных российскими авторами [56—58]. К числу методологических ограничений можно отнести появление экстремальных значений, которые были исключены из расчета, а также примеры полного отсутствия цитирований публикаций, что влечет за собой нулевой показатель FWCI и исключение подобных наблюдений из дальнейшего анализа.

Результаты исследования

Совокупное число отечественных работ, индексируемых в международной реферативной базе данных «Скопус» в 2013—2018 годах, составило 447 818 ед., что соответствует 13-й позиции мирового рейтинга. Вклад исследуемых приграничных регионов в суммарное количество публикаций по РФ невелик (табл. 1).

Таблица 1

Доля публикаций регионов Западного приграничья от общего массива российских публикаций, 2013—2018 годы, %

Субъект РФ	Доля от публикаций РФ	Доля совместных публикаций с приграничными странами
Санкт-Петербург	15,40	Финляндия — 4,25 (9*) Эстония — 1,29 (45)
Ростовская область	1,87	Украина — 1,65 (6)
Ленинградская область	0,94	Финляндия — 21,73 (33) Эстония — 14,55 (52)
Воронежская область	0,82	Украина — 1,16 (4)
Белгородская область	0,75	Украина — 8,91 (1)
Мурманская область	0,43	Норвегия — 6,10 (1) Финляндия — 3,28 (2)
Курская область	0,41	Украина — 1,64 (3)
Калининградская область	0,37	Польша — 3,51 (6) Литва — 2,48 (10)
Республика Карелия	0,32	Финляндия — 8,76 (1)
Брянская область	0,14	Беларусь — 2,96 (1) Украина — 1,40 (9)
Смоленская область	0,09	Беларусь — 3,43 (2)
Псковская область	0,03	Эстония — 6,34 (1) Латвия — 2,82 (2) Беларусь — 2,11 (4)

Примечание. * Ранг по доле опубликованных в соавторстве работ в совокупном числе публикаций региона за 2013—2018 годы.

В среднем за отчетный период 24,7 % российских публикаций издано в международном соавторстве с тенденцией к сокращению с 28,5 до 22,5 % за 2012—2018 годы. Ключевыми национальными партнерами выступили высокоразвитые страны Запада: США, Германия, Франция, Великобритания и Италия. Схожая динамика наблюдается в отношении международного соавторства регионов Западного порубежья РФ с различной степенью вовлеченности приграничных стран в научно-исследовательскую коллаборацию (табл. 1). Рассматривая топ-5 стран по доле совместных публикаций между субъектами РФ и иностранными государствами, видим различную степень интернационализации научно-исследовательского сектора РИС:

— Санкт-Петербург: Германия — 10,88 %, США — 10,69 %, Франция — 6,76 %, Великобритания — 6,66 %, Италия — 5,42 %;

— Ростовская область: Германия — 3,24 %, Франция — 2,81 %, США — 2,49 %, Италия — 2,30 %, Великобритания — 1,73 %;

— Ленинградская область: Германия — 63,68 %, США — 61,64 %, Франция — 53,84 %, Италия — 52,75 %, Китай — 51,56 %;

— Воронежская область: Германия — 2,92 %, США — 2,70 %, Япония — 1,35 %, Украина³ — 1,16 %, Вьетнам — 1,13 %;

— Белгородская область: Украина — 8,91 %, Германия — 2,69 %, США — 2,40 %, Польша — 1,57 %, Франция — 1,39 %;

— Мурманская область: Норвегия — 6,10 %; Финляндия — 3,28 %; Германия — 2,97 %; Великобритания — 2,82 %; США — 2,82 %;

— Курская область: Германия — 3,12 %, Казахстан — 1,97 %, Украина — 1,64 %, Польша — 1,09 %, Дания — 0,99 %;

— Калининградская область: Германия — 8,83 %, Франция — 5,74 %, США — 4,78 %, Испания — 4,72 %, Великобритания — 4,35 %;

— Республика Карелия: Финляндия — 8,76 %, Швеция — 3,71 %, Германия — 3,01 %, США — 3,01 %, Норвегия — 2,59 %;

— Брянская область: Беларусь — 2,96 %, США — 2,18 %, Сербия — 2,02 %, Южная Корея — 1,40 %, Украина — 1,40 %;

— Смоленская область: США — 4,17 %, Беларусь — 3,43 %, Великобритания — 3,43 %, Италия — 3,43 %, Германия — 2,70 %;

— Псковская область: Эстония — 6,34 %, Латвия — 2,82 %, Швеция — 2,82 %, Беларусь — 2,11 %, Финляндия — 2,11 %.

В наибольшей степени общенациональному паттерну распределения зарубежных партнеров соответствуют Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская и Калининградская области. Псковская область сильнее ориентирована на сетевое партнерство с приграничными странами, однако совокупный объем публикаций составляет менее 10 в каждом случае написания совместных публикаций с приграничными странами (Эстония, Литва, Беларусь).

На первом этапе исследования проанализированы показатели, характеризующие потенциал трансграничного сотрудничества: динамика результативности совместных научных исследований в разрезе городов и регионов; уровень востребованности знанияемого капитала приграничных регионов РФ зарубежными партнерами (рис. 1, 2).

³ Курсивом выделены страны, граничащие с субъектами РФ.

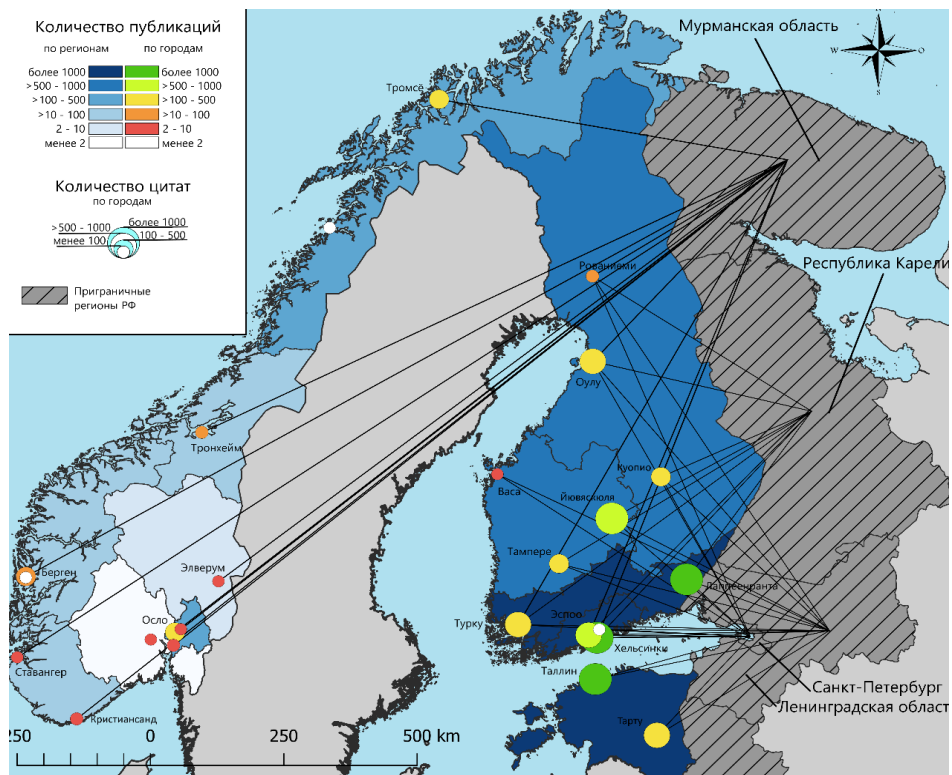

Рис. 1. Сетевые научно-исследовательские связи Западного побережья России с приграничными странами Северной Европы [59]

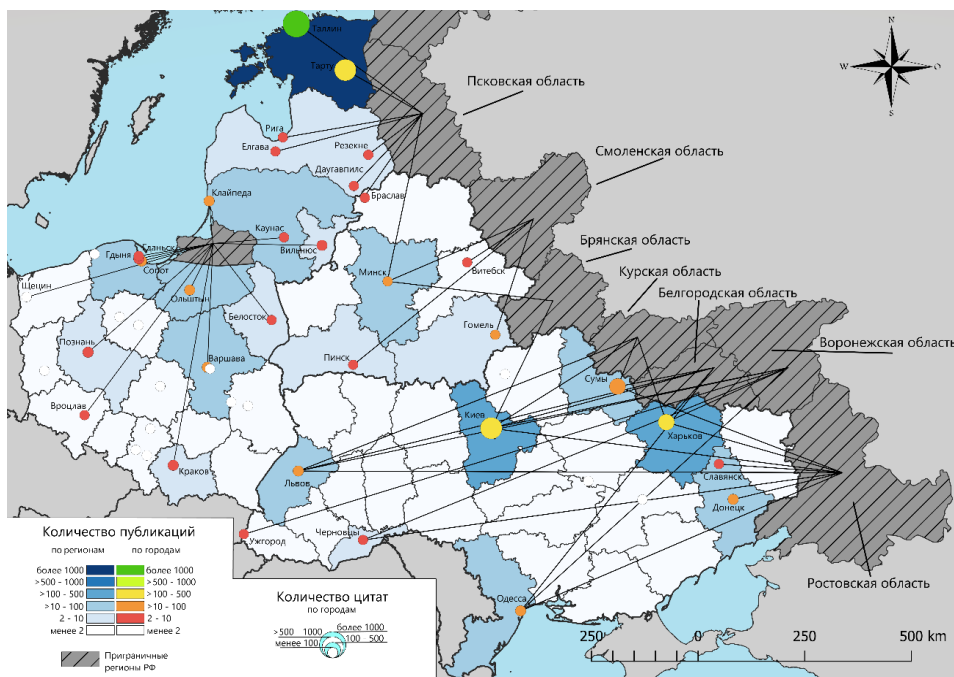

Рис. 2. Сетевые научно-исследовательские связи Западного побережья России с приграничными странами Восточной Европы [59]

На основе данных о сложившейся и потенциальной структуре научно-исследовательских связей рассчитан индекс трансграничности научно-исследовательского сотрудничества (табл. 2). Из подсчета исключены регионы, имеющие менее 10 публикаций с сопредельными государствами: Брянская область — Украина, Псковская область — Беларусь, Псковская область — Латвия, Псковская область — Эстония.

Таблица 2

**Индекс трансграничности научно-исследовательского сотрудничества
регионов Западного порубежья России**

Регион сотрудничества	Индекс	Субиндексы			
		I	II	III	IV
Санкт-Петербург — Эстония	0,753	0,652	1,000	0,659	0,700
Ленинградская область — Эстония	0,592	1,000	0,469	0,616	0,284
Санкт-Петербург — Финляндия	0,450	0,491	0,603	0,426	0,281
Ленинградская область — Финляндия	0,291	0,468	0,119	0,533	0,045
Мурманская область — Норвегия	0,273	0,036	0,065	0,673	0,319
Курская область — Украина	0,252	0,016	0,011	0,371	0,610
Белгородская область — Украина	0,251	0,088	0,102	0,296	0,519
Калининградская область — Литва	0,242	0,047	0,073	0,419	0,430
Калининградская область — Польша	0,227	0,007	0,008	0,515	0,380
Республика Карелия — Финляндия	0,220	0,079	0,046	0,556	0,198
Мурманская область — Финляндия	0,217	0,032	0,027	0,685	0,124
Ростовская область — Украина	0,214	0,037	0,055	0,242	0,522
Смоленская область — Беларусь	0,179	0,012	0,000	0,080	0,624
Брянская область — Беларусь	0,164	0,021	0,010	0,028	0,598
Воронежская область — Украина	0,140	0,010	0,021	0,313	0,215

Примечание: I — субиндекс «Вовлеченность», II — субиндекс «Заинтересованность», III — субиндекс «Качество», IV — субиндекс «Локализация»

Среди исследованных регионов наиболее активно интегрированы в приграничное научно-исследовательское сотрудничество Санкт-Петербург и Ленинградская область, вместе образующие крупнейший научный центр Северо-Запада России. Их трансграничная научная кооперация имеет два вектора развития — юго-западный (эстонский) и северо-западный (финский). Наиболее тесные научно-исследовательские связи у Санкт-Петербурга и Ленинградской области сложились с Эстонией. Индекс трансграничности научно-исследовательского сотрудничества в 2013—2018 годах в парах «Санкт-Петербург — Эстония» и «Ленинградская область — Эстония» достиг 0,753 и 0,592 соответственно на фоне максимального значения 1. Финское направление развито слабее, однако представляет существенный интерес для приграничных субъектов РФ в укреплении трансграничной научной кооперации. В его рамках формируются сразу несколько каналов приграничного научно-исследовательского сотрудничества: более сильный — «Санкт-Петербург — Финляндия» (0,450) и еще три с потенциалом к развитию: «Ленинградская область — Финляндия» (0,291), «Республика Карелия — Финляндия» (0,220), «Мурманская область — Финляндия» (0,217). Также перспективным видится научное сотрудничество Мурманской области с приграничными регионами Норвегии, Курской и Белгородской областей с Украиной и Калининградской области с приграничными регионами Литвы и Польши. Однако пока оно находится на начальном этапе: среднее значение индекса трансграничности научно-исследовательского сотрудничества по этим направлениям находится на уровне 0,25. Наиболее слабая

научная интеграция в 2013—2018 годах отмечена в российско-украинском и российско-белорусском приграничье, включающем Ростовскую, Смоленскую, Брянскую и Воронежскую области.

Результатом структурного анализа рассчитанного индекса являются особенности протекания процесса научного сотрудничества в приграничье по четырем параметрам: вовлеченность, заинтересованность, качество и локализация. Сравнительно высокие значения субиндекса I получены для научных организаций Ленинградской области и Санкт-Петербурга, вовлеченных в сотрудничество с Эстонией и Финляндией вследствие большего охвата ученых в рамках одной организации и более заметной доли совместных публикаций среди общего объема (табл. 2). Уровень вовлеченности остальных приграничных регионов РФ в трансграничную научно-исследовательскую кооперацию низкий — менее 0,1. Распределение регионов по уровню заинтересованности в трансграничной научной деятельности (субиндекс II) имеет сходную последовательность. Лидирующие позиции — у Санкт-Петербурга как у более мощного научного центра, результаты исследований научных организаций которого были востребованы значительным количеством ученых из Финляндии и Эстонии, что нашло отражение в относительном количестве цитирований и численности цитирующих исследователей. Ленинградская область находится на втором месте с превалированием эстонского вектора над финским. Наименьший уровень субиндекса II отмечен в научной кооперации с Курской областью — с украинской стороны, с Калининградской областью — с польской стороны, со Смоленской областью — с белорусской стороны, что свидетельствует о приоритетной ориентации ученых этих стран на другие направления сотрудничества.

Важным индикатором научно-исследовательского сотрудничества приграничных регионов является его качество, отражающееся в том числе в признании и востребованности научных результатов мировым научным сообществом. В данном аспекте высокие позиции занимают коллаборации научных организаций Мурманской области с приграничными регионами Финляндии и Норвегии, Санкт-Петербурга и Ленинградской области — с Эстонией: значения субиндекса III для них выше 0,6. Общий средний качественный уровень совместных публикаций демонстрируют исследователи из Республики Карелии, Ленинградской области и Санкт-Петербурга с финскими коллегами; исследователи из Калининградской области — с коллегами из Польши и Литвы (табл. 2). Наименьшие значения субиндекса III характерны для российско-белорусского и обширного российско-украинского приграничья, что свидетельствует о сравнительно более низком качестве результатов проводимых здесь совместных научных исследований в контексте мировой науки. Интересно распределение регионов по уровню локализации научно-исследовательской деятельности. Лидирующие позиции по субиндексу IV в парах «Санкт-Петербург — Эстония» (0,700), «Смоленская область — Беларусь» (0,624), «Курская область — Украина» (0,610), «Брянская область — Беларусь» (0,598), «Ростовская область — Украина» (0,522), «Белгородская область — Украина» (0,519). У двух регионов значение субиндекса IV колеблется в пределах среднего значения в 0,4: это «Калининградская область — Литва», «Калининградская область — Польша». Оставшиеся регионы характеризуются сравнительно невысоким уровнем локализации научного сотрудничества в приграничье.

Обсуждение результатов и выводы

В процессе исследования проведена оценка 19 географических направлений трансграничного научно-исследовательского сотрудничества 12 приграничных регионов западного побережья России с 8 приграничными странами в 2013—2018 годах.

Оценивалось научное взаимодействие каждого из выбранных субъектов РФ с приграничной (-ыми) для него страной (-ами) в целом, а затем проводился сравнительный анализ с выделением направлений более активной приграничной научной коллаборации.

Взаимодействие с **Эстонией** в научной сфере реализуется тремя субъектами РФ: Санкт-Петербургом, Ленинградской областью, с которыми у Эстонии сложились устойчивые трансграничные кооперационные связи, а также с Псковской областью, имеющей всего девять совместных публикаций за период. При относительно небольшом количестве научных организаций в Эстонии, научные сотрудники которых публикуют результаты исследований в «Скопус» (74 ед.), весомая их часть сотрудничает с российскими научными организациями приграничья, прежде всего из Санкт-Петербурга (10,8%). Территориальный охват партнерской сети Ленинградской области с научными организациями Эстонии ниже, однако уровень вовлеченности исследователей в расчете на одну организацию на треть превышает аналогичный показатель для Санкт-Петербурга и является самым высоким среди всех рассмотренных географических направлений научного сотрудничества. Согласно рассчитанным субиндексам качества и заинтересованности научное сотрудничество в российско-эстонском приграничье представляет обоюдный интерес и имеет общий высокий научный уровень.

Причинами этого стали усиливающиеся контакты в сфере биомедицинских исследований, которые были традиционными для Эстонии [60] и являются современным стратегическим приоритетом для обеих стран. Ключевыми партнерами в научно-исследовательской кооперации выступают Национальный институт химической физики и биофизики (г. Таллин) и Тартуский университет, на базе которого работает Центр генома человека — Эстонский биоцентр, образованный еще в советский период. На сегодняшний день Эстония — одна из немногих стран мира с успешным примером функционирования геномного биобанка. В 2015 году Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда запустил проект по созданию первого в России биобанка — специализированного криохранилища биологических материалов с лабораторно-клинической базой для проведения биомедицинских исследований в сфере здоровья и долголетия. Помимо ключевых для Эстонии Таллинского университета, Таллинского технологического университета, Эстонского университета естественных наук в кооперацию вовлечен Национальный институт развития здравоохранения, непосредственно реализующий популяционные исследования в сфере здравоохранения. Санкт-Петербургская агломерация представляет собой сильный научный центр с концентрацией значительных ресурсов страны, в том числе в рамках ведущих вузов России — лидеров мировых рейтингов (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики «ИТМО», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого).

Научно-исследовательская коллаборация с **Финляндией** реализуется сразу несколькими регионами Западного порубежья: Санкт-Петербургом, Ленинградской и Мурманской областями, Республикой Карелией. Учитывая поляризацию системы расселения и хозяйственной активности Финляндии к югу страны (Хельсинки, Турку, Тампере) и большой научный потенциал Хельсинки и Санкт-Петербурга, Отметим, что более тесное взаимодействие с Ленинградской областью и ее главным городом-аттрактором (Санкт-Петербургом) является объективной закономерностью. Близкое расположение двух сильных научных и инновационных центров Балтийского региона способствует их обширной интеграции. В трансграничной

кооперации с Санкт-Петербургом сотрудничают наибольшее число исследователей среди всех рассматриваемых регионов — 2314 чел. (что значительно больше, чем во второй по численности вовлеченных исследователей Ленинградской области, — 567 чел.), издано наибольшее число совместных публикаций — 2944 ед. (на втором месте находится Ленинградская область — 914 ед.), участвует самый обширный круг научно-образовательных учреждений — 27 ед., что составляет 5 % от всех организаций Финляндии, публикующих результаты интеллектуальной деятельности в базе «Скопус».

Трансграничное взаимодействие Финляндии с Республикой Карелией и Мурманской областью характеризуется высоким потенциалом роста, что продиктовано повышенным интересом финских исследователей к результатам научной деятельности российских коллег. Так, например, число финских авторов, цитирующих работы исследователей из Республики Карелии, на 30 % превышает количество соавторов. В отношении Мурманской области этот дисбаланс еще выше — 64,7 %. Аналогичный разрыв наблюдается по числу цитирований к объему совместных публикаций — 40,9 % в Республике Карелии и 61,3 % в Мурманской области. Более того, уровень качества совместных исследований с Республикой Карелией в 2,61, а с Мурманской областью в 2,39 раза превышает среднемировой уровень, что больше значения для Санкт-Петербурга (1,96).

Наличие программ приграничного сотрудничества, в том числе с финансированием ЕС («Россия — Юго-Восточная Финляндия», «Коларктик» и «Карелия»), а также действие программы Интеррег «Регион Балтийского моря» позволяют обеспечивать устойчивость трансграничных контактов. Многие поддержанные проекты направлены на реализацию научных исследований и внедрение наукоемких инноваций в сфере экологии и охраны окружающей среды. Практико-ориентированность трансграничной кооперации выгодно отличает российско-финские контакты, что находит отражение в трансграничных кластерах в сфере чистых технологий, энергетической лесной промышленности и др., способствуя устойчивости трансграничной кооперации. К числу активно взаимодействующих городов относятся Хельсинки (Хельсинкский университет, Финский метеорологический институт, Институт природных ресурсов Финляндии, Финский институт окружающей среды и др.), Куопио (Университет Восточной Финляндии), а также приграничный город Лаппеенранта — административный центр приграничной провинции Южная Карелия (Технологический университет Лаппеэнранта).

Трансграничная кооперация с **Норвегией** реализуется Мурманской областью со значением индекса трансграничности научно-исследовательского сотрудничества, превышающим финское направление трансграничной кооперации (0,273 против 0,217). Помимо заметной разницы в значении индекса разрыв в значениях отдельных важных показателей еще больший. В частности, по количеству авторов совместных публикаций из приграничной страны разрыв достигает 1,88 раза, по количеству сотрудничающих в исследованиях организаций — 1,8 раза, по числу совместных публикаций — 1,89 раза, по числу цитирований — 2,26 раза. Вместе с тем по ряду показателей общее взаимодействие российских регионов с Норвегией уступает Финляндии, например по уровню средневзвешенной цитируемости в рамках предметной области — 1,68 против 2,39; по разветвленности сети сотрудничества в разрезе городов — трехкратный разрыв.

Ключевым фактором объединения выступает единая тематика исследований: морские ресурсы, экология и исследования Арктики. Данные проекты являются приоритетными для обеих стран, с соответствующим финансированием. Город Тромсё, располагающийся в относительной близости от Мурманска, — один из основных партнеров трансграничной кооперации (Университет Тромсё — Арктический универси-

тет Норвегии, Норвежский полярный институт, активно реализующий экспедиции в Арктику и выполняющий научно-исследовательскую работу на станции в Нью-Олесунне (о. Шпицберген)). Ряд экспедиций проводится совместно, в том числе при поддержке Арктического совета, Совета министров Северных стран, Северного измерения Европейского союза и др. В числе значимых партнеров, не характеризующихся близостью местоположения к границе РФ, также можно отметить Норвежский институт морских исследований (Берген), Норвежский институт водных исследований (Осло), Центр международных исследований климата и окружающей среды (Осло), а также Геологическую службу Норвегии, компании SINTEF (независимая исследовательская организация, осуществляющая контрактные исследования и разработки) и Equinor ASA (норвежская международная энергетическая компания).

Среди приграничных регионов России взаимодействие с **Польшей** осуществляется Калининградской областью — эксклавом РФ на Балтике. Субиндекс вовлеченности находится на самом низком уровне среди всех направлений трансграничного сотрудничества — 0,007. Это обусловлено тем, что, несмотря на хорошие показатели по числу организаций, вовлеченных в получение совместных результатов интеллектуальной деятельности, — 25 ед., в кооперации участвует небольшое число исследователей от каждой организации-партнера — около 3—4 человек. Более того, объем совместно реализованных научно-исследовательских работ практически незаметен в общем объеме — 0,04 %, что во многом обусловлено общей высокой публикационной активностью польских организаций, с которыми у организаций Калининградской области зафиксированы совместные публикации, — свыше 132,8 тыс. Данный показатель уступает лишь финским организациям, взаимодействующим с Санкт-Петербургом, — 155,3 тыс. и Республикой Карелией — 143,0 тыс. Значение субиндекса заинтересованности — 0,008 (ниже лишь у пары «Смоленская область — Беларусь»). Причиной тому служит низкий объем цитирований публикаций калининградских ученых польскими коллегами (127 ед., что составляет 0,05 % к числу публикаций). Субиндекс качества находится на достаточно высоком уровне — 0,515, что соответствует 7-му месту среди всех рассматриваемых регионов, субиндекс локализации — 0,380 (8-е место).

Наиболее активное взаимодействие ведется с Варминско-Мазурским университетом в г. Ольштыне, а также с организациями Трехградья (Гданьск — Гдыня — Сопот), включая Гданьский политехнический университет и Гданьский университет, а также с Институтом океанологии и Институтом гидротехники Польской академии наук, Гдынским морским университетом, Институтом морского рыболовства, Академией Военно-морских сил им. Героев Вестерплатте. В совокупности на четыре города приграничных воеводств (Варминско-Мазурское и Поморское) приходится треть (36 %) от общего числа вовлеченных организаций и до половины публикаций (46,6 %). Вместе с тем наиболее высокоуровневые публикации зарегистрированы с организациями из Кракова (Ягеллонский университет и его Медицинский колледж), Варшавы (Варшавский университет, Военно-техническая академия им. Ярослава Домбровского) и Вроцлава (Вроцлавский университет) — средний уровень FWCI равен 4,45. Тематическую область взаимодействия можно разграничить на две группы: морские исследования с тяготением к приграничным воеводствам и медико-биологические исследования, преобладающие в географической и институциональной сети взаимодействий. Рассматривая показатели субиндекса заинтересованности, стоит отметить, что 67,8 % организаций, опирающихся (ссылающихся) на результаты интеллектуальной деятельности калининградских коллег, не вовлечены в кооперацию. Все эти организации, в том числе морской (Морской университет Щецина) и медицинской направленности (Лодзинский медицинский университет, Варшавский медицинский университет и др.), располагаются в удаленных воеводствах.

Общий уровень взаимодействий поддерживается благодаря активной международной (трансграничной) мобильности, чему также способствовал режим местного приграничного передвижения (МПП) между Польшей и Калининградской областью. Сотрудничеству в морехозяйственной сфере способствует наличие в Калининградской области специализированных организаций (Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Атлантический филиал Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, обособленное структурное подразделение «Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота» Калининградского государственного технического университета (КГТУ), Музей Мирового океана) и исследовательских коллективов в рамках Института региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта (БФУ им. И. Канта). Кооперация в биомедицинской тематике реализуется за счет потенциала лабораторий БФУ им. И. Канта, в том числе располагающихся на базе научно-технологического парка «Фабрика».

Во взаимодействие **Литвы** с Калининградской областью вовлечены всего четыре литовских организации — Клайпедский университет, на который приходится основной объем совместных публикаций (13), Вильнюсский университет (9), Каунасский технологический университет (2) и Университет Витаутаса Великого (1). Вместе с тем литовское направление трансграничного сотрудничества характеризуется более высокими значениями субиндексов вовлеченности (0,047) и заинтересованности (0,073). Во-первых, во взаимодействие в среднем вовлечено 8 человек на организацию, что вдвое превосходит значения Польши. Во-вторых, доля результатов интеллектуальной деятельности, полученных в ходе совместной научно-исследовательской работы литовских и калининградских научных организаций, составляет 0,33 % от общего объема публикаций Литвы и на 86,8 % больше значения по Польше. В-третьих, в значительной степени выше доля цитирования литовскими коллегами публикаций калининградских авторов в общей совокупности публикаций (0,44 % в Литве против 0,05 % в Польше). В число цитирующих организаций, помимо вовлеченных в трансграничную коллаборацию, входят Литовский институт энергетики Академии наук Литвы (Каунас) и академические учреждения Вильнюса: Университет Миколаса Ромериса, Вильнюсский технический университет Гедимина, Государственный научно-исследовательский институт «Центр физических наук и технологий», являющиеся потенциальными партнерами. Субиндекс качества проводимых совместных исследований находится ниже среднего по рассматриваемой выборке — 0,419 против 0,428, однако большинство опубликованных работ имеют средневзвешенный индекс цитируемости на 10 % выше среднемирового. Динамика трансграничной кооперации начиная с 2015 года снизилась в 12 раз до одной публикации в 2018 году. Тенденция к цитированию калининградских публикаций, наоборот, имеет положительную динамику с 2013 года с некоторым спадом в 2017 году. Средний уровень ежегодного прироста с 2013 по 2018 год составил 300 %.

Взаимодействие с **Украиной** характеризуется участием наибольшего числа приграничных субъектов РФ: Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областей (табл. 2). Однако для этих регионов получены одни из самых низких значений индекса трансграничности научно-исследовательского сотрудничества — ниже среднего уровня по регионам в 2013—2018 годах (табл. 2). Брянская область исключена из подсчета индекса в связи с недостижением минимального порогового значения в 10 совместных публикаций. Уровень заинтересованности и вовлеченности в научное сотрудничество у этих регионов также сравнительно низкий (табл. 2). Лишь 6 % научных организаций Украины, имеющих профиль в «Скопусе», формирующийся автоматически при индексации контента,

участвуют в российско-украинском приграничном сотрудничестве. Наибольшее число украинских организаций взаимодействует с Ростовской областью — 26, наименьшее — с Курской (11). Вместе с тем Курская область полностью охватывает сеть сотрудничества города украинского приграничья, в которых есть вузы, тогда как в Ростовской области этот показатель составляет 38 % (3 из 8 городов) и в Белгородской — 40 %. Из всей совокупности рассматриваемых регионов Западного порубежья России отсутствие взаимодействия с городами приграничных регионов отмечено лишь для Воронежской области.

Научное сотрудничество с Курской областью ведется в сфере материаловедения и физики с фокусом на высокотехнологичную радиоэлектронику и полупроводники. Ключевыми украинскими партнерами выступают Сумы (Сумский государственный университет) и Харьков (Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Физико-технический институт низких температур им. Б.И. Веркина и Радиоастрономический институт Национальной академии наук Украины).

Кооперация Белгородской области также во многом ориентирована на приграничные города: Харьков (Харьковский физико-технический институт, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьковский политехнический институт, Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Институт проблем криобиологии и криомедицины НАН Украины, Институт радиопизики и электроники имени А.Я. Усикова НАН Украины) и Сумы (Сумский государственный университет). Помимо материаловедения и электрофизики (коллоидная химия, электросварка, физика твердых тел) — тематики, в некоторой степени сходной со сферой сотрудничества Курской области, для Белгородской области также характерна медико-биологическая тематика: клеточная биология, криобиология, биохимия. Абсолютные значения по числу совместных публикаций научных организаций Белгородской области и Украины одни из самых высоких из всех рассматриваемых регионов — 298 ед., больше лишь у Санкт-Петербурга и Ленинградской области в их взаимодействии с Финляндией и Эстонией.

Вместе с тем Курская и Белгородская области характеризуются нестабильной и отрицательной динамикой сотрудничества. В Ростовской области прослеживается тенденция роста числа совместных публикаций — с 18 до 34 ед. в 2013—2018 годах. Отличительной особенностью также является доминирование сотрудничества с организациями в удаленных городах: Киеве (лидер — Институт проблем материаловедения им. И.Н. Францевича НАН Украины) и Одессе (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Физико-химический институт им. А.В. Богатского НАН Украины). Приграничные города, несмотря на нестабильную обстановку в регионе, также интегрированы в научно-исследовательскую кооперацию. Например, на Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко в Донецке приходится 14 % от общего объема совместных публикаций. В общей сложности в приграничном регионе сопредельного государства в кооперацию вовлечены четыре организации, включая Институт прикладной математики и механики в Славянске. Примечательно, что наиболее высокорейтинговые публикации выполнены в соавторстве с организациями из Донецка (Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко НАН Украины — 2,35 FWCI). Физика и инженерные науки лидируют в научно-исследовательской сфере.

Взаимодействие с **Беларусью** реализуется широким фронтом российского приграничья — Псковской, Смоленской и Брянской областями, однако в Псковской области объем совместных публикаций очень мал (менее 10 в 2013—2018 годах). Несмотря на отставание по величине значений большинства субиндексов, парные связи Беларусь — Смоленская область и Беларусь — Брянская область входят в топ-5 по

субиндексу локализации — 0,624 и 0,598 соответственно. В частности, кооперационные связи Смоленской области сформированы с 11 % научно-образовательных организаций страны; в случае Брянской области данный показатель составляет 8 %. Вместе с тем отсутствует прямая зависимость близости расположения и интенсивности научной кооперации. Так, наибольший объем совместных результатов интеллектуальной деятельности достигнут организациями Смоленской области с Гомельским государственным медицинским университетом и учреждениями Минска (Городская клиническая больница №9, Первая городская клиническая больница, Белорусская медицинская академия последипломного образования и др.). Здесь же отмечается наивысшее значение востребованности полученных результатов: цитируемость опубликованных научных работ более чем в 5 раз превышает среднемировые значения. В случае Брянской области наибольшая интенсивность взаимодействия отмечена со столичными институтами Академии наук. Однако фактор близкого расположения и транспортной связности второго по численности города Беларуси Гомеля, находит отражение во взаимодействиях с расположенными здесь организациями: Гомельским государственным университетом имени Франциска Скорины, Институтом механики металлополимерных систем имени В.А. Белого НАН Беларуси.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно выделить несколько закономерностей научно-исследовательского сотрудничества в приграничье:

— более высокая интенсивность кооперации в научной сфере проявляется в регионах, обладающих сходным высоким научным уровнем и обоюдным интересом к поиску международных партнеров;

— наличие комплементарных компетенций и баз знаний в рамках единой тематики исследований выступает важнейшим фактором формирования трансграничных научных связей;

— значимым стимулом к укреплению научного сотрудничества в приграничье является действие программ, направленных на финансирование трансграничных проектов и совместных исследований;

— система расселения, кластеризация хозяйствующих субъектов и транспортная связность способствуют формированию научных связей в приграничье через реализацию возможности личных контактов;

— наличие сформированной трансграничной институциональной среды, благоприятной геополитической обстановки и культурной близости — важнейшие факторы укрепления трансграничного научного сотрудничества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-77-00053 «География знания: кластеризация и сетевые связи национальных центров компетенций»

Список литературы

1. Marada M., Chromý P., Jančák V., Havlíček T. Space polarization and peripheral regions in Czechia // Regional periphery in Central and Eastern Europe. EUROPA XXI / T. Komornicki and K. Czapiewski (eds.). 2006. Vol. 15. P. 29—34.
2. Vaishar A., Dvořák P., Hubačíková V., Zapletalová J. Contemporary development of peripheral parts of the Czech-polish borderland: Case study of the javorník area // Geographia Polonica. 2013. № 86 (3). P. 237—253. doi: 10.7163/GPol.2013.21.
3. Vodeb K. Competitiveness of frontier regions and tourism destination management // Managing Global Transitions. 2012. № 10 (1). P. 51—68.
4. Daugirdas V., Burneika D. Patterns and problems of peripherality in Lithuania—borderland of the EU // Regional periphery in Central and Eastern Europe. EUROPA XXI / T. Komornicki and K. Czapiewski (eds.). 2006. Vol. 15. P. 119—134.

5. *Kebza M.* The development of peripheral areas: The case of West Pomeranian Voivodeship, Poland // *Moravian Geographical Reports*. 2018. № 26 (1). P. 69—81.
6. *Bufon M., Markelj V.* Regional Policies and Cross-Border Cooperation: New Challenges and New development models in central Europe // *Revista Româna de Geografie Politică*. 2010. № 12 (1). P. 18—28.
7. *Толстогузов О.В.* Типология периферийных регионов и особенности граничной периферии Северо-Запада России // *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 47. С. 6—13.
8. *Wackermann G.* Alsace — changes and perspectives of a European border region // *Geographica Helvetica*. 2000. № 55 (1). P. 45—60. doi: 10.5194/gh-55-45-2000.
9. *Бабурин В.Л., Земцов С.П.* География инновационных процессов в России // *Вестник Московского университета. Сер. 5. География*. 2013. № 5. С. 25—32.
10. *Малышев Е.А.* Оценка потенциала инновационного саморазвития приграничной территории с использованием модели трансграничной инновационной диффузии // *Вестник ЗабГУ*. 2012. № 7. С. 111—118.
11. *Хмелева Г.А., Умербаева С.К.* Механизм повышения эффективности использования экономического потенциала приграничного расположения региона // *Вестник СамГУ*. 2015. № 8 (130). С. 106—116.
12. *Suorsa K.* Regionality, innovation policy and peripheral regions in Finland, Sweden, and Norway // *Fennia*. 2009. № 185. P. 15—29.
13. *Tödtling F., Trippl M.* One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // *Research Policy*. 2005. № 34. P. 1203—1219.
14. *Onsager K., Isaksen A., Fraas M., Johnstad T.* Technology cities in Norway: innovating in glocal networks // *European Planning Studies*. 2007. № 15. P. 549—566.
15. *Rodríguez-Pose A., Fitjar R.D.* Buzz, Archipelago Economies and the Future of Intermediate and Peripheral Areas in a Spiky World // *European Planning Studies*. 2013. № 21 (3). P. 355—372. doi:10.1080/09654313.2012.716246.
16. *Rosič M., Madziková A., Klamár R. et al.* Unemployment in the context of human resources in the eastern part of the Slovak-Polish border region // *Folia Geographica*. 2018. № 15 (48). P. 15—48.
17. *Muazir S., Hsieh H.-C.* Lagging yet strategic: Tourism and regional development planning in a lagging-outermost-forefront area (borderland) in Indonesia // *Tourism*. 2014. № 62 (4). P. 361—376.
18. *Vaessen P., Keeble D.* Growth-oriented SMEs in unfavourable regional environments // *Regional Studies*. 1995. № 29. P. 489—450.
19. *Usai S.* The Geography of Inventive Activity in OECD Regions // *Regional Studies*. 2011. № 45 (6). P. 711—731. doi:10.1080/00343401003792492.
20. *Prokkola E.K.* Border-regional resilience in EU internal and external border areas in Finland // *European Planning Studies*. 2019. № 27 (8). P. 1587—1606.
21. *Pászto V., Macků K., Burian J. et al.* Capturing cross-border continuity: The case of the Czech-Polish borderland // *Moravian Geographical Reports*. 2019. № 27 (2). P. 122—138.
22. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития»: Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.
23. *Fedorov G.* The concept of geo-demographic situation and geo-demographic typology of the subjects of the Russian Federation // *Bulletin of Geography*. 2014. № 25 (25). P. 101—114. doi:10.2478/bog-2014-0032.
24. *Осмоловская Л.Г.* Функции границы как фактор развития приграничных регионов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2016. № 1. С. 45—54.
25. *Runiewicz-Wardyn M.* The Role of Knowledge Absorption and Innovation Capability in the Technological Change and Economic Growth of EU Regions // *International Journal of Management and Economics*. 2014. № 39 (1). P. 51—69. doi: 10.2478/ijme-2014-0021.
26. *Cojanu V., Gavriș A., Robu R.* In search of emerging polities: Thematic agendas of selected european cross-border cooperation structures // *Romanian Journal of European Affairs*. 2016. № 16 (1). P. 57—71.
27. *Park S.* Innovation policy and strategic value for building a cross-border cluster in Denmark and Sweden // *AI and Society*. 2014. № 29 (3). P. 363—375. doi: 10.1007/s00146-013-0460-4.

28. *Valdaliso J.M., Wilson J.R.* Strategies for Shaping Territorial Competitiveness. L., 2015. doi: 10.4324/9781315772462.
29. *Tangkjær C., Jonsson O.* Cross-bordering strategies for the øresund region: Different eras and territorial strategies, but unrevealed potential // Strategies for shaping territorial competitiveness. 2015. P. 172—193. doi: 10.4324/9781315772462.
30. *Köcker G.M., Müller L., Zombori Z.* European Clusters Go International — networks and clusters as instruments for the initiation of international business cooperation. Institute for Innovation and Technology. Berlin, 2011.
31. *Lundquist K.L., Trippl M.* Distance, Proximity and Types of Cross-border Innovation Systems: A Conceptual Analysis // Regional Studies. 2013. № 47 (3). P. 450—460.
32. *Trippl M.* Cross-Border Regional Innovation Systems. SRE // Discussion Papers, 2006/05. Institut für Regional — und Umweltwirtschaft, WU Vienna University of Economics and Business, Vienna, 2006.
33. *Doloreux D., Dionne S.* Is regional innovation system development possible in peripheral regions? Evidence from the case of La Pocatière // Entrepreneurship & Regional Development. 2008. № 20. P. 259—285.
34. *Chesbrough H., Vanhaverbeke W., West J.* Open innovation: Researching a new paradigm. Oxford, 2006.
35. *Doloreux D., Shearmur R., Guillaume R.* Collaboration, Transferable and Non-transferable Knowledge, and Innovation: A Study of a Cool Climate Wine Industry (Canada) // Growth and Change. 2014. № 46 (1). P. 16—37. doi: 10.1111/grow.12090.
36. *Bathelt H., Malmberg A., Maskell P.* Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation // Progress in Human Geography. 2004. № 28 (1). P. 31—56.
37. *Broek J. van den, Smulders H.* The evolution of a cross-border regional innovation system: An institutional perspective // Conference paper RSA European Conference. Tampere, 2013.
38. *Frenken K., Van Oort F.G., Verburg T.* Related Variety, Unrelated Variety, and Regional Economic Growth. Regional Studies. 2007. № 41 (5). P. 685—97.
39. *Caragliu A., Nijkamp P.* Space and knowledge spillovers in European regions: the impact of different forms of proximity on spatial knowledge diffusion // Journal of Economic Geography. 2016. № 16 (3). P. 749—774. doi: 10.1093/jeg/lbv042.
40. *Cohen W., Levinthal D.* Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation // Administrative Science Quarterly. 1990. № 35 (1). P. 128—152.
41. *Aksnes D.W.* Characteristics of highly cited papers // Research Evaluation. 2003. № 12 (3). P. 159—170. doi: 10.3152/147154403781776645.
42. *Abramo G., D'Angelo C.A., Solazzi M.* The relationship between scientists' research performance and the degree of internationalization of their research // Scientometrics. 2011. № 86 (3). P. 629—643. doi: 10.1007/s11192-010-0284-7.
43. *Aldieri L., Guida G., Kotsemir M., Vinci C.P.* An investigation of impact of research collaboration on academic performance in Italy // Quality and Quantity. 2019. doi: 10.1007/s11135-019-00853-1.
44. *Torre A.* On the role played by temporary geographical proximity in knowledge transmission // Regional Studies. 2008. № 42 (6). P. 869—889. doi: 10.1080/00343400801922814.
45. *Torre A.* The role of proximity during long-distance collaborative projects. Temporary geographical proximity helps // Int. J. Foresight and Innovation Policy. 2011. Vol. 7, № 1—3. P. 213—230.
46. *Bouty I.* Interpersonal and interaction influences on informal resource exchanges between R&D researchers across organizational boundaries // Academy of Management Journal. 2000. № 43 (1). P. 50—65. doi: 10.2307/1556385.
47. *Mora-Valentin E.M., Montoro-Sanchez A., Guerras-Martin, L.A.* Determining factors in the success of R&D cooperative agreements between firms and research organizations // Research Policy. 2004. № 33 (1). P. 17—40. doi: 10.1016/S0048-7333(03)00087-8.
48. *Zukauskaitė E., Trippl M., Plechero M.* Institutional Thickness Revisited // Economic Geography. 2017. № 93 (4). P. 325—345. doi: 10.1080/00130095.2017.1331703.
49. *Curran W.* In defense of old industrial spaces: manufacturing, creativity and innovation // International Journal of Urban and Regional Research. 2010. № 34 (4). P. 871—885. doi: 10.1111/j.1468-2427.2010.00915.x.
50. *Maskell P., Malmberg A.* Localised learning and industrial competitiveness // Cambridge Journal of Economics. 1999. № 23 (2). P. 167—185. doi: 10.1093/cje/23.2.167.

51. *Morgan K.* The exaggerated death of geography: learning, proximity and territorial innovation systems // *Journal of Economic Geography*. 2004. № 4 (1). P. 3—21. doi: 10.1093/jeg/4.1.3.
52. *Storper M., Venables A. J.* Buzz: face-to-face contact and the urban economy // *Journal of Economic Geography*. 2004. № 4 (4). P. 351—370. doi: 10.1093/jeg/4.4.351.
53. *Vissers G., Dankbaar B.* Knowledge and proximity // *European Planning Studies*. 2013. № 21 (5). P. 700—721. doi: 10.1080/09654313.2013.734459.
54. *Torre A., Gilly J.P.* On the analytical dimension of proximity dynamics // *Regional Studies*. 2000. № 34 (2). P. 169—180. doi: 10.1080/00343400050006087.
55. *Menzel M.P.* Dynamic proximities — changing relations by creating and bridging distances // *Papers in Evolutionary Economic Geography (PEEG) 0816*. Utrecht University, 2008.
56. *Kotsemir M., Kuznetsova T., Nasybulina E., Pikalova A.* Identifying Directions for Russia's Science and Technology Cooperation // *Foresight and STI Governance*. 2015. № 9 (4). P. 54—72. doi: 10.17323/1995-459x.2015.4.54.72.
57. *Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю., Пекер И. Ю.* Методы пространственной наукометрии в оценке неоднородности инновационного пространства России // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 5 (41). С. 549—563.
58. *Пекер И.* Применение методов пространственной наукометрии к изучению отдельных стран и регионов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2019. № 1. С. 17—27.
59. *Hvaley D., Mikhaylov A.* Geography in knowledge flow across borders // *Mendeley Data*. 2020. V. 2. doi: 10.17632/n46vg6z2jr.1.
60. *Михайлов А. С., Михайлова А. А.* Проблема эквивокальности в идентификации границ кластера: на примере кластеров стран Балтии // *Балтийский регион*. 2018. № 10 (2). С. 56—75. doi: 10.5922/2079-8555-2018-2-4.

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Ян Анджей Вендт, доктор географических наук, профессор, кафедра географии регионального развития, факультет океанографии и географии, Институт географии, Гданьский университет, Польша.

E-mail: jan.wendt@ug.edu.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1712-4926>

Ирина Юрьевна Пекер, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IPeker@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5701-7538>

Анна Алексеевна Михайлова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>

SPATIO-TEMPORAL PATTERNS OF KNOWLEDGE TRANSFER IN THE BORDERLAND

A. S. Mikhaylov ^a

J. A. Wendt ^b

I. Yu. Peker ^a

A. A. Mikhaylova ^a

^a Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016

^b University of Gdansk
4 Jana Bażyńskiego Str., Gdańsk, Poland, 80–309

Received 05 September 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-8

© Mikhaylov A. S., Wendt J. A.,
Peker I. Yu., Mikhaylova A. A., 2020

A key competitive advantage of a contemporary economy, knowledge, is distributed unevenly, tending to concentrate in cities and urban agglomerations. A border position translates into distinctive features of regional innovative development. In a favourable institutional context, proximity to a border strengthens transboundary cooperation and interaction between neighbouring regions. Although frequent social contacts across borders are well documented in the literature, the effect that the border has on intensive knowledge transfer is yet to be investigated. This article analyses models of knowledge integration taking place between Russia's northwestern regions and the countries that their border. The study covers six territories of the Northwestern federal district (the Republic of Karelia, St Petersburg, and the Kaliningrad, Leningrad, Murmansk, and Pskov regions); five regions of the Central federal district (Belgorod, Bryansk, Voronezh, Kursk, and Smolensk); and one region of the Southern federal district (Rostov). The methodology of the study consists of using information from the Scopus abstract and citation database to assess the intensity of research cooperation. The findings suggest that the degree of involvement in transboundary research cooperation varies widely across Russia's border regions.

Keywords:

knowledge geography, border region, borderland, knowledge transfer, cross-border cooperation, Baltic region

Reference

1. Marada, M., Chromý, P., Jančák, V., Havlíček, T. 2006, Space polarization and peripheral regions in Czechia. In: Komornicki, T., Czapiewski, K. (eds.). *Regional periphery in Central and Eastern Europe. EUROPA XXI*. Vol. 15. P. 29–34.
2. Vaishar, A., Dvořák, P., Hubačíková, V., Zapletalová, J. 2013, Contemporary development of peripheral parts of the Czech-polish borderland: Case study of the javorník area, *Geographia Polonica*, no. 86 (3), p. 237–253. doi: 10.7163/GPol.2013.21.
3. Vodeb, K. 2012, Competitiveness of frontier regions and tourism destination management, *Managing Global Transitions*, no. 10 (1), p. 51–68.
4. Daugirdas, V., Burneika, D. 2006, Patterns and problems of peripherality in Lithuania—borderland of the EU. In: Komornicki, T., Czapiewski, K. (eds.) *Regional periphery in Central and Eastern Europe. EUROPA XXI*, vol. 15, p. 119–134.
5. Kebza, M. 2018, The development of peripheral areas: The case of West Pomeranian Voivodeship, Poland, *Moravian Geographical Reports*, no. 26 (1), p. 69–81.
6. Bufon, M., Markelj, V. 2010, Regional Policies and Cross—Border Cooperation: New Challenges and New development models in central Europe, *Revista Româna de Geografie Politică*, no. 12 (1), p. 18–28.

To cite this article: Mikhaylov, A. S., Wendt, J. A., Peker, I. Yu., Mikhaylova, A. A. 2020, Spatio-temporal patterns of knowledge transfer in the borderland, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 132–155. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-8.

7. Tolstoguzov, O.V. 2010, Typology of peripheral regions and features of the boundary periphery of the North-West of Russia // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 47, p. 6—13 (in Russ.).
8. Wackermann, G. 2000, Alsace — changes and perspectives of a European border region, *Geographica Helvetica*, no. 55 (1), p. 45—60. doi: 10.5194/gh-55-45-2000.
9. Baburin, V.L., Zemtsov, S.P. 2013, Geography of innovation processes in Russia, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], no. 5, p. 25—32 (in Russ.).
10. Malyshev, E.A. 2012, Assessment of the potential of innovative self-development of the border territory using the model of cross-border innovative diffusion, *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Transbaikal State University], no. 7, p. 111—118 (in Russ.).
11. Khmeleva, G.A., Umerbaeva, S.K. 2015, The mechanism for increasing the efficiency of using the economic potential of the border location of the region, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], no. 8 (130), p. 106—116 (in Russ.).
12. Suorsa, K. 2009, Regionality, innovation policy and peripheral regions in Finland, Sweden, and Norway, *Fennia*, no. 185, p. 15—29.
13. Tödtling, F., Trippl, M. 2005, One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach, *Research Policy*, no. 34, p. 1203—1219.
14. Onsager, K., Isaksen, A., Fraas, M., Johnstad, T. 2007, Technology cities in Norway: innovating in global networks, *European Planning Studies*, no. 15, p. 549—566.
15. Rodríguez-Pose, A., Fitjar, R.D. 2013, Buzz, Archipelago Economies and the Future of Intermediate and Peripheral Areas in a Spiky World, *European Planning Studies*, no. 21 (3), p. 355—372. doi:10.1080/09654313.2012.716246.
16. Rosič, M., Madziková, A., Klamár, R. et al. 2018, Unemployment in the context of human resources in the eastern part of the Slovak—Polish border region, *Folia Geographica*, no. 15 (48), p. 15—48.
17. Muazir, S., Hsieh, H.-C. 2014, Lagging yet strategic: Tourism and regional development planning in a lagging-outermost-forefront area (borderland) in Indonesia, *Tourism*, no. 62 (4), p. 361—376.
18. Vaessen, P., Keeble, D. 1995, Growth—oriented SMEs in unfavourable regional environments, *Regional Studies*, no. 29, p. 489—450.
19. Usai, S. 2011, The Geography of Inventive Activity in OECD Regions, *Regional Studies*, no.45 (6), p. 711—731. doi:10.1080/00343401003792492.
20. Prokkola, E.K. 2019, Border-regional resilience in EU internal and external border areas in Finland, *European Planning Studies*, no. 27 (8), p. 1587—1606.
21. Pászto, V., Macků, K., Burian, J., Pánek, J., Tuček, P. 2019, Capturing cross—border continuity: The case of the Czech—Polish borderland, *Moravian Geographical Reports*, no. 27 (2), p. 122—138.
22. Klemeshev, A.P., Fedorov, G.M. 2004, *Ot izolirovannogo eksklava — k «koridoru razvitiya»: Al'ternativy rossiiskogo eksklava na Baltike* [From an isolated exclave to the “development corridor”: Alternatives to the Russian exclave in the Baltic], Kaliningrad, 253 p.
23. Fedorov, G. 2014, The concept of geo-demographic situation and geo-demographic typology of the subjects of the Russian Federation, *Bulletin of Geography*, no. 25 (25), p. 101—114. doi:10.2478/bog-2014-0032.
24. Osmolovskaya, L.G. 2016, Border functions as a factor in the development of border regions, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser.: Natural and medical sciences], no. 1, p. 45—54 (in Russ.).
25. Runiewicz-Wardyn, M. 2014, The Role of Knowledge Absorption and Innovation Capability in the Technological Change and Economic Growth of EU Regions, *International Journal of Management and Economics*, no. 39 (1), p. 51—69. doi: 10.2478/ijme-2014-0021.
26. Cojanu, V., Gavriş, A., Robu, R. 2016, In search of emerging polities: Thematic agendas of selected european cross—border cooperation structures, *Romanian Journal of European Affairs*, no. 16 (1), p. 57—71.
27. Park, S. 2014, Innovation policy and strategic value for building a cross—border cluster in Denmark and Sweden, *AI and Society*, no. 29 (3). p. 363—375. doi: 10.1007/s00146-013-0460-4.

28. Valdaliso, J.M., Wilson, J.R. 2015, *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness*, London, Routledge. doi: 10.4324/9781315772462.
29. Tangkjær C., Jonsson O. Cross—bordering strategies for the øresund region: Different eras and territorial strategies, but unrevealed potential // *Strategies for shaping territorial competitiveness*. 2015. P. 172—193. doi: 10.4324/9781315772462.
30. Köcker, G.M., Müller, L., Zombori, Z. 2011, *European Clusters Go International — networks and clusters as instruments for the initiation of international business cooperation*, Institute for Innovation and Technology, Berlin.
31. Lundquist, K.L., Tripll, M. 2013, Distance, Proximity and Types of Cross—border Innovation Systems: A Conceptual Analysis, *Regional Studies*, no. 47 (3), p. 450—460.
32. Tripll, M. 2006, Cross—Border Regional Innovation Systems. SRE, *Discussion Papers*, 2006/05, Institut für Regional— und Umweltwirtschaft, WU Vienna University of Economics and Business, Vienna.
33. Doloreux, D., Dionne, S. 2008, Is regional innovation system development possible in peripheral regions? Evidence from the case of La Pocatié` re, *Entrepreneurship & Regional Development*, no. 20, p. 259—283.
34. Chesbrough, H., Vanhaverbeke, W., West, J. 2006, *Open innovation: Researching a new paradigm*, Oxford, Oxford University Press.
35. Doloreux, D., Shearmur, R., Guillaume, R. 2014, Collaboration, Transferable and Non—transferable Knowledge, and Innovation: A Study of a Cool Climate Wine Industry (Canada), *Growth and Change*, no. 46 (1), p.16—37. doi: 10.1111/grow.12090.
36. Bathelt, H., Malmberg, A., Maskell, P. 2004, Clusters and knowledge: Local buzz, global pipelines and the process of knowledge creation, *Progress in Human Geography*, no. 28 (1), p. 31—56.
37. van den Broek, J., Smulders, H. 2013, The evolution of a cross—border regional innovation system: An institutional perspective, *Conference paper RSA European Conference*, Tampere.
38. Frenken, K., Van Oort, F.G., Verburg, T. 2007, Related Variety, Unrelated Variety, and Regional Economic Growth, *Regional Studies*, no. 41 (5), p. 685—97.
39. Caragliu, A., Nijkamp, P. 2016, Space and knowledge spillovers in European regions: the impact of different forms of proximity on spatial knowledge diffusion, *Journal of Economic Geography*, no. 16 (3), p. 749—774. doi: 10.1093/jeg/lbv042.
40. Cohen, W., Levinthal, D. 1990, Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation, *Administrative Science Quarterly*, no. 35 (1), p. 128—152.
41. Aksnes, D.W. 2003, Characteristics of highly cited papers, *Research Evaluation*, no. 12 (3), p. 159—170. doi: 10.3152/147154403781776645.
42. Abramo, G., D'Angelo, C.A., Solazzi, M. 2011, The relationship between scientists' research performance and the degree of internationalization of their research, *Scientometrics*, no. 86 (3), p. 629—643. doi: 10.1007/s11192-010-0284-7.
43. Aldieri, L., Guida, G., Kotsemir, M., Vinci C. 2019, P. An investigation of impact of research collaboration on academic performance in Italy, *Quality and Quantity*. doi: 10.1007/s11135-019-00853-1.
44. Torre, A. 2008, On the role played by temporary geographical proximity in knowledge transmission, *Regional Studies*, no. 42 (6), p. 869—889. doi: 10.1080/00343400801922814.
45. Torre, A. 2011, The role of proximity during long-distance collaborative projects. Temporary geographical proximity helps, *Int. J. Foresight and Innovation Policy*, vol. 7, no. 1/2/3, p. 213—230.
46. Bouty, I. 2000, Interpersonal and interaction influences on informal resource exchanges between R&D researchers across organizational boundaries, *Academy of Management Journal*, no. 43 (1). p. 50—65. doi: 10.2307/1556385.
47. Mora-Valentin, E.M., Montoro-Sanchez, A., Guerras-Martin, L. A. 2004, Determining factors in the success of R&D cooperative agreements between firms and research organizations, *Research Policy*, no. 33 (1), p. 17—40. doi: 10.1016/S0048-7333(03)00087-8.
48. Zukauskaite, E., Tripll, M., Plechero, M. 2017, Institutional Thickness Revisited, *Economic Geography*, no. 93 (4), p. 325—345. doi: 10.1080/00130095.2017.1331703.
49. Curran, W. 2010, In defense of old industrial spaces: manufacturing, creativity and innovation, *International Journal of Urban and Regional Research*, no. 34 (4), p 871—885. doi: 10.1111/j.1468-2427.2010.00915.x.

50. Maskell, P., Malmberg, A. 1999, Localised learning and industrial competitiveness, *Cambridge Journal of Economics*, no. 23 (2). p. 167—185. doi: 10.1093/cje/23.2.167.
51. Morgan, K. 2004, The exaggerated death of geography: learning, proximity and territorial innovation systems, *Journal of Economic Geography*, no. 4 (1), p. 3—21. doi: 10.1093/jeg/4.1.3.
52. Storper, M., Venables, A.J. 2004, Buzz: face-to-face contact and the urban economy, *Journal of Economic Geography*, no. 4 (4), p. 351—370. doi: 10.1093/jeg/4.4.351.
53. Vissers, G., Dankbaar, B. 2013, Knowledge and proximity, *European Planning Studies*, no. 21 (5), p. 700—721. doi: 10.1080/09654313.2013.734459.
54. Torre, A., Gilly, J.P. 2000, On the analytical dimension of proximity dynamics, *Regional Studies*, no. 34 (2), p. 169—180. doi: 10.1080/00343400050006087.
55. Menzel, M.P. 2008, Dynamic proximities — changing relations by creating and bridging distances. *Papers in Evolutionary Economic Geography (PEEG) 0816*, Utrecht University, Department of Human Geography and Spatial Planning, Group Economic Geography.
56. Kotsemir, M., Kuznetsova, T., Nasybulina, E., Pikalova, A. 2015, Identifying Directions for Russia's Science and Technology Cooperation, *Foresight and STI Governance*, no. 9 (4), p. 54—72. doi: 10.17323/1995-459x.2015.4.54.72.
57. Mikhailov, A.S., Kuznetsova, T. Yu., Pekar, I. Yu. 2019, Methods of spatial scientometrics in assessing the heterogeneity of the innovation space of Russia, *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects for Science and Education], no. 5 (41), p. 549—563 (in Russ.).
58. Pekar, I. 2019, Application of spatial scientometric methods to the study of individual countries and regions, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and Medical Sciences], no. 1, p. 17—27 (in Russ.).
59. Mikhaylov, A.S., Mikhaylova, A.A. 2018, Equivocality in Delineating the Borders of a Cluster: The Baltic's Case, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 2, p. 56—75. doi: 10.5922/2079-8555-2018-2-4.
60. Mikhaylova, A.A. 2019, The role of innovation in ensuring economic security: The Estonian case, *Sovremennaya Evropa* (In press).

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

Dr hab., Prof. Jan Andrzej Wendt, Associate Professor, University of Gdansk, Poland.

E-mail: jan.wendt@ug.edu.pl

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1712-4926>

Irina Yu. Pekar, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IPekar@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5701-7538>

Dr Anna A. Mikhaylova, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ – ВЫБОР ОТРАСЛЕВЫХ ПРИОРИТЕТОВ В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ

И. Руус^а

К. Ю. Волошенко^б

Т. Е. Дрок^б

Ю. Ю. Фарафонова^б

---

^а Университет Флиндерс,
5042, Австралия, Аделаида, Бедфорт Парк, SA

^б Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 13.11.2019 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-9

© Руус И., Волошенко К. Ю., Дрок Т. Е.,
Фарафонова Ю. Ю., 2020

Формирование новой парадигмы создания ценности как результат непрерывного процесса технологического развития обуславливает изменения экономических систем различных уровней. Процессы структурной трансформации продиктованы требуемым ростом сложности экономики. Вследствие этого высокую значимость приобретают выбор отраслевых стратегий, в целом обоснования ключевых направлений промышленной политики для обеспечения их реализации. К числу новых аналитических инструментов, позволяющих решить указанные задачи, относится анализ экономической сложности, применение которого на региональном уровне ограничено по причине сохранения проблем методологического характера.

В целях анализа экономической сложности на субнациональном уровне в настоящем исследовании проведена разработка его базового методического и программного обеспечения. В качестве объекта исследования была выбрана Калининградская область, так как ее эксклавное положение позволяет наилучшим образом отразить и учесть все виды торговых потоков — международных и межрегиональных. Методология исследования основана на существующих работах в области теории и практики применения анализа экономической сложности, включает разработанные авторами методы и алгоритмы формирования системы исходных данных и измерения сложности экономики. По результатам исследования сформированы рекомендации по использованию анализа экономической сложности в практике регионального управления. Рассматриваются конкретные меры и решения последовательного обновления промышленности Калининградской области, при котором поддерживается развитие существующих и новых производственных возможностей (компетенций), может происходить улучшение бизнес-среды, ведущее к росту сложности продукции, производств и отраслей.

Ключевые слова:

экономическая сложность, производственные возможности, отраслевые стратегии, промышленная политика, международные и межрегиональные торговые потоки, эксклав, Калининградская область

Для цитирования: Руус И., Волошенко К. Ю., Дрок Т. Е., Фарафонова Ю. Ю. Анализ экономической сложности Калининградской области — выбор отраслевых приоритетов в новой парадигме создания ценности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 156–180. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-9.

Введение

Под экономической сложностью страны (региона, штата, города и др.) понимается ее способность, накапливая компетенции (*capabilities*¹), производить более разнообразные и сложные продукты [1]. В литературе понятие компетенций изучено достаточно хорошо и представлено в различных контекстах (см., напр., 2—4]), однако в теории экономической сложности приобретает новое значение. Основателями теории принято допущение и поясняется, что в широком смысле компетенции представляют неторгуемые производственные ресурсы (*non-tradable productive inputs*) [5], в узком смысле это технологии, способы или методы работы, ноу-хау, право, современные институты, организационные способности, отношенческий капитал и т.д. Воплощаются компетенции через полезные знания, которые формируются на уровне индивидуумов, организаций и даже сетевых структур [6, с. 16]. Если сложность продукции является функцией требуемых для ее выпуска знаний и компетенций [7], то экономическая сложность связана только с их частью, локально сосредоточенной на конкретной территории. Это и обуславливает различия между экономическими системами как в возможностях производства сложной продукции, так и, вследствие этого, в возможностях для их роста и экономического развития.

Анализ экономической сложности, предоставляющий необходимые данные о конкурентоспособности и перспективах развития отдельных видов продукции, производств и секторов экономики, стал важным аналитическим инструментом, который уже зарекомендовал себя и успешно применяется в мире на уровне стран. Преимущество использования метода анализа экономической сложности обусловлено и тем, что подход учитывает современные тренды технологических изменений в обществе и происходящую смену парадигмы создания ценности. Объяснительная сила теории экономической сложности постоянно растет, что подтверждается многочисленными зарубежными исследованиями в различных областях (например, диверсификация, диффузия знаний, безработица и занятость, производительность, патентные права, агломерационные эффекты, энергопотребление и выбросы, а также др.) [8; 9]. Однако наиболее актуальным сегодня является ее применение, получившее эмпирическое подтверждение, для обоснования решений и разработки направлений промышленной политики.

Учитывая, что экономическая деятельность в регионах имеет ряд специфических особенностей, результаты исследований на национальном уровне и методология анализа экономической сложности, разработанная изначально на примере стран, оказываются не всегда применимы на субнациональном уровне. По этой причине практика анализа экономической сложности в регионах ограничена.

Цель настоящего исследования состояла в развитии методологии экономической сложности в части ее применения на субнациональном уровне для приоритизации отраслевых стратегий и выбора ключевых направлений региональной промышленной политики.

Это потребовало выявить особенности и рассмотреть современную практику применения теории экономической сложности; разработать основные методы и алгоритмы, программные коды для анализа экономической сложности на субнациональном уровне; провести экспериментальную проверку базового методического

---

¹ В отечественных работах по вопросам изучения и применения теории экономической сложности общепринятый подход к переводу понятия «*capabilities*» пока не сформировался. Встречаются такие варианты, как «компетенции», «производственные возможности», «производственные ингредиенты» и др.

и программного обеспечения. Указанные работы проводились в рамках научного проекта РФФИ № 19-410-390002 «Экономика сложности и выбор отраслевых стратегий регионами России в новой парадигме создания ценности на примере Калининградской области». В данной статье представлены итоговые результаты апробации разработанного авторского методического подхода.

В качестве объекта исследования была выбрана эксклавная Калининградская область. Эксклав является наиболее удобным объектом для моделирования и отработки экономических инструментов и методов, так как приближается к идеализированному представлению региона. В части требований и критериев измерения экономической сложности с использованием данных статистики мировой торговли он позволяет наилучшим образом отразить и учесть все торговые потоки на уровне региона.

По результатам исследования и проведенного анализа экономической сложности Калининградской области даны рекомендации по применению метода в практике государственного и регионального управления, рассмотрены конкретные предложения по обоснованию выбора отраслевых стратегий и формированию новой промышленной политики.

Существенным ограничением исследования выступает невозможность на данном этапе проведения сравнительного анализа применения разработанного методического подхода на уровне различных российских и зарубежных регионов. Это связано как с необходимостью укрупнения научной группы и включения российских и международных экспертов, так и получения доступа к различным источникам сведений для формирования системы исходных данных. Кроме того, с учетом специфики каждого региона требуются значительные затраты финансовых ресурсов и времени для обработки и оценки результатов анализа.

Несмотря на имеющиеся ограничения, результаты исследования представляют интерес с точки зрения как развития методологии экономической сложности, так и разработки аналитического инструментария. Возможно их применение в целях обоснования отраслевого выбора и направлений совершенствования производственной структуры для обеспечения высокопроизводительного вектора роста и развития экономики как российских, так и зарубежных регионов.

Теоретическое обоснование значимости подхода анализа экономической сложности и практика его применения

Каждые 50—70 лет в связи с появлением новых технологий, которые влияют на все сферы экономики, способ создания ценности в обществе претерпевает значительные изменения [10]. В истории промышленности наблюдалось пять технологических сдвигов, которые, меняя способ создания ценности, продуцировали трансформации и изменения на уровне стран и регионов (макроуровень), отраслей промышленности (мезоуровень), организаций и отдельных людей (микроуровень) [11]: 1) промышленная революция (1770); 2) парадигма парового двигателя (1830); 3) парадигма тяжелого машиностроения (1870); 4) парадигма двигателя внутреннего сгорания (1910); 5) цифровая парадигма (1970).

Так, указанные изменения и смена парадигм на микроуровне обуславливали изменения задач и структуры организаций, на мезоуровне закладывали основу для появления новых и исчезновения части старых отраслей и секторов экономики, на макроуровне изменяли условия, при которых благосостояние регионов будет расти или уменьшаться при отсутствии политического вмешательства.

Стоит отметить, что парадигмы проходят одни и те же стадии развития: появление, за которым следуют один или несколько «пузырей»; рецессия (которая также является поворотным моментом, когда новые способы создания ценности принимаются в качестве основы для будущего с соответствующей глубокой трансформацией институциональной структуры в экономике и между странами); долгая эра процветания, и наконец, снижение производительности, закладывающее основу для появления следующей парадигмы. В настоящее время мировое сообщество находится в конце периода рецессии цифровой парадигмы.

Во время смены парадигмы в экономике усиливаются процессы созидательно-разрушения. Это означает, что отдельные компании, а также различные типы организаций должны перейти на новые технологии и изменить способ создания ценности, в противном случае они будут вынуждены уйти с рынка. Таким образом, сдвиги парадигмы создания ценности означают коренные изменения в структуре экономики.

Изучая изменения способа создания ценности на примере отдельных технологий, можно заметить следующие интересные закономерности [10]:

- распространение новых технологий приводит к перераспределению ресурсов между секторами экономики;

- рост в основном происходит в секторах, товары и услуги которых производятся с использованием новых технологий, а главными бенефициарами станут отрасли и компании-первопроходцы;

- сектора и компании, предоставляющие отраслям и компаниям-первопроходцам ресурсы, связанные или дополняющие товары и услуги, также будут переживать рост;

- увеличение разрыва между секторами экономики, связанного с новыми способами создания ценности, ускорит их рост. В тех секторах, которые будут полагаться на старый способ создания ценности, рост замедлится и в конечном итоге перейдет в спад.

Каждая парадигма характеризуется уникальной связью между инновациями, их распространением, институциональными изменениями, смещениями в производительности, изменениями числа фирм и сотрудников, а также цены производственных факторов [12]. Это же относится и к пространственному распределению формирующихся секторов, использующих новые технологии, которое со временем меняется, что способствует дисбалансу в количестве рабочих мест [13].

Экономическая сложность здесь играет важную роль в связи с тем, что более широкая база возможностей и компетенций напрямую отражает поглощающую способность экономики [10; 14; 15]. Многочисленными исследованиями доказано присутствие сильной корреляции и причинно-следственной связи между уровнем экономической сложности территории и ее процветанием [1; 6].

Основная идея теории экономической сложности заключается в том, что конкретные продукты могут быть произведены при определенной комбинации знаний, природных и финансовых ресурсов, причем для каждой экономики такая комбинация уникальна. Согласно теории экономической сложности при ограниченности природных и финансовых ресурсов выпуск и экспорт большего количества товаров возможны за счет увеличения объема знаний и компетенций. Соответственно, именно разница в капитале знаний между экономиками определяет уникальные для каждой экономики меры по повышению ее сложности. Экономическая сложность, являясь относительной мерой имеющихся знаний, компетенций и потенциала для производства и экспорта продукции, позволяет оценивать перспективы и выгоды, получаемые при переходе к более сложным видам продукции [8].

Теория экономической сложности формировалась в работах ее основоположников Р. Хаусмана и С. Идальго [1; 5; 6; 16] и получила развитие в последующих исследованиях, связанных с изучением ее влияния на экономический рост и уровень благосостояния, неравенство доходов, а также изучением проблем ловушки среднего дохода, поляризации рынка труда и занятости населения, структурных сдвигов в цепочках ценности и др. [8]. Сегодня особое внимание исследователей обращено к вопросам технологического соответствия (*technological congruence*), изучаются принципы связанности (*principle of relatedness*), диверсификации экономической деятельности, доминирования технологических инноваций и оптимизации диффузии производственных знаний [9]. Экономическая сложность становится мощным инструментом в части промышленной политики в сочетании с картированием создания добавленной стоимости и форсайт-прогнозами по технологическим изменениям [17]. Наиболее известный и масштабный проект такого рода — это разработка стратегии смарт-специализации Европейского союза (см., напр., [18]).

Р. Хаусман и С. Идальго предлагают выражать объем капитала знаний, которым обладает экономика, в двух взаимодополняющих измерениях, являющихся ключевыми в теории: а) разнообразие, или диверсификация (*diversity*), отражающее количество товаров, которые экономика экспортирует и б) распространенность (*ubiquity*), то есть число стран, экспортирующих определенный товар [6; 8]. Диверсификация указывает на относительный уровень знаний в экономике по сравнению с другими территориями, а распространенность продукта раскрывает информацию об объеме знаний, необходимом для его производства. На основе данных статистики мировой торговли Р. Хаусман и С. Идальго [1; 6] с использованием сетевого подхода и инструментов эконометрики эмпирически доказали, что существует систематическая связь между диверсификацией экспорта страны и распространенностью ее продукции. По сути, предложена новая альтернатива к основным теориям экономического роста и международной торговли.

Для измерения уровня экономической сложности, отражая разнообразие (*diversity*) и распространенность (*ubiquity*), были разработаны два основных специальных показателя: 1) индекс экономической сложности (*Economic Complexity Index, ECI*) и 2) индекс продуктовой сложности (*Product Complexity Index, PCI*). В рамках подхода рассчитывается группа следующих производных или связанных показателей [6]:

— выявленное сравнительное преимущество (*revealed comparative advantage, RCA*) в соответствии с известным уравнением Баласса;

— потенциал усложнения экономики (*opportunity value, OV*) и индекс COI (*Complexity Outlook Index*) — выгода или ценность, которую экономика получит при смене производственной деятельности, то есть при переходе к производству более сложных продуктов;

— относительная потенциальная выгода (*relative opportunity gain, OG*) и индекс COG (*Complexity Outlook Gain*) — выгода или ценность от производства новых более сложных продуктов;

— показатели диверсификации (*diversity*), распространенности (*ubiquity*), плотности (*density*) и расстояния (*distance*).

Детальный алгоритм расчета указанных показателей приведен в [1; 6].

В результате проводимого анализа экономической сложности посредством расчета приведенных показателей определяется текущий уровень сложности экономики территории и ее позиции в мировом продуктивном пространстве. Исходя из объема накопленных знаний и компетенций конкретной территории, устанавливается перечень продуктов, по которым имеется или, наоборот, отсутствует сравнитель-

ное преимущество. Использование информации о плотности продуктового пространства, близости и расстояния до более сложных продуктов против тех, которые уже производятся или могут производиться, позволяет провести обоснование отраслевых стратегий. Определяется потребность в развитии существующих компетенций и накоплении новых знаний. В целях формирования новой промышленной политики, направленной на обеспечение роста текущего уровня экономической сложности, разрабатываются меры поддержки различных отраслей (угасающих, формирующихся высокосложных, новых с потенциалом роста, способностью заполнения структурных дыр [17]²).

Ежегодные данные по странам размещаются сегодня на двух официальных ресурсах: 1) Атлас экономической сложности³, разработанный Центром международного развития при Гарвардском университете и 2) Обсерватории экономической сложности⁴ — проект, поддерживаемый медиа-лабораторией Массачусетского технологического института.

Анализ экономической сложности в России пока не получил должного развития, на что указывает уровень ограниченного числа публикаций и проводимых исследований (см., напр., [19; 20—22]). Представленные в работах отечественных авторов оценки экономической сложности российских регионов основаны на методологии измерения для стран, а не для субнационального уровня, учитывают только внешнеторговые потоки, исключая межрегиональную торговлю. Практически не исследуется переход к новым видам более сложных продуктов, отсутствует обоснование отраслевого выбора. В этой связи сопоставление результатов, полученных авторами данной статьи, с результатами более ранних исследований не представляется возможным по причине существенных методологических различий.

Основной проблемой применения анализа экономической сложности, которая во многом и объясняет невысокий интерес среди российских и зарубежных исследователей, остается слабая методологическая проработка подхода на субнациональном уровне. Существенными недостатками являются отсутствие учета услуг и то, что данные о торговле могут не отражать фактическую добавленную стоимость конечного экспорта из-за географически разбросанных производств. Фрагментация глобальных производственно-сбытовых цепочек искажает картину, демонстрируя, например, для сборочных производств высокую сложность экспортной корзины [9].

Следует отметить, что, несмотря на развитие подхода, теоретических работ по методологии измерения экономической сложности на уровне регионов не встречается. Сфера применения ограничивается немногочисленными эмпирическими исследованиями на уровне регионов отдельных стран [8]. Среди наиболее значимых и интересных следует указать работы по применению понятия экономической сложности на региональном уровне на примере Испании [23], Бразилии [24]⁵, Австралии [25; 26], Китая [27], США [28], стран Восточной Европы [29].

² Структурная дыра — это сектор, который на данный момент отсутствует в экономике, однако при его наличии способствовал бы установлению связей между двумя или более существующими отраслями или секторами в производственной структуре. В качестве примера можно привести сектор обслуживания дронов, связанный как с сельскохозяйственным, так и горнодобывающим секторами.

³ *The Atlas of Economic Complexity*. URL: <http://atlas.cid.harvard.edu> (дата обращения: 10.10.2019).

⁴ *The Observatory of Economic Complexity*. URL: <https://atlas.media.mit.edu> (дата обращения: 10.10.2019).

⁵ Создан ресурс по экономической сложности DataViva (<http://dataviva.info>).

В контексте проведенного теоретического обзора очевидна актуальность исследования экономической сложности на субнациональном уровне. Необходимость решения задач в области развития методологии подхода подтверждается его значимостью как в поддержке развития различных уровней экономических систем (микро-, мезо-, макро), так и потребностью в выработке специальных мер поддержки развития существующих и появления новых производств, отраслей, секторов в условиях формирования новой парадигмы ценности. Особое значение имеет создание условий для появления в регионе новых ориентированных на экспорт компаний (стартапы, спинауты), деятельность которых связана с новыми и конвергирующими технологиями.

Методическое и программное обеспечение анализа экономической сложности на субнациональном уровне

Точность измерения экономической сложности объекта (страны, штата, региона и т.д.) существенно зависит от качества и полноты исходных данных, а также от выбранных исследователями методов и алгоритмов оценки. Поэтому разработка методического и программного обеспечения анализа экономической сложности на субнациональном уровне в рамках настоящего исследования проводилась на основе следующих положений и имеет ряд особенностей.

1. Выбор между мировым и национальным продуктовыми пространствами в оценке сложности экономики регионов.

В отношении российских регионов встречаются исследования на уровне мирового экспортного пространства, а более ранние работы оценивали диверсификацию экспорта через национальное продуктивное пространство. В зарубежной практике оценка экономической сложности регионов учитывает позиции региона в мировом продуктивном пространстве, также используются различные базы данных, характеризующие региональные торговые потоки, для анализа операций с другими регионами страны или со всей остальной частью страны. Поэтому в данном исследовании экономика региона рассматривается как отдельная статистическая единица в мировом и национальном продуктивном пространствах. Измеряются два типа торговых потоков региона: а) международные (экспорт и импорт) и б) межрегиональные (ввоз и вывоз между регионами России).

2. Выбор доступных источников данных мировой торговли для измерения экономической сложности на субнациональном уровне.

Традиционно используется торговая статистика UN Comtrade, ВАСИ, Атласа экономической сложности, Центра международных данных⁶ и др. Однако сегодня достаточно много примеров применения альтернативных источников данных. Например, базы данных патентов и торговых знаков, сети глобального распределенных центров НИОКР, таблицы «Затраты — выпуск». Нередко используются такие дополнительные источники, как базы таможенных деклараций по экспорту и импорту, сведения реестров предприятий и организаций, транспортно-логистические потоки и др.

В настоящем исследовании в качестве источника данных мировой торговли по странам применялись базы Атласа экономической сложности Гарвардского университета. Во-первых, они адаптированы для целей измерения экономической сложно-

⁶ The Center for International Data. URL: <https://cid.econ.ucdavis.edu> (дата обращения: 10.10.2019).

сти. Во-вторых, в них представлены последние актуальные сведения по состоянию на 2017 год. В-третьих, использована HS-классификация, которая соответствует товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС), в рамках которой проводится учет в России международной торговли.

3. Полнота охвата и качество национальных и региональных источников статистики международной торговли, уровень их детализации и соответствия мировым базам торговой статистики.

Проблема источников данных имеет две составляющих: 1) доступность таможенной статистики региона по всем товарным позициям на уровне 4- или 6-значной классификации HS, а также 2) возможности детализации и уточнения данных (учет транзитных потоков, отличий между регионом-экспортером и регионом-производителем, баланс торговых потоков по странам-экспортерам и странам-импортерам и др.). По этой причине в данной работе использовались системы таможенной статистики, представляющие детализированные базы данных международной торговли на уровне регионов (см., например, ИАС «Таможня», поставщик данных — «Эксперт-ВЭД»; ИАС «Мозаика», поставщик — «НеоСтатис»; Таможенная статистика РФ, поставщик — «Мониторинг-ВЭД» и др.).

4. Учет межрегиональных торговых потоков на субнациональном уровне.

Наиболее часто исследователи отказываются от включения межрегиональных торговых потоков, указывая на отсутствие сведений о них в открытых источниках или трудности их сбора [19]. Отмечаются недостатки и в уровне их дезагрегирования, соответствующего данным по международной торговле. Однако более существенную проблему исследователи видят в отличии конкуренции на национальном внутреннем и международном рынках. По этой причине часть экспорта региона, включающего и межрегиональные торговые потоки, может отражать «импортозамещение и результат усилий лоббистов» [30, с. 33], а сама оценка экономической сложности заменится измерением индустриальной сложности экономики региона. В качестве аргумента приводится и тот факт, что объем и структура межрегиональной торговли в России в существенной степени объясняются особенностями территориального размещения производства в советский период и вряд ли могут рассматриваться как отражение рыночных закономерностей формирования сравнительного преимущества регионов [31].

Авторы данной статьи придерживаются позиции, что учет межрегиональных торговых потоков является необходимым в анализе экономической сложности, так как потенциал создания ценности и выявление ключевых направлений диверсификации экономики зависят не только от уровня сложности продуктов в международной торговле, но и от сложности продуктов, участвующих в межрегиональной торговле. Анализируя внутренние торговые операции между регионами страны, можно оценить компетенции региона для увеличения выпуска сложной продукции из национального продуктового пространства и перспективы ее включения в экспортную корзину. Особенности предложенного авторского методического подхода рассматриваются ниже.

В составе источников межрегиональной торговли использовались сведения Федеральной таможенной службы РФ, Калининградской областной таможни, Росстата и Калининградстата. Наличие различных источников данных, отличающихся по полноте и охвату региональных торговых потоков, потребовало решения методической проблемы обеспечения их сопоставления и соответствия, формирования на их основе объединенной исходной базы данных. В этой связи авторами статьи с использованием специально разработанных таблиц соответствия, ключей

перехода ОКПД — ТН ВЭД и алгоритмов были объединены данные из различных источников. Дополнительно исключены транзитные товары и торговые потоки по таможенным процедурам, не связанным с перемещением товаров собственного производства.

5. Выбор между использованием линейного метода измерения сложности — The Method of Reflections (MR) [1] или нелинейного метода — The Fitness-Complexity Method (FCM) [31], а также возникающих в последние годы их производных метрик и модификаций.

Точность методов различается на уровне средне- и долгосрочного горизонтов прогнозирования, а также ранжирования продуктов и/или стран. В то же время по результатам последних исследований [33] установлено, что между метриками имеются незначительные расхождения. Поэтому авторами статьи производилась доработка базовых алгоритмов Гарвардского университета на основе метода отражения (The Method of Reflections), размещенных в свободном доступе.

В результате был определен порядок измерения экономической сложности на субнациональном уровне (рис. 1).

Рис. 1. Порядок измерения экономической сложности на уровне региона

Для оценки экономической сложности Калининградской области методически требуется торговые потоки региона отразить в мировом продуктовом пространстве. Это предполагает включение данных международной и межрегиональной торговли Калининградской области в исходную базу мировой торговой статистики (рис. 2).

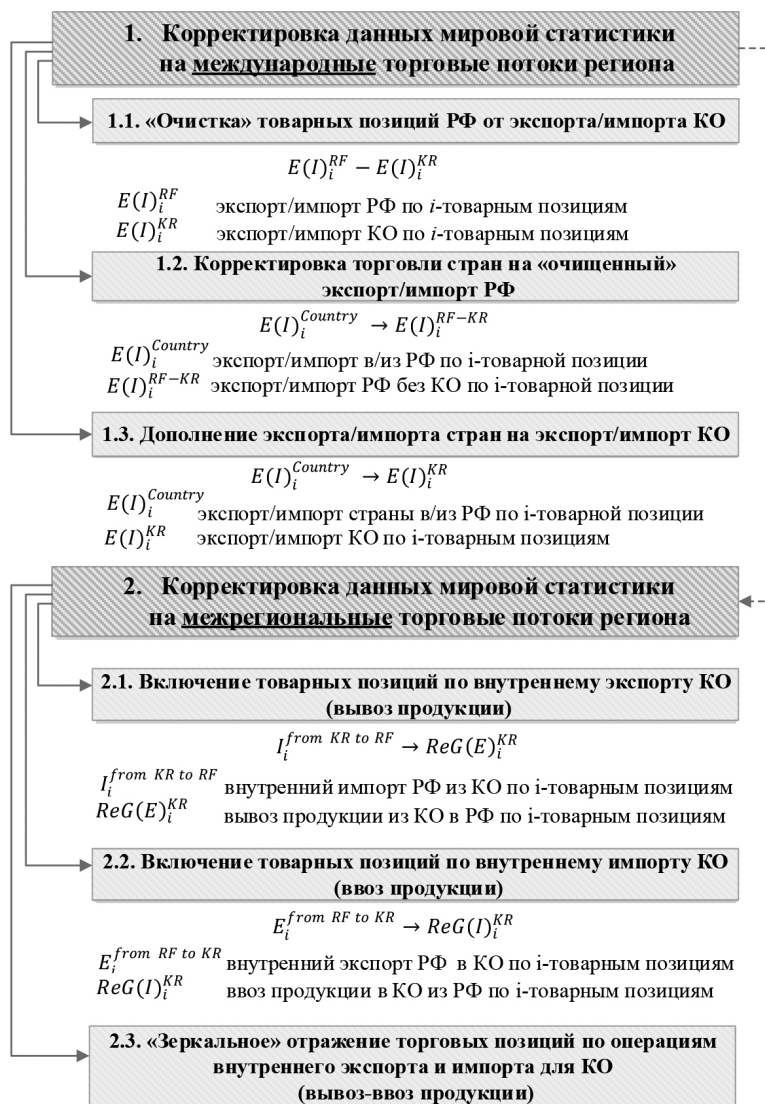

Рис. 2. Схема включения международных и межрегиональных торговых потоков Калининградской области (КО) в базу данных мировой торговли

1. В базу мировой торговой статистики включаются торговые потоки региона с каждой отдельной страной по всем товарным позициям (на уровне четырех или шести знаков HS-ТН ВЭД). Учитывая, что сведения имеют зеркальное отражение, корректировка проводится как по экспорту, так и по импорту.

2. Так как включаемые торговые потоки региона изначально учитывались в составе экспортно-импортных операций страны, необходимо национальные дан-

ные «очистить» на величину экспорта и импорта региона с каждой страной и по каждой товарной позиции. В нашем исследовании все товарные позиции России по странам корректировались на величину экспорта и импорта Калининградской области.

3. Проводится дополнение базы мировой торговой статистики на товарные позиции, отражающие внутренний экспорт (вывоз продукции в регионы) или внутренний импорт (ввоз продукции из регионов) региона с остальной территорией страны. Это техническая мера позволяет измерить возможности расширения экспортной корзины региона за счет товаров, участвующих в межрегиональной торговле.

Для целей измерения экономической сложности на субнациональном уровне авторами разработано соответствующее программное обеспечение.

Программная обработка данных включала решение двух практических задач: 1) основная программная подготовка и обработка исходных баз экспорта и импорта для измерения экономической сложности; 2) вспомогательная программная обработка данных при формировании исходных баз экспорта и импорта. Также была решена и третья задача: рабочей группой произведена программная доработка алгоритма для исправления ошибок, связанных с расчетом показателей плотности, в загружаемом открытом программном обеспечении с ресурса Гарвардского университета.

Все разработанные программные коды являются открытыми и размещены в свободном доступе по адресу: https://github.com/hydrophis-spiralis/regional_economics_complexity.

Анализ экономической сложности Калининградской области

На основе описанной выше авторской методики произведен анализ экономической сложности Калининградской области на интервале 2015—2017 годов. В составе базы исходных данных на уровне четырех знаков HS-кодов анализировалась статистика мировой торговли (1221 ед. товарных групп), внешней торговли региона (743 ед. товарных групп) и межрегиональной торговли (1028 ед. товарных групп). В расчетах использованы сведения в натуральном (тонны) и стоимостном выражении (дол. США). По результатам исследования ниже в качестве примера рассматриваются итоги расчетов по состоянию на 2017 год.

Сохраняемая на протяжении длительного времени импортная зависимость экономики Калининградской области в условиях геополитических изменений, возрастающего влияния внешних реальных и потенциальных рисков и угроз достаточно остро ставит вопрос о развитии существующих и создании новых производственных возможностей за счет накопления знаний и компетенций.

В данном разделе представлены некоторые результаты проведенного анализа экономической сложности Калининградской области с использованием разработанного научной группой с участием авторов статьи методического и программного обеспечения. Пилотные расчеты производились по состоянию на 2017 год — период последних доступных сведений мировой торговой статистики.

На рисунке 3 приведен индекс продуктовой сложности (PCI) для разных категорий товаров (в классификации HS). Совершенно логично, что регион должен стремиться к производству товаров тех категорий, где средний PCI выше 1.

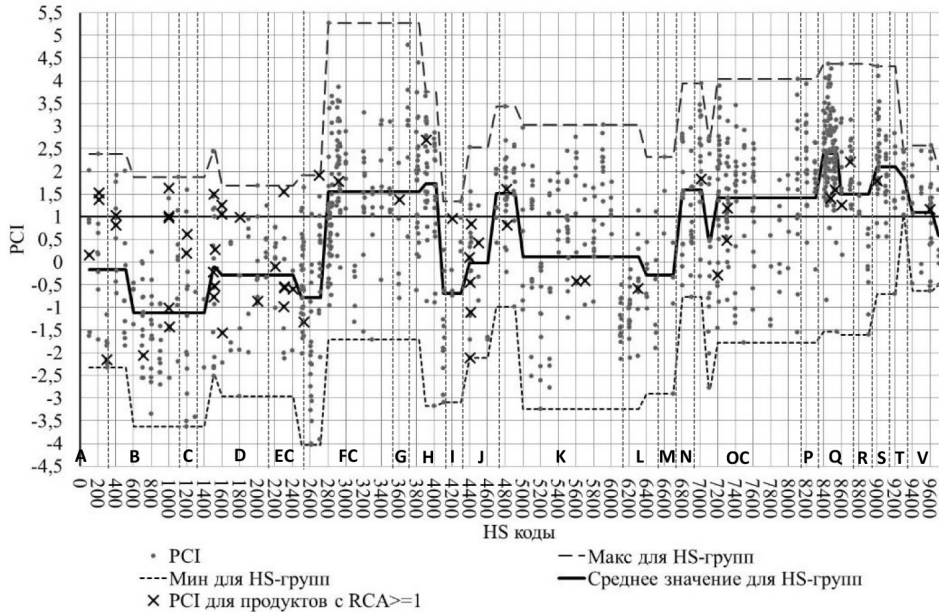

Рис. 3. Индекс продуктовой сложности для каждой группы товаров Калининградской области в системе HS-кодификации

Примечание: Буквы в нижней части графика обозначают определенную HS-группу (в скобках указаны коды ТН ВЭД). Группы разграничены между собой вертикальной пунктирной линией: А — Живые животные; продукты животного происхождения (группы 01—05); В — Продукты растительного происхождения (группы 06—14); С — Жиры и масла (группа 15); D — Готовые пищевые продукты и табак (группы 16—24); E — Минеральные продукты (группы 25—27); F — Продукция химической промышленности (группы 28—38); G — Пластмассы, каучуки и резина (группы 39—40); H — Шкуры, кожа, мех (группы 41—43); I — Древесина, пробка, солома (группы 44—46); J — Масса из древесины, бумага или картон (группы 47—49); K — Текстильные материалы и текстильные изделия (группы 50—63); L — Обувь, головные уборы, зонты, солнцезащитные зонты (группы 64—67); M — Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды, керамика и стекло (группы 68—70); N — Жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы (группа 71); за исключением: O — Недрагоценные металлы и изделия из них (группы 72—83); P — Машины, оборудование и механизмы (группы 84—85); Q — Средства наземного транспорта, летательные аппараты, плавучие средства (группы 86—89); R — Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские (группы 90—92); S — Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности (группа 93); T — Разные промышленные товары (группы 94—96); V — Произведения искусства, предметы коллекционирования и антиквариат (группа 97). Крестами на графике указаны товарные позиции, по которым регион имеет сравнительное преимущество ($RCA > 1$).

Это следующие категории (в порядке уменьшения среднего значения PCI): (1) Машины, оборудование и механизмы (группы 84—85) (в среднем PCI = 2,4); (2) Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские (группы 90—92) (в среднем PCI = 2,1); (3) Пластмассы, каучуки и резина (группы 39—40) (в среднем PCI = 1,7); (4) Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды, керамика и стекло

(группы 68—70) (в среднем $PCI = 1,6$); (5) Продукция химической промышленности (группы 28—38) (в среднем $PCI = 1,5$); (6) Масса из древесины, бумага или картон (группы 47—49) (в среднем $PCI = 1,5$); (7) Средства наземного транспорта, летательные аппараты, плавучие средства (группы 86—89) (средний $PCI = 1,5$); (8) Недрагоценные металлы и изделия из них (группы 72—83) (в среднем $PCI = 1,4$); (9) Разные промышленные товары (группы 94—96) (в среднем $PCI = 1,1$).

Средневзвешенное по объему экспорта значение показателя PCI для товаров, имеющих сравнительно преимущество ($RCA > 1$), равно 1,79. В то же время для всех экспортируемых Калининградской областью товаров он равен 1,40.

Несмотря на это, корреляция между PCI и объемом экспорта не обнаружена ($R^2 = 0,001$). Полученный результат обусловлен неравномерностью экспортного портфеля, в котором 60 % объема экспорта приходится на одну единственную продуктовую категорию с PCI , равным 2,2. Это товарная позиция «Автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства ... включая грузопассажирские автомобили-фургоны и гоночные автомобили». Более 80 % экспорта региона составляют восемь основных товарных групп (табл. 1).

Таблица 1

Товары, составляющие 80 % экспортного портфеля Калининградской области

Доля в общем экспорте, %	Категория продуктов (товарные позиции)	Совокупная доля экспорта, %
59,74	Автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства, предназначенные главным образом для перевозки людей, включая грузопассажирские автомобили-фургоны и гоночные автомобили	59,74
5,61	Масло соевое и его фракции, нерафинированные или рафинированные, но без изменения химического состава	65,35
3,84	Готовые или консервированные продукты из мяса, мясных субпродуктов или крови прочие	69,18
3,18	Готовая или консервированная рыба; икра осетровых и ее заменители, изготовленные из икринок рыбы	72,36
2,22	Пшеница и меслин	74,58
2,14	Мониторы и проекторы... аппаратура приемная для телевизионной связи, включающая или не включающая в свой состав широкоэвещательный радиоприемник или аппаратуру записывающую или воспроизводящую	76,72
2,11	Жмыхи и другие твердые отходы, получаемые при извлечении соевого масла, немолотые или молотые, негранулированные или гранулированные	78,83
2,04	Спирт этиловый неденатурированный с концентрацией спирта менее 80 об.%; спиртовые настойки, ликеры и прочие спиртные напитки	80,87

При более подробном анализе экспортного портфеля Калининградской области могут быть выявлены ключевые товарные группы. Для этого определяется, в каких группах у Калининградской области есть выявленное сравнительное преимущество (RCA), и по этим группам анализируется оцененная плотность компетенций

(ICD)⁷. Чем выше плотность компетенций, тем больше возможностей для выпуска более сложной продукции. Для Калининградской области проведенный анализ выявил, что имеющийся уровень ICD, требуемый для разработки успешных экспортных товаров, составляет только 4,6 %. Это невысокий показатель в сравнении с его уровнем в других странах (рис. 4).

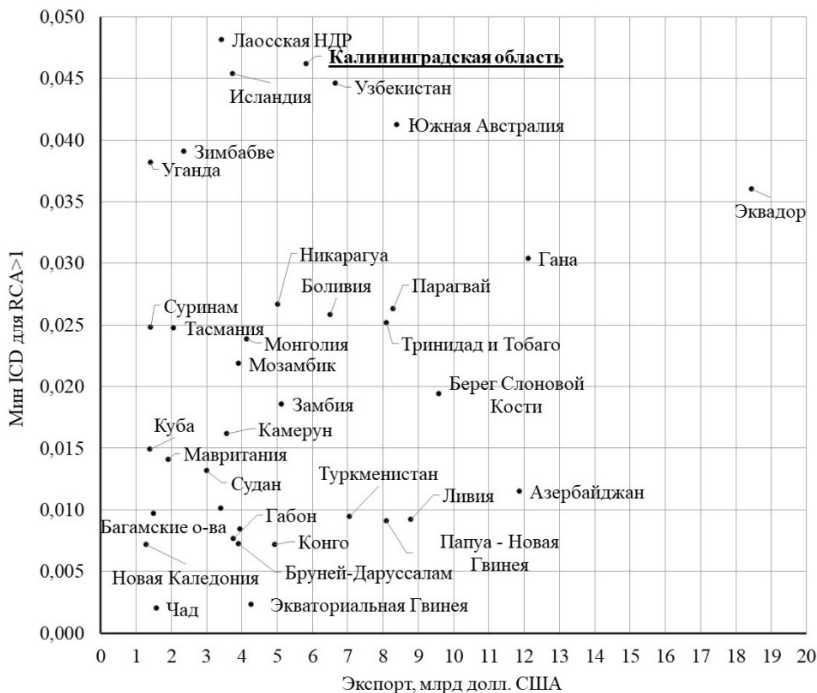

Рис. 4. Показатели ICD и общего объема экспорта стран (фрагмент)

Источник: Атлас экономической сложности и расчеты авторов.

Низкий уровень ICD свидетельствует о том, что база производственных возможностей и компетенций в Калининградской области слишком узкая и неглубокая. Это означает и эмпирически подтверждает, что региональные компании, работающие с категориями продуктов с более высоким РСІ, зависят от производственных компетенций, передаваемых, импортируемых или предоставляемых по лицензии от материнской компании или третьих сторон, внешних по отношению к экономике региона.

Кроме того, из этого следует, что ни один субпоставщик не предоставляет в регион товары и услуги, являющиеся критично важным и незаменимыми. Чем выше РСІ и чем ниже ICD (рис. 5), тем больше риск того, что эта категория продуктов будет потеряна для экономики, если только она не зависит от природного ресурса (например, сырьё с высокими транспортными расходами), который трудно найти на открытом рынке, или если не предусмотрены стимулы, например налоговые льготы.

⁷ Используется понятие оцененной плотности компетенций (ICD), поскольку плотность компетенций для региона (density) определяется на основе портфеля продуктов, содержащих только категории с выявленным сравнительным преимуществом (RCA) больше 1. Расчет ICD алгебраически соответствует «density».

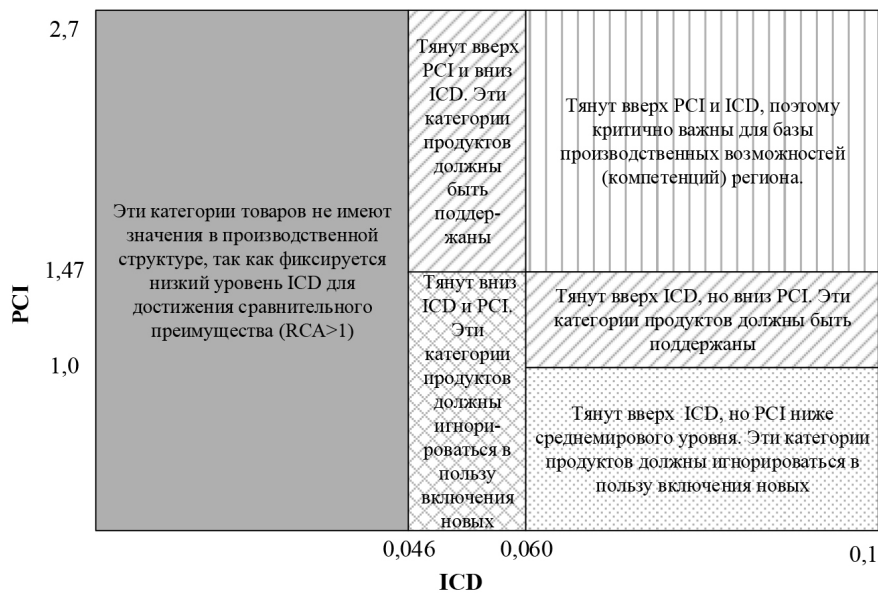
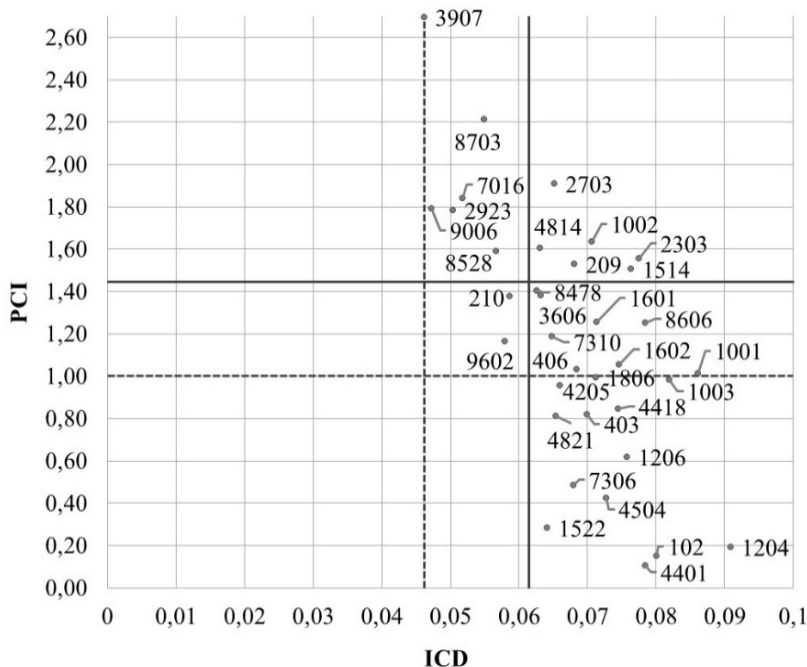

Рис. 5. Часть продуктового пространства Калининграда с $RCA \geq 1$ по показателям PCI и ICD: а — расчетные значения по Калининградской области (фрагмент); б — интерпретация различных зон продуктового пространства

Примечание: Линиями на графике показаны средневзвешенные значения показателей PCI и ICD по объему экспорта. Используются HS-коды⁸.

⁸ См. Атлас экономической сложности (<https://dataverse.harvard.edu/dataverse/atlas>).

Соответственно, для роста конкурентоспособности региона показатель ICD должен примерно вдвое превышать текущее значение. Для интерпретации фрагмента и продуктовых категорий на рисунке 5,а следует проводить соответствие с зонами на рисунке 5,б, которые ограничены значениями на шкалах PCI и ICD. Рисунки 5,а и 5,б являются зеркальными. Здесь не рассматривается развитие конкретных компетенций для усложнения продукции, поскольку это самостоятельное исследование по результатам анализа экономической сложности.

В этой связи возникает вопрос, есть ли какие-либо категории продуктов, которые могли бы производиться в Калининградской области, что увеличило бы средний уровень PCI. Результаты анализа показаны на рисунке 6. Представлены возможности продуктового пространства Калининградской области, измеренного через COG, ICD и PCI. Точки на графиках — это распределение категорий продуктов на уровне четырех знаков HS-кода. Квадранты I, II и III различаются по уровню сложности продукции, перспективам и выгодам ее последующего усложнения и приоритетам для региона.

Как видно на рисунке 6, в мире нет категорий продуктов, которые производились бы в Калининградской области и могли оказать существенное положительное влияние на абсорбционные и адаптивные способности существующего продуктового пространства региона (отсутствие продуктовых позиций в квадранте I). Основная причина связана с узкой базой производственных возможностей (знаний и компетенций) в регионе, что отражается в низком значении показателя ICD и высококонцентрированном экспортном портфеле.

Таким образом, по результатам исследования выявлено, что текущая ситуация в регионе по структуре выпускаемых продуктов с точки зрения ее сложности, как следствие, по уровню конкурентоспособности и возможности получения выгод в мировой торговле, неудовлетворительна. В настоящее время в Калининградской области производится ограниченное число продукции невысокой сложности, а оценка перспектив получения выгод от ее усложнения (COG) имеет критически низкие значения — для всех видов продукции они меньше 1 (рис. 6,а и б).

Однако это не означает, что развитие региона будет ограничено — достижение желаемого результата потребует времени и принятия связанных и последовательных мер в различных направлениях и сферах.

В сложившейся ситуации целесообразно провести оценку товарных позиций, которые обеспечили бы некоторые выгоды для экономики при условии их успешного ($RCA > 1$) производства и экспорта в достаточном объеме (табл. 2). Как указано выше, категории продуктов, которые могли бы обеспечить существенные преимущества, сейчас в регионе отсутствуют.

На основе результатов расчетов в таблице 2 включены только те категории продуктов из общей мировой базы товарных групп, для которых $COG > 0,5$, $ICD > 0,046$ и $PCI > 1$. Эти критерии соответствуют категориям продукции, расширение производства которых, в том числе за счет развития связанных отраслей, способно повлиять на рост сложности экономики региона (рис. 5,б). К сожалению, из общего количества анализируемых позиций на уровне четырех знаков HS-кодов, отвечают данным критериям только 14, при этом в настоящее время в Калининградской области не производятся лишь 3.

Это означает, что регион выиграет в большей степени в следующих случаях. Во-первых, если возрастет конкурентоспособность 11 уже производимых категорий продуктов и соответствующие значения RCA станут больше единицы.

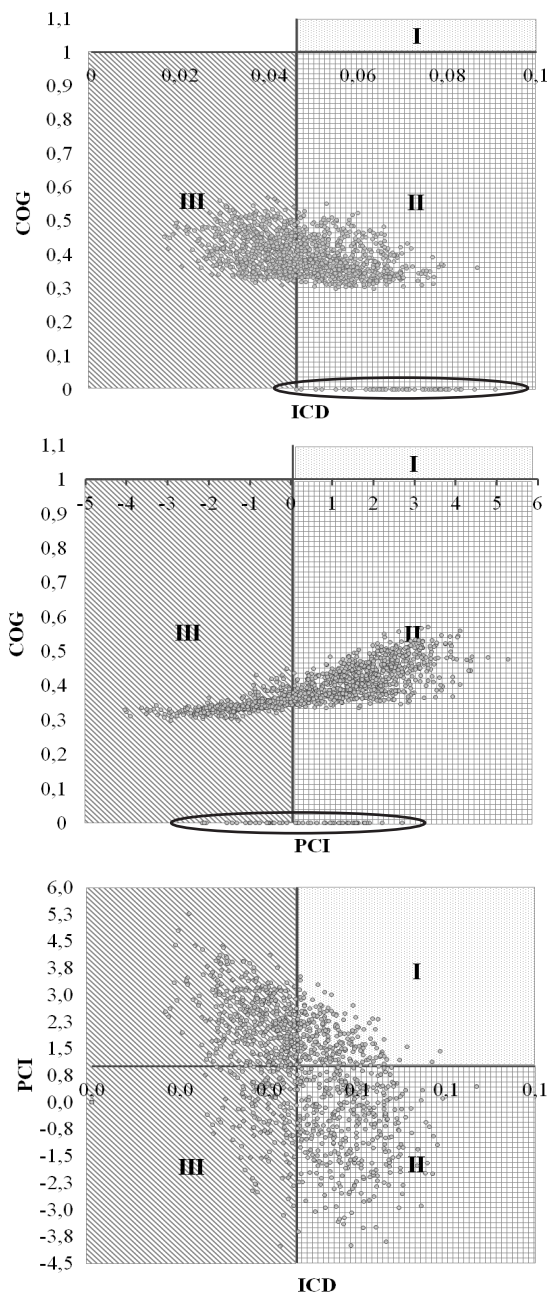

Рис. 6. Оценка перспектив выпуска более сложной продукции:
 а — возможности продуктового пространства, измеренного через COG и ICD;
 б — возможности продуктового пространства, измеренного через COG и PCI;
 в — возможности продуктового пространства, измеренного через PCI и ICD

Примечание: I — категории продуктов, на которых должен сфокусироваться регион; II — регион получает незначительные выгоды, так как COG меньше 1; III — для этих категорий продуктов нет достаточных компетенций и/или их выпуск не будет способствовать росту абсорбционных способностей региона. В овале выделены категории продуктов, которые уже производятся в регионе, и их увеличение в экспортной корзине также не окажет влияния на абсорбционные способности.

Таблица 2

**Оценка привлекательности исходных категорий продуктов
для фокусирования Калининградской области**

Привлекательность*	HS-код	Категория продуктов (товарные позиции)	RCA	Требуемое увеличение экспорта для достижения RCA > 1, раз
0,7203	8416	Горелки топочные для жидкого топлива... золотудалители и аналогичные устройства	0,0000	—
0,7177	7326	Изделия прочие из черных металлов	0,0839	12
0,7069	8530	Электрические устройства сигнализации обеспечения безопасности или управления движением для железных дорог, трамвайных путей, автомобильных дорог... или аэродромов	0,0000	—
0,7046	8607	Части железнодорожных локомотивов или моторных вагонов трамвая или подвижного состава	0,0006	1703
0,7028	8412	Двигатели и силовые установки прочие	0,8634	1,16
0,6945	8428	Машины и устройства для подъема, перемещения, погрузки или разгрузки прочие	0,0004	2406
0,6942	7616	Прочие изделия из алюминия	0,1818	5
0,6919	7226	Прокат плоский из прочих легированных сталей шириной менее 600 мм	0,0000	—
0,6858	8516	Электрические водонагреватели проточные или накопительные (емкостные)...	0,0008	1206
0,6848	9032	Приборы и устройства для автоматического регулирования или управления	0,0038	263
0,6811	8538	Части, предназначенные исключительно или в основном для аппаратуры товарных позиций 8535, 8536 или 8537	0,0192	52
0,6805	8708	Части и принадлежности моторных транспортных средств товарных 8701 — 8705	0,0010	1036
0,6795	4008	Пластины, листы, полосы или ленты, прутки и профили фасонные из вулканизированной резины, кроме твердой резины	0,0507	20
0,6640	8441	Машины; оборудование для производства изделий из бумажной массы... прочее	0,0520	19

Примечание: *Привлекательность рассчитана через средневзвешенные отношения показателей PCI, COG и ICD для искомой категории продуктов к их соответственно максимальной величине по всем продуктам Калининградской области.

Это означает, что стоимость экспорта должна увеличиться для категории продуктов с HS-кодом 8412 на 16 % и для категории HS-кодом 8428 — в 2406 раз (!). Большая часть таких изменений является недостижимой в краткосрочной перспек-

тиве. Во-вторых, если в регионе будет начато производство продуктов с HS-кодами 8416, 8530 и 7226 и их экспорт с $RCA > 1$. Это невозможно в долгосрочной перспективе, но реально в отдельных нишах в рамках этих HS-групп с течением времени. Важно отметить, чтобы можно было принять соответствующие меры и определить приоритеты, прежде всего необходимо получить подробное представление о компаниях, работающих в этих секторах.

По мере расширения и углубления базы производственных возможностей (компетенций) региона способность экономики к абсорбции и адаптации будет увеличиваться и, следовательно, будет увеличиваться портфель потенциальных категорий продуктов, которые могут быть произведены и экспортированы в Калининградской области, а также будут расти выгоды, которые эти новые продукты обеспечат экономике. Логика заключается в следующем: чем больше накапливается компетенций через выпуск более сложных продуктов, тем большая выгода может быть получена, и тем легче развивать в экономике новые производства, основанные на новых и конвергентных технологиях.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

Следствием сдвига парадигмы создания ценностей в результате технологического развития, который оказывает влияние на микро-, мезо- и макроуровни, являются происходящие изменения в структуре экономики. Для выявления ключевых направлений обеспечения экономического развития и будущего роста при условии сохранения и/или повышения конкурентоспособности территории все большее значение приобретает анализ экономической сложности. На основе оценки локально сформировавшейся базы производственных возможностей (знаний и компетенций) конкретной территории делается вывод относительно выбора отраслевых стратегий по критерию достижения сравнительного преимущества за счет выпуска более сложной продукции.

Применение анализа экономической сложности на субнациональном уровне сегодня ограничено по причине его слабой методической проработки. В рамках решения указанной научной проблемы исследовательской группой БФУ им. И. Канта с участием авторов статьи было разработано методическое и программное обеспечение анализа экономической сложности на уровне региона. Его экспериментальная проверка проведена на примере эксклавной Калининградской области. По состоянию на 2017 год с использованием специальных алгоритмов сформирована объединенная база исходных данных из различных источников (таможенных и статистических органов) в составе международных и межрегиональных товарных потоков. Исключены транзитные операции, и исходные потоки по Калининградской области отражены в базе мировой торговой статистики. Произведены расчеты показателей и последующий анализ экономической сложности.

Установлено, что в Калининградской области в настоящее время сформирована узкая и неглубокая база производственных возможностей (знаний и компетенций), что обуславливает ограниченные способности региона к абсорбции и адаптации. Свидетельством этого является невысокий уровень сложности уже выпускаемой продукции (PCI) в регионе, а также низкий уровень показателя плотности (ICD). Это означает, что в продуктовом пространстве новые более сложные продукты находятся на большом расстоянии от тех, которые уже представлены в экспортной корзине Калининградской области. Следовательно, недостаточный объем накопленных компетенций в регионе не позволяет переходить к производству более сложных продуктов, требует длительного времени и принятия системных мер на различных уровнях. Данный факт установлен на основе полученных низких значений индексов изменения экономической сложности (COI) и потенциальной выгоды (COG) при включении в экспорт новых продуктов, а также на основе интерпретации

и анализа различных зон продуктового пространства. Оценка товарных позиций, которые обеспечили бы незначительные выгоды для экономики Калининградской области при условии их успешного ($RCA > 1$) производства, показала, что требуется значительное увеличение объемов экспорта. Это невозможно в долгосрочной перспективе и приемлемо только в отдельных нишах в рамках выявленных HS-групп с течением времени.

Исходя из результатов анализа экономической сложности Калининградской области, фиксирующего ограниченные способности к абсорбции и адаптации, можно сделать следующие предложения в области промышленной политики.

Во-первых, следует принять все возможные меры, чтобы не допустить потерю ни одной из товарных позиций (категорий), составляющих 80 % стоимостного объема экспорта региона. Это означает, что необходим постоянный диалог между региональными и местными органами власти, с одной стороны, и компаниями, работающими с этими товарными позициями, — с другой, о том, как обеспечить и усилить международную конкурентоспособность этих компаний на мировом рынке, принимая во внимание глобальную тенденцию к цифровизации и снижению уровня потребления ресурсов при создании ценности. Основой для такого диалога могут быть разработанные совместно с компаниями технологические дорожные карты, служащие базой для создания стратегических направлений в области НИОКР, инноваций и др.

Во-вторых, крайне важно, чтобы регион развивал и экспортировал услуги, связанные с этими категориями продуктов (например, продажа интеллектуальной собственности и ее лицензирование, финансовые и иные бизнес-услуги, включая архитектуру, проектирование, дизайн, консалтинговые услуги и т.д., а также программное обеспечение, информационные и коммуникационные технологии). Такие услуги являются не менее сложными, чем экономически сложные продукты, и, следовательно, обеспечивают значительный вклад в абсорбционную и адаптивную способность экономики. Здесь возможны два пути: первый — самостоятельная сервитизация и обслуживание промышленной компании, второй — развитие специализированных поставщиков сервисов и услуг.

В-третьих, необходимо активно и энергично привлекать в регион компании, потенциал и способности которых могут расширить и углубить базу производственных возможностей (знаний и компетенций) региона. Ключевым направлением деятельности должно стать обеспечение условий для появления в регионе новых ориентированных на экспорт и рост компаний (стартапы, спинауты). Это потребует формирования компетентной системы поддержки стартапов на базе университетов, а также активизации новых и связанных цепочек создания стоимости.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты представляют интерес для разработки региональными органами власти стратегии развития и системы последовательных взаимосвязанных действий и решений. В целях дальнейших исследований эти результаты будут использованы в анализе структурных дыр и технологическом картировании в соответствии с отраслевыми стратегиями и изменениями в производственной структуре региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-410-390002 «Экономика сложности и выбор отраслевых стратегий регионами России в новой парадигме создания ценности на примере Калининградской области».

Авторы статьи выражают свою признательность и благодарность экспертам, молодым исследователям и аспирантам БФУ им. И. Канта, принявшим участие в разработке методического и программного обеспечения анализа экономической сложности региона, а также в проведении пилотных расчетов Калининградской области.

Список литературы

1. *Hidalgo C.A., Hausmann R.* The building blocks of economic complexity // PNAS. 2009. Vol. 106(26). P. 10570—10575. doi: 10.1073/pnas.0900943106.
2. *Lall S.* Technological capabilities and industrialization // World Development. 1992. Vol. 20. P. 165—186.
3. *Acemogly D., Zilibotti F.* Information accumulation in development // Journal of Economic Growth. 1999. Vol. 4. P. 5—38.
4. *Fagerberg J., Srholec M.* Capabilities, economic development, sustainability, Cambridge // Journal of Economics. 2017. Vol. 41(3). P. 905—926. doi: 10.1093/cje/bew061.
5. *Hausmann R., Hidalgo C.A.* Country diversification, product ubiquity, and economic divergence // Working Paper No. 201. Cambridge, MA, 2010. URL: <https://growthlab.cid.harvard.edu/files/growthlab/files/201.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).
6. *Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S. et al.* The atlas of economic complexity: Mapping paths to prosperity. MIT Press, 2014.
7. *Felipe J., Kumar U., Abdon A., Bacate M.* Product complexity and economic development // Structural Change and Economic Dynamics. 2012. Vol. 23(1). P. 36—68. doi: 10.1016/j.strueco.2011.08.003.
8. *Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е., Фарафонова Ю.Ю.* Экономическая сложность на субнациональном уровне — инновационная парадигма регионального развития // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9, № 3. С. 735—752. doi: 10.18334/vinec.9.3.40822.
9. *Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е.* Эконометрический анализ влияния интенсивности трансграничности на уровень экономической сложности на примере стран Европы // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 4. С. 602—631. doi: 10.15507/2413-1407.1067.027.201904.602-631.
10. *Roos G.* Technology-Driven Productivity Improvements and the Future of Work: Emerging Research and Opportunities. Hershey, PA: IGI Global, 2017. doi: 10.4018/978-1-5225-2179-2.
11. *Perez C.* Technological revolutions and techno-economic paradigms // Cambridge journal of economics. 2010. Vol. 34(1). P. 185—202. doi: 10.1093/cje/bep051.
12. *Lundquist K.J., Olander L.O., Svensson Henning M.* Creative Destruction and Economic Welfare in Swedish Regions: Spatial Dimensions of Structural Change, Growth and Employment. SRE — Discussion Papers, 2008/03. Institut für Regional und Umweltwirtschaft. Vienna, Austria, 2008. URL: <http://epub.wu.ac.at/634/1/document.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).
13. *Martynovich M., Lundquist K.J.* Technological Change and Geographical Reallocation of Labour: On the Role of Leading Industries // Regional Studies. 2015. Vol. 50(10). P. 1633—1647. doi: 10.1080/00343404.2015.1052062.
14. *Roos G.* Knowledge Management, Intellectual Capital, Structural Holes, Economic Complexity and National Prosperity // Journal of Intellectual Capital. 2017. Vol. 18(4). P. 745—770. doi: 10.1108/JIC-07-2016-007.
15. *Roos G., Shroff Z.* What will happen to the jobs? Technology-enabled productivity improvement — good for some, bad for others // Labour & Industry: a Journal of the Social and Economic Relations of Work. 2017. Vol. 27(3). P. 165—192. doi: 10.1080/10301763.2017.1359817.
16. *Hausmann R., Hidalgo C.A.* The network structure of economic output // Journal of Economic Growth. 2011. Vol. 16(4). P. 309—342. doi: 10.1007/s10887-011-9071-4.
17. *Roos G.* National Prosperity, Structural Holes and Sectoral Development // B+I Strategy. Estrategia. 2018. Vol 7. P. 92—105. URL: <https://www.bmasi.net/images/bmasi/Noticias/Estrategia7.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
18. *Foray D.* The Economic Fundamentals of Smart Specialization Strategies // Advances in the Theory and Practice of Smart Specialization / S. Radošević, A. Curaj, R. Gheorghiu, I. Wade (eds.). Amsterdam, 2017. P. 37—50. doi: 10.1016/B978-0-12-804137-6.00002-4.
19. *Любимов И.Л., Лысюк М.В., Гвоздева М.А.* Атлас экономической сложности российских регионов // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 71—91. doi: 10.32609/0042-8736-2018-6-71-91.
20. *Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В.* Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2(34). С. 94—122. doi: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-4.

21. *Farra F., Klos N., Schober U. et al.* Improving regional performance in Russia: a capability-based approach. European Bank for Reconstruction and Development, 2013. URL: <https://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0155.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

22. *Кравченко Н.А., Азеева С.Д.* Диверсификация экономики: институциональные аспекты // Журнал институциональных исследований. 2017. № 4. С. 52—67. doi: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.052-067.

23. *Balsalobre S.J.P., Verduras C.L., Lanchas J.D.* Measuring the Economic Complexity at the sub-national level using international and interregional trade. URL: http://www.etsg.org/ETSG2017/papers/perez_llano_complexity_2017.pdf (дата обращения: 13.09.2019).

24. *Freitas E.E., Paiva E.A.* Diversificação e sofisticação das exportações: uma aplicação do product space aos dados do Brasil [Diversification and sophistication of exports: an application of the product space to Brazilian data] // Rev. Econ. NE, Fortaleza. 2015. Vol. 46(3). P. 79—98. URL: <https://ren.emnuvens.com.br/ren/article/download/261/259> (дата обращения: 13.09.2019).

25. *Reynolds C., Agrawal M., Lee I. et al.* A sub-national economic complexity analysis of Australia's states and territories // Regional Studies. 2018. Vol. 52(5). P. 715—726. doi: 10.1080/00343404.2017.1283012.

26. *Roos G., Shroff Z., Gamble H. et al.* Smart Specialisation — Insights for a Future Industry Policy. Economic Development Board of South Australia — Main Report. Government of South Australia. Adelaide, South Australia. Australia, 2018. URL: <http://economicdevelopmentboardsa.com.au/wp-content/uploads/Smart-Specialisation-report-HR.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

27. *Gao J., Zhou T.* Quantifying China's regional economic complexity // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2018. Vol. 492. P. 1591—1603. doi: 10.1016/j.physa.2017.11.084.

28. *Balland P.-A., Rigby D.* The Geography of Complex Knowledge // Economic Geography. 2017. Vol. 93(1). P. 1—23. doi: 10.1080/00130095.2016.1205947.

29. *Tullio B., Giancarlo C.* Structural Change and Convergence Across European Regions. University Ca' Foscari of Venice, Dept. of Economics Research Paper Series, 16. 2018. doi: 10.2139/ssrn.3197017.

30. *Любимов И.Л., Лысюк М.В., Гвоздева М.А.* Атлас экономической сложности российских регионов. URL: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/wpaper/021801.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).

31. *Kadochnikov S.M., Fedyunina A.A.* Economic growth due to export externalities: a spatial econometric analysis for Russian regions, 2003—2008 // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. 2013. Vol. 6(4). P. 358—374. doi: 10.1504/IJEPEE.2013.057909.

32. *Tacchella A., Cristelli M., Caldarelli G. et al.* A New Metrics for Countries' Fitness and Products' Complexity // Scientific reports. 2012. Vol. 2, 723. URL: <https://www.nature.com/articles/srep00723> (дата обращения: 10.08.2019). doi: 10.1038/srep00723.

33. *Albeaik S., Kaltenberg M., Asaleh M., Hidalgo C.A.* 729 new measures of economic complexity (Addendum to Improving the Economic Complexity Index). ArXiv: 1708.04107. 2017. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1708/1708.04107.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

Об авторах

Нильс Йоран Арне Руус, профессор, Австралийский институт промышленной трансформации, Университет Флиндерс, Австралия.

E-mail: goran@roos.org.uk

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0943-3585>

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе Института региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

Татьяна Емельяновна Дрок, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Института экономики и менеджмента, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: TDrok@kantiana.ru

Юлия Юрьевна Фарафонова, аспирант, ассистент кафедры экономики и менеджмента Института экономики и менеджмента, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

AN ECONOMIC COMPLEXITY ANALYSIS OF THE KALININGRAD REGION: IDENTIFYING SECTORAL PRIORITIES IN THE EMERGING VALUE CREATION PARADIGM

G. Roos^a

K. Yu. Voloshenko^b

T. E. Drok^b

Yu. Yu. Farafonova^b

---

^a Flinders University
Sturt Road, Bedford Park, Adelaide, Australia, 5042

^b Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016

Received 05 September 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-9

© Roos G., Voloshenko K. Yu.,
Drok T. E., Farafonova Yu. Yu., 2020

The ongoing technological development leads to the emergence of a new value-creation paradigm that calls for changes and structural transformations in economic systems at different levels. Structural transformations are prompted by growing economic complexity. In this context, the selection of industrial strategies and the validation of key regional industrial policies is of paramount importance. Economic complexity (EC) analysis is a new effective tool to address the issue. Its application at a subnational level is, however, limited by methodological problems.

To analyse economic complexity at a subnational level, a basic methodology and special software were developed within this study. The object of the research is the exclave Kaliningrad region, whose location makes it possible to capture accurate and comprehensive data on international and interregional trade. Based on the EC analysis theory and practice, the study involved the development of methods, algorithms, and software to form a source database and measure economic complexity.

The findings may guide the use of EC analyses in regional policies. The article suggests activities for sequential upgrading of the industry in the Kaliningrad region. These activities will facilitate the development of the existing and new capabilities, improve the business environment, and increase the complexity of products, productions, and industries.

Keywords:

economic complexity, capability, sector strategy, industrial policy, international and interregional trade flows, exclave, Kaliningrad region

References

1. Hidalgo, C.A., Hausmann, R. 2009, The building blocks of economic complexity, *PNAS*, vol. 106, no. 26, p. 10570—10575. doi:10.1073/pnas.0900943106.
2. Lall, S. 1992, Technological capabilities and industrialization, *World Development*, vol. 20, p. 165—186.
3. Acemogly, D., Zilibotti, F. 1999, Information accumulation in development, *Journal of Economic Growth*, vol. 4, p. 5—38.
4. Fagerberg, J., Srholec, M. 2017, Capabilities, economic development, sustainability, Cambridge, *Journal of Economics*, vol. 41, no. 3, p. 905—926. doi: 10.1093/cje/bew061.
5. Hausmann, R., Hidalgo, C.A. 2010, Country diversification, product ubiquity, and economic divergence, Working Paper, no. 201, Cambridge, MA, Center for International Development, Harvard University, available at: <https://growthlab.cid.harvard.edu/files/growthlab/files/201.pdf> (accessed 13.09.2019).
6. Hausmann, R., Hidalgo, C.A., Bustos, S., Coscia, M., Simoes, A., Yildirim M.A. 2014, The atlas of economic complexity: Mapping paths to prosperity, Mit Press.
7. Felipe, J., Kumar, U., Abdon, A., Bacate, M. 2012, Product complexity and economic development, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 23, no. 1, p. 36—68. doi: 10.1016/j.strueco.2011.08.003.
8. Voloshenko, K.Yu., Drok, T.E., Farafonova, Yu.Yu. 2019, The economic complexity at the sub-national level as an innovative paradigm for regional development, *Russian Journal of Innovation Economics*, no. 9(3), p. 735—752. doi:10.18334/vinec.9.3.40822. (in Russ.).
9. Voloshenko, K.Yu., Drok, T.E. 2019, Econometric analysis of the impact of transboundary intensity on the level of economic complexity on the example of European countries, *Russian Journal of Regional Studies*, no. 27(4), p. 602—631. doi:10.15507/2413-1407.1067.027.201904.00-00 (in Russ.).
10. Roos, G. 2017, Technology-Driven Productivity Improvements and the Future of Work, *Advances in Business Strategy and Competitive Advantage*, doi:10.4018/978-1-5225-2179-2.
11. Perez, C. 2010, Technological revolutions and techno-economic paradigms, *Cambridge journal of economics*, vol. 34, no. 1, p. 185—202. doi: 10.1093/cje/bep051.
12. Lundquist, K.J., Olander, L.O., Svensson Henning, M. 2008, Creative Destruction and Economic Welfare in Swedish Regions: Spatial Dimensions of Structural Change, Growth and Employment, SRE—Discussion Papers, no. 2008/03, Institut für Regional und Umweltwirtschaft. Vienna, Austria, Vienna University of Economics and Business, available at: <http://epub.wu.ac.at/634/1/document.pdf> (accessed 20.11.2019).
13. Martynovich, M., Lundquist, K.J. 2015, Technological Change and Geographical Reallocation of Labour: On the Role of Leading Industries, *Regional Studies*, vol. 50, no. 10, p. 1633—1647. doi: 10.1080/00343404.2015.1052062.
14. Roos, G. 2017, Knowledge Management, Intellectual Capital, Structural Holes, Economic Complexity and National Prosperity, *Journal of Intellectual Capital*, vol. 18, no. 4, p. 745—770. doi:10.1108/JIC-07-2016-007.
15. Roos, G., Shroff, Z. 2017, What will happen to the jobs? Technology-enabled productivity improvement — good for some, bad for others, *Labour & Industry: a journal of the social and economic relations of work*, vol. 27, no. 3, p. 165—192. doi: 10.1080/10301763.2017.1359817.
16. Hausmann, R., Hidalgo, C.A. 2011, The network structure of economic output, *Journal of Economic Growth*, vol. 16, no. 4, p. 309—342. doi: 10.1007/s10887-011-9071-4.
17. Roos, G. 2018, National Prosperity, Structural Holes and Sectoral Development, *B+I Strategy, Estrategia*, vol 7, p. 92—105, available at: <https://www.bmasi.net/images/bmasi/Noticias/Estrategia7.pdf> (accessed 10.10.2019).
18. Foray, D. 2017, The Economic Fundamentals of Smart Specialization Strategies. In: Radošević, S., Curaj, A., Gheorghiu, R., Wade, I. (eds.) *Advances in the Theory and Practice of Smart Specialization*, Amsterdam, Academic Press, p. 37—50. doi: 10.1016/B978-0-12-804137-6.00002-4.
19. Lyubimov, I.L., Lysyuk, M.V., Gvozdeva, M.A. 2018, Atlas of economic complexity, *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, p. 71—91. doi: 10.32609/0042-8736-2018-6-71-91 (in Russ.).
20. Lyubimov, I.L., Gvozdeva, M.A. Kazakova, M.V. Nesterova, K.V. 2017, Economic Complexity of Russian Regions and their Potential to Diversify, *Journal of the New Economic Association*, no. 2(34), p. 94—122. doi: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-4 (in Russ.).
21. Farra, F., Klos, N., Schober, U., Sigalova, O., Zhukov A. 2013, Improving regional performance in Russia: a capability-based approach, European Bank for Reconstruction and Development, available at: <https://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0155.pdf> (accessed 13.09.2019).

22. Kravchenko, N.A., Ageeva, S.D. 2017, Diversification of the Economy: Institutional Aspects, *Journal of Institutional Studies*, no. 4, p. 52–67. doi: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.052-067 (in Russ.).
23. Balsalobre, S.J.P., Verduras, C.L., Lanchas, J.D. 2017, Measuring the Economic Complexity at the sub-national level using international and interregional trade, available at: http://www.etsg.org/ETS2017/papers/perez_llano_complexity_2017.pdf (accessed 13.09.2019).
24. Freitas, E.E., Paiva, E.A. 2015, Diversification and sophistication of exports: an application of the product space to Brazilian data, *Rev. Econ. NE, Fortaleza*, vol. 46, no. 3, p. 79–98, available at: <https://ren.emnuvens.com.br/ren/article/download/261/239> (accessed 13.09.2019).
25. Reynolds, C., Agrawal, M., Lee, I., Zhan, C., Li, J., Taylor, P., Mares, T., Morison, J., Angelakis, N., Roos, G. 2018, A sub-national economic complexity analysis of Australia's states and territories, *Regional Studies*, Vol. 52, no. 5, p. 715–726. doi: 10.1080/00343404.2017.1283012.
26. Roos, G., Shroff, Z., Gamble, H., Taylor, P., Mares, T., Esvelt-Allen, R., Baird, A. 2018, Smart Specialisation — Insights for a Future Industry Policy. Economic Development Board of South Australia — Main Report, Government of South Australia, Adelaide, South Australia, available at: <http://economicdevelopmentboardsa.com.au/wp-content/uploads/Smart-Specialisation-report-HR.pdf> (accessed 13.09.2019)
27. Gao, J., Zhou, T. 2018, Quantifying China's regional economic complexity, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, vol. 492, p. 1591–1603. doi: 10.1016/j.physa.2017.11.084.
28. Balland, P.-A., Rigby, D. 2017, The Geography of Complex Knowledge, *Economic Geography*, vol. 93, no. 1, p. 1–23. doi: 10.1080/00130095.2016.1205947.
29. Tullio, B., Giancarlo, C. 2018, Structural Change and Convergence Across European Regions, University Ca' Foscari of Venice, Dept. of Economics, Research Paper Series, no. 16. doi: 10.2139/ssrn.3197017.
30. Lyubimov, I.L., Lysyuk, M.V., Gvozdeva, M.A. 2017, Atlas jekonomicheskoy slozhnosti rossijskih regionov [Atlas of economic complexity, Russian regional pages], available at: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/wpaper/021801.pdf> (accessed 10.08.2019).
31. Kadochnikov, S.M., Fedyunina, A.A. 2013, Economic growth due to export externalities: a spatial econometric analysis for Russian regions, 2003–2008, *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, vol. 6, no. 4, p. 358–374. doi: 10.1504/IJEPEE.2013.057909.
32. Tacchella, A., Cristelli, M., Caldarelli, G., Gabrielli, A., Pietronero, L. 2012, A New Metrics for Countries' Fitness and Products' Complexity, *Scientific reports*, vol. 2, no. 723, available at: <https://www.nature.com/articles/srep00723> (accessed 10.08.2019). doi: 10.1038/srep00723.
33. Albeaik, S., Kaltenberg, M., Asaleh, M., & Hidalgo, C.A. 2017, 729 new measures of economic complexity (Addendum to Improving the Economic Complexity Index), ArXiv, 1708.04107, available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1708/1708.04107.pdf> (accessed 13.09.2019).

The authors

Prof. Niels Goran Arne Roos, Australian Institute of Industrial Transformation, Flinders University, Australia.

Email: goran@roos.org.uk

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0943-3585>

Dr Ksenia Y. Voloshenko, Deputy Director for Research, Institute for Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

Dr Tatyana E. Drok, Department of Economics and Management, Institute of Economics and Management, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: TDrok@kantiana.ru

Yulia Yu. Farafonova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

ВОСТРЕБОВАННЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСКЛАВНОГО РЕГИОНА И СТОЛИЦЫ

В. В. Кривошеев^а

С. Н. Макаров^б

^а Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

^б Смоленский государственный университет,
214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Поступила в редакцию 28.06.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-10

© Кривошеев В. В., Макаров С. Н., 2020

Социальные процессы на постиндустриальной стадии развития общества отличаются динамичностью, обладают сложностью и разноплановостью. Управление социальными взаимодействиями в такой ситуации становится отдельной компетенцией, которая детерминирована многими факторами. Природа формирования этих факторов связана с институциональным влиянием, индивидуальными особенностями и местом локализации субъекта и объекта управления. Вопрос, связанный с изучением и формированием управленческих компетенций, необходимых для успешного функционирования общества, остается одним из основных трендов современной науки, а для эффективности решения этого вопроса целесообразно применять междисциплинарный подход. Цель исследования — выявление управленческих компетенций, которые представляются необходимыми для обеспечения устойчивого и оптимального функционирования региональных систем управления. При этом на основе анализа слагаемых управленческих компетенций, а также определяющих их факторов делается заключение об их состоянии в центре эксклавного региона (Калининград) и в Москве.

В качестве методологической основы исследования использовалась авторская методика (свидетельство Роспатента № 2012660535), архитектура которой имеет фреймворковый характер и дает возможность объективизировать эмпирическую информацию по ключевым направлениям анализа (факторы и типы). В итоге в исследуемых регионах были раскрыты востребованные управленческие компетенции, их индикативные конструкции. Полученные результаты представляют не только сугубо научный интерес, но могут быть использованы на практике, в частности для повышения квалификации управленческих кадров, а также в преподавании ряда дисциплин в высших учебных заведениях по соответствующим направлениям и профилям.

Ключевые слова:

управление, эксклавный регион, руководство, лидерство, лидерское управление, управленческая компетенция

Для цитирования: Кривошеев В. В., Макаров С. Н. Востребованные управленческие компетенции: сравнительный анализ эксклавного региона и столицы // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 181–194. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-10.

Введение

В современном обществе управление, которое является важнейшим ресурсом всестороннего развития социума, становится и одной из центральных проблем социально-гуманитарного познания. Сейчас управленческая наука приобретает полидисциплинарный характер — для объективизации знаний, возможности их эффективного применения возникает потребность в использовании достижений, полученных в разных научных сферах.

В социологии управление выступает объектом изучения уже долгое время и детально рассматривается в рамках различных школ и направлений на разных уровнях социальной организации (макро-, мезо- и микроуровни). Тем не менее актуальность изучения управленческих практик не только не снижается, но, напротив, продолжает возрастать. Ускорение темпа социальных изменений, которые присущи эпохе постиндустриализма, постмодерна [1], почти тотальная информатизация общества [2] не снижают необходимости все более основательного проникновения в управленческие реалии, наращивания теоретических усилий в постижении этой сферы социальной жизни. Более того, научное освоение управленческих практик является не просто своеобразной данью времени и попыткой реализации модных научных тенденций. Усиление внимания к управленческой деятельности, всей системе воздействия на общественные процессы связано с упрочением прикладной направленности современной науки.

Изучая отечественные управленческие практики, важно в полной мере понимать специфику России. Речь в данном случае идет не только о размере территории, полиэтничности и многоконфессиональном составе населения, наличии различных культурных детерминант, ментальных особенностях, но и о сложном региональном устройстве, в частности наличии в составе Российской Федерации эксклава — Калининградской области.

Позиция самого западного региона России уникальна не только вследствие современного геополитического положения, но и с точки зрения истории, культуры, переселенческого характера формирования регионального социума. Этим определяется необходимость постоянного отслеживания, в том числе с использованием эмпирических социологических исследований, всех процессов, происходящих в регионе, включая и управленческие практики. Таким образом можно фиксировать выраженные тренды своеобразного управленческого мультикультурализма, который обусловлен и сохранившимися традициями управления, свойственными советскому периоду истории общества, и уже сложившимися постсоветскими практиками, и необходимостью в ходе взаимодействия, пусть и не столь активного, с западными партнерами (Польша, Литва) учитывать их управленческую специфику.

Примечательно, что, являясь неотъемлемой частью Российской Федерации и эксклавым регионом, Калининградская область должна, как и все остальные, реализовывать общую логику разработки и принятия управленческих решений и собственно управленческого мышления, которые задаются федеральной властью. Кроме того, центр, его управленческие структуры, по нашему мнению, были и остаются своеобразным ориентиром для реализации оптимальных управленческих действий.

Данная проблематика находится в плоскости понятия «управленческая компетенция». Управленческую компетенцию принято определять как уровень коммуникативно-познавательных умений и перцептивной готовности (восприятия), как наличие определенных навыков, в том числе навыков внимания, и нравственных установок к адекватной интерпретации смысловой информации [3, с. 404].

Управленческая компетенция — достаточно емкое понятие, которое включает в себя и социально-психологический блок характеристик субъекта и объекта управления. Сопряжение всех этих характеристик позволяет говорить о соотнесении управленческих ожиданий и, как следствие, возможности выстраивать эффективные управленческие взаимодействия, что в какой-то мере предполагает и унификацию процесса управления. Унификация процесса управления способствует формированию однородного управленческого стиля мышления, позволяет оптимизировать процесс принятия решений, сделать эти решения эффективными с точки зрения конечного бенефициара. При этом сфера подобной унификации (органы государственного и муниципального управления, коммерческие или образовательные структуры и т.п.), на наш взгляд, не является определяющим фактором.

Методология исследования

В качестве инструмента исследования использовалась методика «Система поддержки принятия управленческих решений» [4]. Методология исследования является полипарадигмальной, что позволяет не только описать микроуровень управленческих взаимодействий, но и оценить управленческие компетенции в исследуемых областях. При этом за основу авторами взяты следующие концепции: ситуационного подхода [5], символического интеракционизма [6, с. 89—157], деятельностного подхода [7, с. 294—306]. Ситуационный подход дает возможность рассмотреть непосредственные контакты субъекта и объекта управления [8, с. 22—38]. Символический интеракционизм позволяет анализировать ситуацию управленческих взаимодействий с точки зрения ее содержательного наполнения своеобразным управленческим контентом [9]. Деятельностный подход определяет характер оцениваемых ситуаций в процессе интеракций субъекта и объекта управления, а именно ситуаций действий субъекта и объекта управления, выбора ими варианта решения [10].

Логика инструментария исследования реализована на основе фреймовой структуры. Фреймовая структура упорядочивает знания при анализе, в нашем случае при изучении управленческого акта. В результате складывается законченный стереотип понятия («управленческая компетенция») [11]. Таким образом воссоздается управленческое мышление.

Структура исследовательского инструментария выстраивается на основе категорий «руководство», «лидерство» и «лидерское управление», которые описываются индикативно. При этом каждый индикатор имеет собственную операционализацию (табл. 1 [12]).

Таблица 1

Индикативное описание управленческих компетенций

Управленческая компетенция	Индикаторы и их операционализация
Руководство	<p>Организованность — умение планировать свои действия с целью увеличения эффективности работы.</p> <p>Дисциплинированность — строгое следование установленным регламентам осуществления организационных взаимодействий.</p> <p>Исполнительность — своевременное выполнение организационных задач в соответствии с регламентами и нормами.</p> <p>Трудолюбие — личностная характеристика руководителя, обозначающая его субъективное расположение к трудовой деятельности, проявляющееся в количестве и высоком качестве результатов</p> <p>Справедливость — наличие в личностном плане у руководителя критериев или совокупности ценностей, необходимых для обеспечения неформальных взаимодействий.</p> <p>Способность к инновациям — использование в управленческой деятельности передового опыта и технологий, необходимых для реализации организационных целей.</p> <p>Стратегическое мышление — отражение в деятельности подразделения целей организации в целом.</p> <p>Организаторский талант — умение планировать действия сотрудников с целью увеличения эффективности работы.</p> <p>Корректность — умеренная степень выраженности статусных отличий в ходе организационных взаимодействий в процессе управления.</p> <p>Требовательность — последовательные действия, направленные на стимулирование трудовой активности сотрудников.</p> <p>Ответственность — умение заботиться о качестве результатов труда.</p> <p>Настойчивость — последовательный контроль деятельности сотрудников в ходе достижения организационных целей.</p> <p>Прагматичность — умение ценить рабочие качества сотрудников выше их личностных характеристик.</p> <p>Решительность — индивидуальное качество руководителя, состоящее в умении своевременно и самостоятельно совершать управленческие действия</p>
Лидерство	<p>Дисциплинированность — строгое следование установленным регламентам осуществления организационных взаимодействий.</p> <p>Адаптивность — умение соотносить организационные цели с групповыми и индивидуальными целями.</p> <p>Коллективизм — демонстрация принадлежности к групповым нормам осуществления взаимодействий.</p> <p>Гармоничность — высокий уровень слаженности действий при реализации организационных целей.</p> <p>Целеустремленность — способность добиваться реализации организационных целей.</p> <p>Толерантность — лояльное отношение к индивидуальным характеристикам членов группы.</p> <p>Морально-нравственная убежденность, включающая эмоциональные интеллектуальные способности — наличие социально одобряемого блока норм и ценностей</p>
Лидерское управление	<p>Творческое отношение к работе — умение находить нестандартные варианты, обеспечивающие наиболее оптимальное решение текущих организационных задач.</p> <p>Риторичность — наличие у руководителя коммуникативных навыков, которые позволяют мотивировать сотрудников.</p> <p>Бдительность — разносторонний контроль организационных взаимодействий, который включает в себя внимание к целям организации, целям группы (неформальный аспект), к целям системы в целом.</p> <p>Убедительность как проявление эмоционального интеллекта — возможность находить логически связанные, эмоционально выраженные аргументы для формулировки управленческих решений.</p> <p>Коллективизм — демонстрация принадлежности к групповым нормам осуществления взаимодействий</p>

Выборочную совокупность исследования составили респонденты, занимающие руководящие и неруководящие должности в местах локализации исследовательского замысла (в Калининграде и Москве), работающие в различных организационных структурах (органы государственного и муниципального управления, коммерческие и образовательные организации). Количество респондентов — 186 человек в Калининграде и 764 человек в Москве. Выборка квотная, структурирована по полу, возрасту и статусу респондентов в организации (руководитель / подчиненный). Полученные количественные показатели соответствуют таблицам В.И. Паниотто, фактическая ошибка не превышает 4% [13, с. 167—181].

Факторы управленческой компетенции, сравнение региональных практик

Для сравнения региональных практик, связанных с особенностями управленческих компетенций, применялись различные методы математической статистики. Факторный анализ позволил изучить аспекты управленческих компетенций, концентрирующихся вокруг таких феноменов, как руководство, лидерство и лидерское управление. Для выделения факторов использовался метод главных компонент [14, с. 82]. При этом за основу исследования мы приняли принцип простой структуры Л. Тёрстоуна, что подразумевает нивелирование значения g -фактора (ведущего признака), предложенного Ч. Спирменом и открывает возможность для сравнения эмпирической информации по отдельным репрезентативным признакам исследовательской конструкции [15, с. 529—554]. В качестве критерия выделения использовался критерий Г. Кайзера, или критерий собственных чисел, согласно которому фактор должен выделять дисперсию, эквивалентную дисперсии одной переменной [16, с. 97—106]. Числовые показатели проведенного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Числовые показатели по результатам факторного анализа
базовых управленческих компетенций в регионах исследования**

Регион	Показатель		
	Руководство	Лидерство	Лидерское управление
Москва	1,15	1,35	1,24
Калининград	1,43	1,19	1,12

При анализе полученной информации существенно, по нашему мнению, что все заявленные базовые управленческие компетенции имеют значимые показатели. Однако специфика управленческих приоритетов различается в регионах исследования. Основная тенденция различий заключается в ведущем факторе, влияющем на модель поведения в субъект-объектных управленческих взаимодействиях. В Москве на первом месте находится управленческое лидерство. Данная управленческая компетенция, исходя из ее индикативного описания (табл. 1), наполнена характеристиками, относящимися к области социально-психологической коммуникации.

Несмотря на свойственную субъектам исследования приверженность к регламентам, обобщенная управленческая компетенция предполагает осознанное целеполагание, причем на уровне как индивидуальных, так и групповых установок. Также, оценивая ведущую тенденцию управленческой компетенции в регионе — инициаторе управленческой парадигмы (Москва), можно проследить запрос на слаженность

командных действий и достижение организационной цели как на критерии оценки успешности управления, а также на толерантность по отношению к индивидуальным особенностям сотрудников (внимание к этим особенностям, их изучение, разработка методик для объективной оценки индивидуального потенциала).

Особое внимание в рамках приоритетных управленческих компетенций уделяется, согласно эмпирически выделенной центральной тенденции, морально-этическому блоку как компоненту управленческой компетенции. Это не только сложное социальное образование, требующее особого таланта со стороны субъекта управления, который должен подобрать варианты инсталляции данной категории во внутренний план личности подчиненного, но и показатель социальной зрелости объекта управления, его готовности поддержать и принять организационную морально-этическую базу [17]. Сложность этого процесса заключается в том, что морально-этическая регуляция — это результат процесса социализации, и подобный индивидуальный блок уже существует в личностном плане как у руководителя, так и у подчиненного.

Риск когнитивного диссонанса [18] в данном случае очень высок, а механизм принятия платформы сложен. Во-первых, морально-этическая платформа должна быть четко актуализирована самой организационной структурой. Во-вторых, она должна быть принята руководителем (зачастую в современных организациях принятие морально-этических организационных норм выступает критерием успешной карьеры). В-третьих, должны быть подобраны способы, позволяющие подчиненным понять и принять эти морально-этические установки. Это индивидуальная работа, которая реализуется как на уровне организации в целом, так и на уровне управленческого взаимодействия между сотрудниками. И в-четвертых, необходимы методики, диагностирующие процесс усвоения системы морально-ценностных установок и норм поведения. В совокупности все это требует высокого уровня организованности работы с персоналом, что могут позволить себе далеко не все учреждения и что, безусловно, является важной управленческой компетенцией современного руководителя.

Центральная управленческая компетенция в эксклавному регионе выглядит несколько иначе. Здесь ведущая управленческая компетенция — это феномен «руководство» [19]. В системе управленческих взаимодействий руководство — базовая управленческая компетенция, на которой в дальнейшем выстраиваются более сложные формы (лидерство, лидерское управление). Рассматривая руководство как ведущую управленческую компетенцию, необходимо признать ее эволюционной формой, которая при наличии собственных индикативных конструкций имеет признаки, относящиеся к лидерству. Среди таких пересекающихся элементов можно выделить регламентацию как вариант увеличения организационной эффективности и организаторские способности (хотя этот компонент отражает формализованный аспект управленческого труда). Есть характеристики, условно соответствующие лидерству: стремление к поддержанию неформальной системы отношений; умеренная степень выражения статусных отличий (это все еще не толерантность, а скорее попытка выстроить комфортный субъект-объектный управленческий диалог); умение ценить профессиональные знания, умения и навыки сотрудников больше, чем их личностные характеристики (своеобразный управленческий прагматизм).

Большая часть индикативных характеристик управленческой компетенции эксклава сосредоточена в личностных качествах самого руководителя, что является ведущим отличительным признаком руководства как базовой управленческой компетенции. Именно руководство использует в качестве ресурса потенциал личности руководителя, тогда как лидерство ориентируется на синергию субъекта и объекта управления.

Совокупность личностных характеристик руководителя индикативно составляют также индивидуальная высокая культура труда (количество и качество выполненного); стремление использовать в своей работе инновационные подходы (опыт и технологии) для достижения целей организации; настойчивость в стимулировании трудовой активности сотрудников; контроль деятельности сотрудников и результатов их труда; самостоятельность в принятии управленческих решений (в рамках своих полномочий).

При этом было бы неправильно ограничить описание управленческих компетенций исключительно анализом центральных тенденций. Согласно полученной эмпирической информации все три взятые для рассмотрения в исследовании управленческие компетенции имеют репрезентативные показатели (табл. 2), а значит — в системе реальных управленческих контактов имеют проявление и, безусловно, оказывают влияние на общую модель управленческой компетенции взятых для сравнения региональных практик управления.

Наглядное противопоставление в управленческих прерогативах проявляется в диаде «руководство / лидерство». Эту закономерность мы рассмотрели выше. Такая управленческая компетенция, как лидерское управление, по-разному проявляет себя в регионах исследования. При этом если в Москве для нее наблюдается более высокое значение, то в Калининграде она занимает третье место. Сам феномен управленческой компетенции «лидерское управление» в нашем случае выступает своего рода акмической величиной. Это наиболее сложное с точки зрения практической реализации социально-психологическое образование, которое наряду с успешными управленческими практиками руководства и лидерства привносит в ситуацию управленческих взаимодействий новый импульс в работе с людьми.

Индикативное описание такой управленческой компетенции, как лидерское управление, включает в себя новый уровень управленческой культуры. Важным является то, что подобный управленческий феномен не может быть реализован на практике, если разделяется, понимается и применяется только руководителем или подчиненным или декларируется организацией как вариант характеристики бизнес-процессов. Успешный менеджмент на уровне лидерского управления возможен только в том случае, если руководитель ментально и профессионально готов к реализации этой сложной компетенции, а подчиненные обладают достаточной зрелостью, чтобы адекватно воспринимать ее. Что касается организации в целом, то она призвана поддерживать такие взаимодействия всеми средствами организационной культуры (нормы, ценности, установки поведения).

Индикаторы, описывающие управленческую компетенцию «лидерское управление», не реализуются отдельно от других описанных нами и взятых в качестве предмета изучения управленческих компетенций. Скорее можно говорить о дополнении имеющихся успешных вариантов управленческих взаимодействий новым характером отношений субъекта и объекта управления.

К таким дополнительным управленческим ресурсам относится умение руководителя актуализировать нестандартные варианты действий, которые обеспечивают эффективное с точки зрения качественных характеристик решение текущих задач, стоящих перед организацией. Также необходимо отметить и новый вариант осуществления контроля. В управленческой компетенции «лидерское управление» контроль взаимодействий внутри организации основывается не на анализе результатов деятельности сотрудников, а на отслеживании того, как реализуется ими целевой блок, куда входят цели организации, цели группы (подразделения), цели отраслевой среды. Важным компонентом лидерского управления является и умение руководителя обеспечить комфортную коммуникационную среду. Известно, что речь — это основной управленческий инструмент [20]. Поэтому коммуникативные

навыки, необходимые для мотивации сотрудников, применение руководителем логически выстроенной системы аргументации управленческих решений становятся нужным элементом в индикативной конструкции такой сложной управленческой компетенции, как «лидерское управление».

Таким образом, если рассматривать выделенные нами для анализа управленческие компетенции как вариант своеобразной управленческой эволюции, когда происходит развитие от простых управленческих действий к более сложным, можно констатировать, что эксклавный регион стремится преодолеть дисбаланс в управленческих предпочтениях менеджмента. Тенденция перехода к новой управленческой практике фиксируется на статистически близких величинах, описывающих и управленческую компетенцию «лидерство», и управленческую компетенцию «лидерское управление» (табл. 2, с. 185). Это можно оценивать как положительный тренд, поскольку, позиционируя изменения в реализуемых управленческих практиках как эволюционные, не стоит говорить о характере этих изменений как об однозначно заданной последовательности, ориентируясь на известные классические принципы эволюционизма [21]. В нашем случае при рассмотрении управленческих компетенций существует возможность перехода на управленческую компетенцию более высокого порядка, минуя промежуточные стадии.

Эмпирически это доказывается, во-первых, наличием признака лидерского управления в управленческих практиках эксклавного региона, а во-вторых, близостью управленческих компетенций «лидерство» и «лидерское управление» в абсолютных величинах (табл. 2). Для практической реализации перехода к новому формату управленческой парадигмы необходим триггер. В современной практике в качестве такого ресурса целесообразно использовать образовательные технологии. Современные образовательные технологии позволяют преодолевать дисбаланс в управленческом мышлении. И если московский вариант управленческой компетенции выйдет на уровень лидерского управления в традиционно эволюционном формате, то калининградский может достигнуть того же уровня за счет образовательных технологий опережающего развития [22, с. 17–24].

Типологические модели управленческих компетенций

Выявленные нами управленческие компетенции как факторы, определяющие доминирующую направленность управленческих взаимодействий, в ситуации практического применения могут нарушать заявленную индикативную конструкцию. Это связано с тем, что эмпирическая проверка в рамках выполненной нами схемы факторного анализа определяет наличие признаков как таковых, но в реальной ситуации можно наблюдать взаимопроникновения управленческих компетенций, наличие в ведущем плане управленческой деятельности более сложной комбинации индикативных признаков. Для установления подобных закономерностей и более детального сравнения целесообразно определить ведущие типы управленческих компетенций в местах локализации исследовательского замысла.

В качестве алгоритма математического выделения устойчивых сочетаний признаков управленческой компетенции оптимальным является типологический анализ [23, с. 30–37]. Традиционно в социологической науке метод типологического анализа позволяет определить устойчивые сочетания свойств, взятых для изучения объектов. Чтобы реализация заявленного метода соответствовала принятой процедуре, первоначально необходимо выделить объект типологии. В рамках данного исследования объект типологизации — это процесс управления, который соотносится с выделенными управленческими компетенциями и описывающими их ин-

дикаторами. Основанием типологизации выступает управленческая компетенция, которая дает возможность эффективно осуществлять процесс управления и представляет собой распространенную практику управленческих взаимодействий в исследуемых объектах (Москва и Калининград). Теоретические аспекты обоснования типологического анализа сосредоточены в индикаторах, которые были операционализированы в таблице 1.

Таким образом, появляется возможность выделить ведущий тип управленческой компетенции согласно региональным практикам применения в непосредственной управленческой деятельности. В качестве признаков, образующих типы, выступают социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, организационный статус).

Математическое оформление процесса определения устойчивых типологических сочетаний в регионах исследования было реализовано при помощи метода главных компонент [24]. При этом если в первом случае мы применяли ортогональное вращение, то во втором — косоугольное вращение. И если в первом варианте обработки эмпирических данных использовался метод вращения варимакс, то во втором — комбинированный метод. Также для определения числа типов применен критерий доли воспроизводимой дисперсии. Согласно заявленной модели обработки данных выделенные сочетания ранжируются по доле детерминируемой дисперсии.

В итоге среди полученных типологических сочетаний были выбраны два (по одному на регион исследования), которые набрали максимальное количество абсолютных числовых показателей.

Дальнейшая интерпретация результатов как эмпирической информации позволила выявить и назвать ведущие типы управленческой компетенции.

Из предложенного респондентам перечня слагаемых управленческих компетенций, которые представлены специалистами в сфере управления [25—27, с. 98—117; 28] и которые, на наш взгляд, наиболее точно отразили сущность этого феномена, оказалось, что в московском регионе распространены следующие: творческий подход к исполнению своих обязанностей; риторические способности и логика при актуализации управленческих решений; соблюдение регламентов деятельности; толерантность по отношению к индивидуальным качествам сотрудников; высокий уровень контроля за деятельностью подчиненных; осознание стратегических целей организации; отношение к труду как к необходимости для индивидуальной реализации; повышенное внимание к качеству собственной трудовой деятельности и трудовой деятельности подчиненных.

Респонденты эксклавного региона в качестве признаков ведущей управленческой компетенции предлагают следующий набор индикативных признаков: необходимость творческого подхода к осуществлению управления; коммуникативные способности при мотивации членов коллектива; внимание к индивидуальным профессиональным различиям подчиненных; индивидуальный подход при распределении трудовых обязанностей и компенсации за труд; высокий уровень контроля работы подчиненных; индивидуальное стимулирование сотрудников.

Таким образом, при соотнесении двух ведущих типов управленческой компетенции можно сделать вывод о том, что в установках субъекта управления как в Москве, так и в Калининграде существует достаточно большое количество схожих по своему содержанию признаков. Это, во-первых, говорит о значительном потенциале сопряжения управленческих систем компетенции и о схожести управленческого мышления; во-вторых, свидетельствует о том, что компетенции могут быть сформированы вне зависимости от географического распределения работников системы управления, а в силу ролевой функции в организации, что часто бывает положено в основу множества классификаций в менеджменте.

Выводы

Проведенное исследование востребованных управленческих компетенций и их сравнительный анализ в эксклавному и центральном регионах показывают, что имеется определенное различие в подходах к осуществлению управленческих взаимодействий. Эти подходы в основном выражаются в степени применяемых ресурсов, необходимых для оптимизации управления в ситуации непосредственных субъект-объектных управленческих отношений.

Управленческие ресурсы, выраженные в компетенциях, которые описываются при помощи индикативных конструкций с однозначной операционализацией структурных элементов, имеют незначительные отклонения. Этот дисбаланс концентрируется в области принятия за основу управленческого поведения мотиваторов [30] более высокого порядка. К ним относятся осознание стратегических целей организации (как на уровне руководителя, так и на уровне подчиненных); коммуникативные умения; осознание социальной значимости труда; культура трудовой деятельности; высокие требования, предъявляемые к собственной работе; инновационность управленческая (развитие управленческих знаний, умений и навыков) и инновационность операционная (усилия, прилагаемые для совершенствования способов, подходов и методов решения организационных задач).

Также необходимо отметить, что управленческая компетенция выходит за рамки сугубо качественных особенностей субъекта управления. Реализация таких сложных форматов управленческих взаимодействий не может быть успешно применена на практике, если только субъект управления (руководитель) не обладает необходимыми знаниями, умениями и навыками. Подчиненные должны иметь высокий уровень управленческой зрелости, чтобы адекватно реагировать на социально сложные варианты взаимодействий, предлагаемых управленцем. Эта ситуация в очередной раз доказывает актуальность современных подходов в социологии управления: управление в современных условиях рассматривается как субъект-субъектная система [31], а деление ролевых комплексов на субъект и объект управления в какой-то степени условно и служит для номинальной фиксации рассматриваемых в процессе изучения организационных или групповых статусов.

Проведенный анализ показал, что пересечения между подходами к осуществлению управленческих взаимодействий в Москве и Калининграде достаточно значимы. Различия, которые продемонстрировал эмпирический материал, свидетельствуют в большей степени не о разных подходах к пониманию процесса управления, а о происходящем в едином тренде процессе эволюции управленческих практик, и не только о востребованности определенных компетенций, но и об их сформированности, все более полном утверждении понимания того, как должно осуществляться управление, и о стремлении реализовывать эти управленческие модели на практике.

Важное место в нашем исследовании занимает его инструментальная часть. Замена классической модели социологического опроса фреймовой структурой предоставила нам несколько преимуществ при изучении и интерпретации востребованных управленческих компетенций. Сложная индикативная система с развернутой операционализацией компонентов позволила нивелировать проблему объективизации эмпирической информации. Оценивая предлагаемые композиционные формы, респонденты связывали числовую информацию с ее описательной частью. Таким образом, мы получили детализированную картину управленческого мышления [32], которая при помощи методов математической статистики сложилась в управленческие компетенции.

В результате исследования мы получили информацию о востребованных управленческих компетенциях в местах их локализации, провели сравнительный анализ и выявили определенные тенденции. Полученные результаты представляют, на наш взгляд, не только сугубо научный интерес, но могут быть использованы на практике, в частности, для повышения квалификации управленческих кадров, в преподавании ряда дисциплин в высших учебных заведениях.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
3. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А. В. Тихонов. М., 2015.
4. Макаров С. Экспертные системы в государственном управлении // Современные механизмы диагностики и оценки компетенций государственных служащих: отчет НИР (заключительный). М., 2013. С. 569—739.
5. Abu-Hussain J. Leadership styles and value systems of school principals // American Journal of Educational Research. 2014. Vol. 2, № 12. P. 1267—1276. doi: 10.12691/education-2-12-22.
6. Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. Добренкова. М., 1994.
7. Тюрина Ю. А. Деятельностный подход в социологии в исследовании отечественного образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Экономика. 2008. № 3. С. 294—306.
8. Богатырева К. А. Место концепции предпринимательской ориентации в современных управленческих исследованиях // Современная конкуренция. 2015. Т. 9, № 1(49). С. 22—38.
9. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М., 2017.
10. Завершнева Е. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное. М., 2018.
11. Сазерленд Дж. Scrum. Революционный метод управления проектами. М., 2016.
12. Макаров С. Н. Экспертные системы в государственном управлении. Смоленск, 2014.
13. Паниотто В. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев, 2003.
14. Gorban A., Kegl B., Wunsch D., Zinovyev A. Principal manifolds for data visualisation and dimension reduction. Series: Lecture notes in computational science and engineering. Berlin ; Heidelberg ; N.Y., 2007.
15. Thurstone L. Attitudes can be Measured // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. P. 529—554.
16. Татарова Г. Основы типологического анализа. М., 2007.
17. Козак Н. Формирование коллектива организации. Библиотека топ-менеджера. М., 2016.
18. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М., 2017.
19. Адизес И. Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из этого следует. М., 2018.
20. Калабин А. Управление голосом. М., 2006.
21. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
22. Бударина А. Homo Universalis: статус и содержание профессиональной универсальности личности // Выбор профессии: самоопределение, конкуренция, успех : матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2011. С. 17—24.
23. Бабич Н. Контент-анализ популярности типологического метода в западной социологии XX в. // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 30—37.
24. Гайдышев И. Анализ и обработка данных: специальный справочник. СПб., 2001.
25. Аззамов Р. Социально-управленческая компетенция в проблемном поле социологии управления // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 4. С. 1224—1229.
26. Тейт К. Работай легко. Индивидуальный подход к повышению продуктивности. М., 2015.
27. Щербина В. Рационализирующие, диагностические, управленческие социальные технологии. М., 2018.

28. *Белаишова В.* Моральные и материальные виды стимулирования // *Инновационная наука*. 2017. Т. 2, № 4. С. 179—181.
29. *Минков Е.* Мотивация. Структура и функционирование. М., 2014.
30. *Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М., 2004.
31. *Тихонов А.* Социология управления: фундаментальное и прикладное знание. М., 2014.
32. *Щедровицкий Г.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология : курс лекций. М., 2003.

Об авторах

Владимир Вениаминович Кривошеев, доктор социологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1380-6041>

Сергей Николаевич Макаров, доктор социологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: snmak75@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8563-0631>

MANAGERIAL COMPETENCIES REQUIRED: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MOSCOW AND THE KALININGRAD REGION

V. V. Krivosheev^a

S. N. Makarov^b

^a Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016

^b Smolensk State University
4, Przhevalsky St., Smolensk, Russia, 214000

Received 28 June 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-10

© Krivosheev V.V., Makarov S.N., 2020

In a post-industrial society, social processes are dynamic, complex, and diverse. Social interaction management is turning into a competency in its own right. This competency is shaped by many factors, which are affected by the institutional setup as well as the individual features and localisation of the subject and object of management. Investigating and developing the managerial competencies that are necessary for the successful operation of society is a major trend in contemporary science. Studies in the area require an interdisciplinary approach. The aim of this research is to identify the managerial competencies that are crucial for the adequate and stable functioning of regional administration systems. An analysis of the components of managerial competencies and their factors is carried out to identify their status in the centre of an exclave region (Kaliningrad) and in Moscow. The study draws on the authors' frame-based methodology (Rospatent No. 2012660535), which makes it possible to obtain objective empirical information on competency factors and their types.

To cite this article: Krivosheev, V. V., Makarov, S. N. 2020. Managerial competencies required: a comparative analysis of Moscow and the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 181–194. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-10.

Sought-after competencies and their indicative structures were identified for each region. The findings are not only of theoretical importance but are well adapted for practical purposes, particularly, for advanced training of managers and teaching related university disciplines.

Keywords:

management, exclave region, administration, leadership, leadership management, managerial competency

References

1. Bell, D. 2004, Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The upcoming post-industrial society. Social Forecasting Experience], Moscow, 944 p. (In Russ.)
2. Kastel's, M. 2000, Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economics, Society and Culture], Moscow, 608 p. (In Russ.)
3. Tikhonov, A. V. (ed.) 2015, Sotsiologiya upravleniya: Teoretiko-prikladnoi tolkovyi slovar' [Sociology of Management: Theoretical and Applied Dictionary], Moscow, 480 p. (In Russ.)
4. Makarov, S. 2013, Expert systems in public administration, Sovremennye mekhanizmy diagnostiki i otsenki kompetentsii gosudarstvennykh sluzhashchikh [Modern mechanisms for the diagnosis and assessment of competencies of civil servants], research report (final), Yu. Sinyagin (head of works), Moscow, RANKhiGS, p. 569—739 (In Russ.).
5. Abu-Hussain, J. 2014, Leadership styles and value systems of school principals, American Journal of Educational Research, vol. 2, no. 12, p. 1267—1276. doi: 10.12691/education-2-12-22.
6. Dobrenkov, V. (ed.) 1994, Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty [American Sociological Thought: Texts], Moscow, MGU, 496 p. (In Russ.).
7. Tyurina, Yu. A., 2008, An active approach in sociology in the study of national education, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, ser. 12, Economy [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12, Economics], no. 3, p. 294—306 (In Russ.).
8. Bogatyreva, K. A., 2015, The place of the concept of entrepreneurial orientation in modern management research, Sovremennaya konkurentsia [Modern competition], vol. 9, no. 1(49), p. 22—38 (In Russ.).
9. Blumer, G. 2017, Simvolicheskii interaksionizm: perspektiva i metod [Symbolic Interactionism: Perspective and Method], Moscow, 344 p. (In Russ.).
10. Zavershneva, E. 2018, Zapisnye knizhki L. S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks L. S. Vygotsky. Favorite], Moscow, 615 p. (In Russ.).
11. Sazerlend, Dzh. 2016, Scrum. Revolyutsionnyi metod upravleniya proektami [The revolutionary project management method], Moscow, 288 p. (In Russ.).
12. Makarov, S. N. 2014, Ekspertnye sistemy v gosudarstvennom upravlenii [Expert systems in public administration], Smolensk, 248 p. (In Russ.).
13. Paniotto, V. 2003, Kolichestvennye metody v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Quantitative methods in sociological research], Kiev, 269 p. (In Russ.).
14. Gorban, A., Kegl, B., Wunsch, D., Zinovyev, A. 2007, Principal manifolds for data visualisation and dimension reduction, Series: Lecture notes in computational science and engineering, Berlin-Heidelberg-New York, 328 p.
15. Thurstone, L. 1928, Attitudes can be Measured, American Journal of Sociology, no. 33, p. 529—554.
16. Tatarova, G. 2007, Osnovy tipologicheskogo analiza [Basics of typological analysis], Moscow, 236 p. (In Russ.).
17. Kozak, N. 2016, Formirovanie kolektiva organizatsii. Biblioteka top-menedzhera [Team building organization. Top Manager Library], Moscow, 70 p. (In Russ.).
18. Festinger, L. 2017, Teoriya kognitivnogo dissonansa [Theory of Cognitive Dissonance], Moscow, 340 p. (In Russ.).
19. Adizes, I. 2018, Ideal'nyi rukovoditel'. Pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet [The perfect leader. Why they can't become and what follows from this], Moscow, 264 p. (In Russ.).

20. Kalabin, A. 2006, *Upravlenie golosom* [Voice control], Moscow, 160 p. (In Russ.).
21. Shtompka, P. 1996, *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change], Moscow, 416 p. (In Russ.).
22. Budarina, A. 2011, *Homo Universalis: the status and content of professional personality universality, Vybor professii: samoopredelenie, konkurentsia, uspekhi* [Choice of a profession: self-determination, competition, success], Materials of the all-Russia scientific-practical conference with international participation, St. Petersburg, p. 17—24 (In Russ.).
23. Babich, N. 2008, *Content analysis of the popularity of the typological method in Western sociology of the twentieth century, Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], no. 27, p. 30—37 (In Russ.).
24. Gaidyshev, I. 2001, *Analiz i obrabotka dannykh: spetsial'nyi spravochnik* [Data Analysis and Processing: Special Reference], St. Petersburg, 750 p. (In Russ.).
25. Agzamov, R. 2013, *Social and managerial competence in the problem field of management sociology, Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], vol. 18, no. 4, p. 1224—1229. (In Russ.).
26. Teit, K. 2015, *Rabotai legko. Individual'nyi podkhod k povysheniyu produktivnosti* [Work easy. Individual approach to increase productivity], Moscow, 336 p. (In Russ.).
27. Shcherbina, V. 2018, *Ratsionaliziruyushchie, diagnosticheskie, upravlencheskie sotsial'nye tekhnologii* [Rationalizing, diagnostic, managerial social technologies], Moscow, 416 p. (In Russ.).
28. Belashova, V. 2017, *Moral and material types of incentives, Innovatsionnaya nauka*, vol. 2, no. 4, p. 179—181 (In Russ.).
29. Minkov, E. 2014, *Motivatsiya. Struktura i funktsionirovanie* [Motivation. Structure and function], Moscow, 416 p. (In Russ.).
30. Emmons, R. 2004, *Psikhologiya vysshikh ustremlenii: motivatsiya i dukhovnost' lichnosti* [Psychology of higher aspirations: personal motivation and spirituality], Moscow, 414 p. (In Russ.).
31. Tikhonov, A. 2014, *Sotsiologiya upravleniya: fundamental'noe i prikladnoe znanie* [Sociology of Management: Fundamental and Applied Knowledge], Moscow, 560 p. (In Russ.).
32. Shchedrovitskii, G. 2003, *Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya: kurs lektsii* [Organizational thinking: ideology, methodology, technology: lecture course], Moscow, 480 p. (In Russ.).

The authors

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1380-6041>

Prof. Sergey N. Makarov, Smolensk State University, Russia.

E-mail: snmak75@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8563-0631>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее и внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

— вступительное слово о теме исследования;

— цель научного исследования;

— описание научной и практической значимости работы;

— описание методологии исследования;

— основные результаты, выводы исследовательской работы;

— ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);

— практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

- 4) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);
- 5) список литературы (не более 25 источников);
- 6) приставейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);
- 8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

BALTIC REGION

2020
Volume 12
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
198 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru

Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13

www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2020

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Busygina*, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Pertti Joenniemi*, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Konstantin K. Khudolei*, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, University of Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolosov*, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Gennady V. Kretinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, Klaipeda University, Lithuania; Prof. *Daniela Szymańska*, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Political Regional Studies

- Oskolkov P.V.* Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns 4
- Lanko D.A., Lantsova I.S.* Party system nationalization in Estonia 16
- Gribanova G.I., Sootla G., Kersten K.* Local government reforms in Estonia: institutional context, intentions and outcomes.....32
- Romanova T.A., Sokolov N.I., Kolotaev Y.Y.* Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania 53
- Grigoreva O.V., Plyusnin N.O.* The danish parliament as an actor of Denmark's foreign policy towards the EU and Russia: a comparative analysis, 2005—2019 68

Social geography and regional sociology

- Zhitin D.V., Sechi G., Krisjane Z., Berzins M.* Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet St Petersburg and Riga 85
- Dezhina I.G., Soldatova S.E., Ushakova S.E.* Migration of researchers in the Baltic region: a forecast and factors.....115
- Mikhaylov A.S., Wendt J.A., Peker I.Yu., Mikhaylova A.A.* Spatio-temporal patterns of knowledge transfer in the borderland 132

Economic geography and regional economics

- Roos G., Voloshenko K.Yu., Drok T.E., Farafonova Yu.Yu.* An economic complexity analysis of the Kaliningrad region: identifying sectoral priorities in the emerging value creation paradigm.....156
- Krivosheev V.V., Makarov S.N.* Managerial competencies required: a comparative analysis of Moscow and the Kaliningrad region.....181

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2020

Том 12

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 26.03.2020 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,5
Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 15
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

